

СМЕНА

№ 12 июнь 1979

РАБОЧАЯ ЮНОСТЬ—
открытие мира,
постижение мира,
вступление в мир

Система. Это понятие ныне охватывает полнокровную, насыщенную учебной и трудовой жизнью более шести с половиной тысяч профессионально-технических училищ страны. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» (1977 год) отмечалось, что система профтехобразования «стала основной школой подготовки квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства». Динамичное, поступательное движение нашей экономики требует от рабочих труда творческого—качественного и эффективного. Иными словами, это должны быть люди высокого профессионализма и гражданской зрелости, ответственности. Все более возрастающую, активную роль в становлении будущей молодежи производственной играет деятельность комсомольских организаций ПТУ.

В профтехучилищах страны накоплен разносторонний опыт подготовки будущих станочников и механизаторов, строителей и транспортников, работников сферы услуг и торговли. Много творчества вложено в процесс обучения и воспитания питомцев профтехучилищ в учебных заведениях буквально каждой области, края, республики. В журнале «Смена» этот опыт находил систематическое отражение. Были опубликованы статьи и очерки, рассказывающие об успехах профтехучилищ Белоруссии, Литвы, Узбекистана, Казахстана, Грузии, Украины, а также Челябинска, Находки, Владивостока и других городов РСФСР, ряд материалов раскрывал педагогический опыт училищ Москвы, Ленинграда.

В этом номере редакцией предлагается вниманию читателей подборку материалов о постановке учебно-воспитательной работы в профтехучилищах Латвии.

Янис БРОДЕЛИС,
председатель Государственного
комитета Латвийской ССР
по профессионально-
техническому образованию

Начну с факта общепризнанного: государственная система профессионально-технического образования уже стала основным источником пополнения народного хозяйства квалифицированными рабочими кадрами. И самым надежным источником. Многолетние наблюдения специалистов доказывают, что производимость и качество работы «дипломированных» рабочих—наших выпускников—выше, чем у их сверстников, прошедших обучение непосредственно на производстве. Они активнее включаются в движение рационализаторов и изобретателей, быстрее поднимаются по ступенькам, ведущим к высотам квалификации, легче приживаются на предприятиях, реже меняют профессии, их чаще выдвигают в бригадиры и мастера.

В наше время—в эпоху НТР!—все меньше и меньше становится работы низкоквалифицированной и все больше специальностей, сложность которых не оставляет надежды на то, что ими можно овладеть «с налета». Кроме того, современное производство все настойчивее требует специалистов широкого профиля, с солидной политехнической подготовкой.

Все это убеждает: уже недалеко время, когда все рабочее пополнение будет приходиться на производство из наших училищ—средних ПТУ и технических, дающих рабочую квалификацию молодежи, окончившей десятилетку. Подготовка рабочих непосредственно на предприятиях сохранится лишь для немногих профессий—редких либо специфических для данного предприятия. Отсюда—масштаб, сложность и важность работы училищ профтехобразования. Ведь именно в наших классах, в наших мастерских готовится, воспитывается рабочий класс будущего—самая могучая сила общества, чье мастерство, знания, идеяльность, нравственно-моральные качества будут определять завтрашний день нашей жизни.

До установления Советской власти в Латвии действовало около 30 училищ. Обучалось в них не более 3 тысяч человек. И этого было даже много—у ворот каждого завода, каждой фабрики по утрам выстраивались очереди безработных... За годы, что прошли с тех пор, объем промышленной продукции вырос в республике в десятки раз. Сейчас у нас 77 училищ, в которых получает специальность 31 тысяча учащихся.

Система профтехобразования Латвии росла, развивалась, совершенствовалась вместе со всей республикой, шла в ногу с ее экономикой. Сразу после войны ФЗУ в предельно сжатые сроки готовили строителей для восстановительных работ. Потом стала все более расширяться подготовка рабочих для традиционных отраслей нашей промышленности—радиотехнической, машиностроительной, деревообрабатывающей, полиграфической. Начала развиваться химическая промышленность—мы открывали училища соответствующего профиля. Построили целый ряд учебных комплексов для подготовки механизаторов и мелиораторов. XXIV и XXV съезды КПСС поставили перед республикой задачу: всемерно развивать легкую промышленность. Вместе с крупными предприятиями, такими, как комбинаты в Лиенае и Огре, строились и открывались училища, в которых готовились их будущие работники. Сейчас мы много занимаемся проблемой резкого улучшения уровня бытового обслуживания, расширением сферы услуг.

В 1980 году в республике останутся

только средние ПТУ. Постоянно увеличивается число технических училищ. Все крепче становятся на ноги вечерние училища и вечерние отделения ПТУ, в которых молодые рабочие смогут не только повысить свою квалификацию, но и получить среднее образование. Во всех училищах идет целенаправленная работа по совершенствованию процесса обучения: повсюду введена кабинетная система, широко используются технические средства обучения, раздаточный материал, улучшается оборудование лабораторий и мастерских—мы стремимся, чтобы оно соответствовало оборудованию предприятий, на которых нашим выпускникам предстоит трудиться.

Можно ли, однако, считать, что задача подготовки молодого рабочего выполнена, если он просто достаточно хорошо овладел специальностью? Вряд ли. Одних навыков работы тут мало. Обучая будущего рабочего мастерству, нельзя не заниматься одновременно формированием его мировоззрения, его отношения к людям, к своему делу. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования», принятом 30 августа 1977 года, четко сформулировано: «Добиваться органического единства учебного и воспитательного процесса».

В нашем обществе совершенствование личности не личное дело каждого. Все мы заинтересованы в том, чтобы человек по-настоящему раскрыл свои способности, активно проявил себя как личность творческая. И это не может быть заботой системы профтехобразования, чей долг—дать учащимся основы нравственно-эстетических знаний. Ведь эстетическое воспитание—это и непременно воспитание этическое. Действительно прекрасное всегда нравственно. Истинное искусство—великая наука добра. Не менее важно научить наших ребят умению находить и вносить эстетические начала в свою трудовую деятельность, в свой быт, досуг.

У нас уже сложилась и определенная система эстетического образования учащихся. А начала она закладываться еще в послевоенные годы. Первые уроки эстетики мы проводили во внеурочное время—программа их не предусматривала. Мы сами, по собственной инициативе, договаривались о таких занятиях—это было что-то вроде консультаций культурного, художественно эрудированного человека,—искали подходящих людей. Зато когда курс эстетики был включен в учебные планы, у нас уже оказались накоплены и определенные традиции такого обучения и кое-какие наблюдения, из которых мы исходили, строя работу.

Действенность урока эстетики зависит от его идейно-методического уровня и наглядности: произведения искусства плохо поддаются описанию, их надо видеть, чтобы воспринимать. Фактически во всех училищах Латвии сейчас оборудованы отдельные кабинеты эстетического воспитания. А в прошлом году был проведен республиканский смотр-конкурс на лучший кабинет. Это был отличный обмен опытом. Лучшими были признаны кабинеты, не просто хорошо оснащенные техническими средствами и наглядными пособиями,—не меньшее внимание обращалось на творческое разнообразие методов преподавания. У преподавателей лучших кабинетов—в ГПТУ-1 Даугавпилса (преподаватель Г. П. Писаренко), в ГПТУ-22 Риги (преподаватель Г. И. Потапова), в ГПТУ-35

МОНИЯ

поселка Олайне (преподаватель К. В. Эйдука) — очень популярны нестандартные формы уроков — беседы, диспуты, викторины, экскурсии на базовые предприятия. При этих кабинетах организованы кружки, в которых ребята помогают преподавателям изготовлять наглядные пособия, делают доклады, выпускают стенгазеты.

Понятно, что сам по себе курс эстетики не может полностью решить задачу эстетического воспитания. Успех здесь может принести только комплексный подход, когда уроки в классах эстетики закладывают фундамент, а остальное достраивается, доводится в процессе самой широкой внеклассной работы. Формы ее, как подсказывает опыт, должны быть самыми многообразными. Здесь и работа нескольких — чтобы удовлетворять самым разным вкусам — коллективов художественной самодельности в каждом училище и встречи с поэтами, писателями, художниками, музыкантами, актерами. Концерты-лекции и передвижные выставки живописи, скульптуры, прикладного искусства. Посещения спектаклей и концертов, музыкальные лектории, кинолектории, клубы интересных встреч, народные университеты, олимпиады по эстетике, выставки технического и художественного творчества учащихся, поэтические кафе... Перечислить все просто невозможно.

Особенно глубокое впечатление производят на ребят личные встречи с работниками искусства.

...Хорошо помню свое первое выступление в Союзе писателей Латвии. Рассказал о наших училищах, о наших заботах, планах. Попросил о помощи, пригласил писателей побывать у нас. Не могу сказать, что у нас сразу возникло полное взаимопонимание. Были и сомнения в необходимости и действенности таких контактов. Но постепенно все больше и больше писателей становились гостями училищ. Отношения учащихся с ними становились все непосредственнее, дружелюбнее, прочнее. Установили мы контакты и с доглыми творческими союзами. Видимо, нам удалось пробудить у творческой интеллигенции интерес к нашей системе. Подтверждением этому может служить тот факт, что в Союзе писателей и Союзе композиторов Латвийской ССР состоялись расширенные заседания секретариатов, на которых обсуждались мероприятия по повышению роли литераторов и композиторов в нравственно-эстетическом воспитании учащихся профтехобразования. Были заключены договоры о совместной деятельности между Госкомитетом по профтехобразованию и Союзом писателей, композиторов и художников республики, а также Латвийской государственной филармонией и республиканским отделением бюро пропаганды советского киноискусства. Так что наши отношения — это не разовые «шефские мероприятия», а самая настоящая дружба, взаимное обогащение.

«У рабочей юности я черпаю свое вдохновение», — к этим словам нашего прославленного композитора Арвида Жилинского, уверен, присоединятся многие деятели искусства Латвии. Сам Жилинский, сделавший исключительно много для эстетического воспитания молодых рабочих, написал более сорока песен, посвященных молодежи, которая учится в ПТУ. Народный композитор республики Янис Озолинь более двадцати лет назад написал первую песню о трудовых резервах «Шаг за шагом, плечом к плечу». За это время наши

училища выпустили 250 тысяч рабочих. Думаю, среди них не найдется ни одного, кто бы не пел этой песни. Поют ее и сейчас. Композитор уже другого поколения Раймонд Паул начинал свой творческий путь как руководитель эстрадного оркестра нашего Дома культуры.

Повести и поэмы, рассказы и сценарии о молодых рабочих пишут лучшие писатели Латвии. Среди них Анна Саксе, Валдис Лукс, Ария Элксне, Вилис Лацис, Жанис Грива, Оярс Вацетис. Выступают они и на страницах газеты «Молодые руки» — органа республиканского Госкомитета по профтехобразованию. Было выпущено три сборника литературных произведений о нашей системе. 52 художника республики представили свои работы на конкурс на лучшее произведение литературы и искусства, посвященное учебе, труду и быту учащихся и работников профтехобразования. Уже дважды проводились выставки «Человек труда в изобразительном искусстве». В них принимали участие такие мастера, как лауреат премии Ленинского комсомола Гунар Кроллис, Джемма Скулме, Улдис Земзар и другие.

Одна из отличительных черт эстетического воспитания в наших училищах — массовость его воздействия. Возьмем, к примеру, ежегодные конкурсы чтецов. Начинаются они в группах. Участвуют в них все учащиеся без исключения. Затем проходит училищный конкурс, потом зональный. Завершает все республиканский. В результате в каждом конкурсе ежегодно участвует до 20 тысяч учащихся. До трех тысяч человек выступают на концертах, посвященных празднику труда.

Органически вливаясь во всю систему идейно-политического и нравственного воспитания, эстетическое воспитание своими средствами не только развивает у молодежи чувство прекрасного, любовь к искусству, но и формирует у юношей и девушек нравственно-эстетические стимулы к труду. «Настоящий пахарь не позволит себе проложить кривую борозду, сделать это не позволят его духовные качества. И здесь уже начинается эстетика». Слова эти принадлежат Карлу Миеснику, профессору, народному художнику Латвийской ССР.

В наших училищах молодые проводят лучшие годы своей юности, когда на всю жизнь складывается представление о мире, о преходящих и главных его ценностях. На всю жизнь...

«Совершенствование чувств», говоря словами Л. Н. Толстого, — процесс, длительный по времени. Как нельзя представить себе усвоение в мгновение ока профессиональных и технических знаний, так невозможно мимоходом воспитать духовно развитого, эстетически образованного человека. Вот почему процесс этот упорно и настойчиво творится в наших училищах ежедневно на уроках и после них. Совместно с работниками литературы и искусства республики. И этой работы не может быть слишком много, ее всегда только мало.

Обучение и воспитание молодых рабочих — нелегкое дело. Но подготовка новых кадров рабочего класса в эпоху научно-технической революции — задача общенародного масштаба. Только постоянное совершенствование всей учебно-воспитательной работы в профтехучилищах даст нашему обществу необходимое число рабочих, обладающих высоким профессиональным мастерством, прочным запасом жизнеутверждающих сил, большой духовной культурой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1250) ИЮНЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
учащиеся
ГПТУ № 22 Риги
на
судоремонтном
заводе.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

- 1 ПУТЬ В РАБОЧИЕ.
Янис БРОДЕЛИС, председатель Государственного комитета Латвийской ССР по профессионально-техническому образованию. «ГАРМОНИЯ».
- 2 «УРОКИ БЕЗ ЗВОНКОВ».
Фоторепортаж Игоря СЕРКОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 4 Стихи Станислава ЗОЛОТЦЕВА и Рафиля ФАЙЗУЛЛИНА.
- 5 Стихи Владимира ФАЛЕЕВА и Виктора КРУТЕЦКОГО.
- 6 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА.
Лена НИКИТИНА, Борис НИКИТИН.
«ДИАЛЕКТИКА ВОСПИТАНИЯ».
- 8 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Михаила ИВАНОВА «НА ПЕРЕВАЛЕ».
- 12 «КОГДА ПУД ЛЕГЧЕ ПУХА».
Фоторепортаж Валерия ГУРИНОВИЧА и Валерия ЮРЬЕВА.
- 15 НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.
Григорий АКСЕЛЬРОД. «КТО ТЫ, ТОВАРИЩ ЛЕЙТЕНАНТ?»
- 16 КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...
«МУЛЬТФИЛЬМ». Очерк Евгения КОЗЛОВСКОГО.
- 19 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 20 Игорь КОНСТАНТИНОВ.
«КРАСНЫЕ ПАРУСА НАД ТЕНГИЗОМ».
- 22 ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 24 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ.
«ЧТО ЗАПИШЕТСЯ В ИСТОРИЮ».
- 26 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ТИХО ЕДУТ СТЕНЫ ЭТИ...»
- 28 Повесть Леонида СЛОВИНА «ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО»

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц, Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1979 г.

СМЕНА 1

Жилинский, только накануне вернувшийся в Ригу, откладывать назначенную встречу не захотел. «Буду ждать, как и договорились, в четыре, — сказал он. — Вот только на этот раз было бы удобнее встретиться не в училище, а у нас — в консерватории».

...Они вошли в небольшой сравнительно класс, который показался им удивительно просторным. Потому что был он светел и не было в нем ничего — только черный рояль стоял, чуть сдвинутый от середины к окну.

Потом они увидели фотографии на стенах. Несколько рядов, один под другим, небольших снимков. И, угадывая, куда обращен этот всплеск общей заинтересованности, входивший за ними композитор негромко подсказал: «Это все великие скрипачи мира. Начиная с Паганини... Обычно здесь занимаются группы скрипачей».

А потом в этом классе пели будущие ткачихи Дайна Крузе и Ингрида Стурите, Аяя Бирзите и Валия Мартилите — вокальный ансамбль рижского ПТУ-26, где готовят текстильщиков.

Сначала пел только ансамбль. Вместе со всеми, кто пришел на встречу, слушал свою песню композитор. А потом он сел за рояль.

Какое-то время это была та же самая песня. Но что-то переменялось в ней. И это что-то захватывало, вело за собой всех поющих, возносило их голоса. И новое открывалось им в песне, в том, о чем они пели. И слушающим их оно тоже было понятно.

А потом запели все, кто был в классе...

Ансамбль раз за разом повторял припев.

Затем еще раз.

И еще.

— Устали?

Они переглянулись смущенно.

— Я думаю, если уж мы взялись за это — надо работать. Столько, сколько нужно. А это значит много. Очень много. — И пальцы композитора снова легли на клавиши.

Так она проходила, очередная встреча с народным артистом Латвийской ССР, профессором Латвийской государственной консерватории имени Язепа Витола, композитором Арвидом Жилинским. Вокальный ансамбль училища готовился к отчетному концерту учащихся профтехобразования. Со сцены театра оперы и балета, где будет проходить концерт, ансамблю предстояло впервые исполнить песню, написанную Жилинским вместе с поэтом Валдисом Луксом специально для училища. Пришли с ансамблем и другие учащиеся. Вот с ними-то в конце и случился конфуз. Композитор заиграл мелодию народной песни, никто, кроме ансамбля, ее голосами не подхватил. Оказалось — не знают. Смущались и сами девушки, и преподаватели, и директор. Тут же и решили срочно начать всем училищем готовиться к вечеру народных песен и танцев. Аккомпанировать, рассказывать о народном искусстве будет сам Жилинский.

А вечером композитор и девушки из ПТУ-26 встретились снова — на юбилее Государственного академического театра оперы и балета Латвийской ССР. С 60-летием театр поздравляли и ребята из училищ профтехобразования.

— Как-то пришли мы на оперный спектакль. А мы в этом театре бываем часто, отношения у нас с ними отличные, мы даже иногда помогаем им с реквизитом, ткем для них специальные сетки для декораций... Так вот, а во время спектакля, после первого акта, подходит ко мне одна наша новая ученица и признается, что она вообще ничего не поняла. Я говорю: а ты программку повнимательнее прочитай. А где ее взять, спрашивает, и вообще что это? — Улыбка на лице директора училища Инты Вильгельмовны Паулы была нерадостной. — Зато как часто слышишь от выпускников: жалко уходить из училища, столько узнали, открыли для себя за эти годы... Каждое прикосновение к искусству меняет их.

...Помню эту мастерскую. Художника. Руки его, перебирающие тяжелые листы графики и акварелей. И сами картины. Чужое зеленое небо с плавающим в нем белым следом невидимого самолета над развалинами древнего храма — из путешествия по Ближнему Востоку. Офорты цикла «Песнь о жизни», образы, навеянные книгой о революции Джона Рида. Сплетенные из гипербол и метафор рисунки, с протестующей горечью раскрывающие суть предвыборной борьбы в странах капитала. И полные мудрой простоты и ясности картины по мотивам народных сказок. И как главная тема — любимая Рига. Старая и новая. Ее подвиги и трагедии.

Помню, как он рассказывал о своих картинах, а выходило — о жизни. Как размышлял о том, ради чего стоит работать, а какие цели человека недостойны. Как показывал то, что было еще только наброском, первым неясным промельком образа, до которого, кто знает, сколько работы. Как сказал: «И сам бы хотел быстрее, да вот не выходит».

И еще помню движения пальцев одной из девушек над рисунком, вдруг, бессознательно попытавшейся повторить — запомнить? — стремительный полет линии художника. Несмелые поначалу вопросы гостей. А потом их молчание, когда спускались по лестнице, и другой уже — далекий от того, что было всего в час назад, — взгляд на два монументальных полотна, висящих прямо в подъезде.

Было все это в мастерской Гунара Кроллиса, заслуженного деятеля искусств Латвии, лауреата премии Ленинского комсомола. В мастерскую художника в тот день пришли девушки из ПТУ-26.

Может быть, самое важное в искусстве то, что оно открывает нам другого человека. Людей. Учит думать о них... Но нужно еще и быть способным услышать его зов. Понять, чтобы отозваться. И урок понимания лучше, чем тот, что был у девушек из двадцать шестого, представить трудно. И таких уроков у них много.

Игорь СЕРКОВ

УРОКИ БЭЗ

Не нужно, видимо, объяснять, насколько занятый человек начальник цеха такого завода, как Рижский судоремонтный. И все-таки начальник деревообрабатывающего на выставке технического и художественного творчества ребят из подшефного ПТУ-22 постоянно выбирается. И особенно задерживается у работ, представленных ребятами из кружка инкрустации по дереву. Пейзажи рассматривает — море, чайки, паруса. Шкатулки с причудливыми узорами, выложенными тонюсенькими пластинками из дерева всех оттенков.

Здесь, на выставке, он загодя подбирает из влюбленных в дерево ребят будущих работников столярного участка цеха, самого сложного, где работать по силам не всем. И прямо после училища в этот цех попадают обычно только ребята из кружка. Да и выходят они из училища судовыми столярами не второго, как предусматривает программа, разряда, а третьего-четвертого.

Чем же работа в этом цехе так отличается? А тем, что непременно требует она художественного вкуса и разностороннего мастерства. И еще — творческий у нее характер. Вот и ищут туда людей, кто и в себе такой характер уже открыл и в делах его проявил. Не только в мастерских, не только на практике, но и здесь — на выставке. Потому что рамками рабочего дня такой характер не ограничивается.

У Ивара Клявиньша, учащегося второго курса, работы к предстоящей выставке были уже почти готовы. Затейливой формы изящный подсвечник...

БУДУЩИЕ СУДОРЕМОНТНИКИ ЗНАЮТ ЦЕНУ ТОЧНОСТИ В РАБОТЕ.

В СТАРОЙ РИГЕ. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСТОРИИ.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ТАИНСТВАМ ИСКУССТВА. В МАСТЕРСКОЙ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ГУНАРА КРОЛЛИСА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ЗВОНКОВ

— Сначала, наверное, нарисовать пришлось, Ивар?

— Прикидывал, конечно... Основные контуры. Но потом на станке как-то под руками многое само собой изменилось... Надеюсь, лучше стало.

Еще одна работа — словно вылепленные из дерева силуэты старой Риги. Домский собор, Пороховая башня. Тут Ивар просто на память полагаться не мог. Надо было вокруг походить, каждый кирпичик глазами обшупать, запомнить. И с книгой по истории архитектуры Риги он во время работы не расставался. И занятия в классе эстетики на первом курсе у Тамары Ивановны Потаповой вспоминал с благодарностью. Об архитектуре она им много рассказывала... И стоял чуть в стороне, тоже почти уже готовый, переходящий приз победителю конкурса «Лучший по профессии». Вот только передавать его Ивару никому не придется — на последнем конкурсе он сам и победил.

А после выставки? Надо будет заняться вместе с другими ребятами такими же силуэтами старого города, только намного большего размера — они будут висеть в кабинете латышского языка. И еще сейчас они думают над макетами землянок, в которых жили во время войны парни из школы юнг Северного флота на Соловецких островах. Один для музея училища, второй для музея на островах. А еще Ивару Клявиньшу очень хочется поскорее закончить тримаран, который они сами делают в парусной секции...

— Мы стараемся сделать все, чтобы, как Ушинский писал, «сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что именно в эти минуты портятся голова, сердце и нравственность». — скажет Владимир Ильич Руднов, долгое время проработавший на Рижском судоремонтном, а потом возглавивший училище. — Одно это, я считаю, полностью оправдывает непростой труд наших преподавателей, руководителей всех наших кружков, самодеятельных оркестров, ансамблей, лекториев, дискотеки. А ведь работа тут идет куда основательнее... И называется она просто — воспитание. Нам же не может быть безразлично, кем они от нас выходят! Как они смотрят на свою работу, на свой завод. Пусть парень работать научился, а видит ли он в своей работе что-то еще, кроме зарплаты? Ради чего он на завод будет ходить?..

На одном из уроков эстетики ребятам задали творческую работу: написать о своих впечатлениях после первой практики на заводе...

«Нам, слесарям-судоремонтникам, доверено самое важное: ремонт сердца корабля — двигателя. И от того, как мы отнесемся к делу, зависит, как он будет работать в морях и океанах. Так что на нас, рабочих-судоремонтниках, лежит особая ответственность за судьбу каждого корабля. И поэтому каждая деталь, сделанная слесарем, должна быть изготовлена прочно, точно и красиво, чтобы душа радовалась».

Игорь Некрасов, 7-я группа.

«Наш завод окружают зелень и море. Над цехами летают чайки, а прямо у механического, где мы будем работать, стоят корабли. Станки в цехе окрашены в зеленый цвет. Цвет, который напоминает природу. Когда я уходил с завода, мне еще больше захотелось стать судоремонтником».

Айвар Логин, 6-я группа.

«Если бы на заводе не было зелени, он бы, наверное, казался угрюмым. Механический цех мне очень понравился. Это помещение просторное, светлое. Длинными рядами стоят токарные станки новых образцов. Рабочие места у токарей в полном порядке. Сейчас я тоже учусь на токаря. В нашей мастерской стоят такие же станки и тоже есть цветы, которые делают ее еще красивее. Хорошо оборудован и наш класс спецтехнологии. Очень хочется стать неплохим токарем. У токарей на нашем заводе очень сложная работа. Токарь нашего завода с третьим разрядом положит на обе лопатки даже токаря с пятым разрядом, если он с другого завода».

Олег Анзельм, 6-я группа.

«Эстетически продуманная обстановка труда улучшает настроение, а значит, и повышает производительность. Жаль, что наша рабочая спецодежда выглядит некрасиво, она мешковата и одинакова для всех специальностей... Дизайнеры большое внимание уделили организации рабочих мест на

заводе. У нас в слесарной мастерской есть столы с регулируемой высотой. А вот выдвигных стульев нет, и приходится весь день работать стоя. Думаю, дизайнером может стать каждый рабочий и даже учащийся. Для этого надо только проявить немного творчества, смекалки, фантазии и знания своего дела. Например, выдвигные сиденья для слесаря мы можем сделать сами — надо к рабочему столу приварить кронштейн и на нем закрепить сиденье. Хорошо бы провести зеленую аллею от центральной проходной к механическому цеху».

Аркадий Смирнов, 7-я группа.

«Когда мы идем на практику, то первое, что нас встречает, — стенд, рассказывающий о том, что наш завод награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мы гордимся, что работаем на таком заводе. Вот мы прошли проходную — и очутились словно в сказке. Крутом стоят морские суда, как бы продолжая цех на воде. Снуют краны, и кажется, что ты попал в один огромный цех. Наши рабочие места отлично оборудованы. Верстаки укреплены на подвижном стержне, их можно опустить или поднять по росту рабочего. Инструмент, которым мы работаем, разложен строго по порядку. А делаем мы пока молотки. Правда, они старой конструкции. Жаль, что нам не доверяют делать молотки новой конструкции, которые мы видели на занятиях по эстетике. Рабочие завода построили новый док, самый большой в Прибалтике. В нем производят ремонт сразу всего корабля. Этот док стоит величаво».

Сергей Белокопытов, 7-я группа.

Сейчас все эти ребята уже заканчивают первый курс. И слова сложеного в училище «Гимна судостроителей», надо думать, им теперь поближе стали.

*Надо не просто работать — творить,
Чтоб видеть морскую даль...*

*Чтоб в каждом ушедшем от нас корабле
Кусочек твоей души оставался...*

Клиент попался из трудных. Все ему не нравилось, он подозрительно воспринимал каждое движение парикмахера, просто капризничал. Как ни старался тот держать себя в руках, быть корректным, предупредительным, приходилось ему туго.

А группа валилась на столы от смеха. И даже преподаватель время от времени зачем-то отворачивался к окну. Парикмахеру наперебой подсказывали...

Это шел урок в классе эстетики рижского ГПТУ-34, где готовят работников сферы бытового обслуживания. Проходили тему «Производственная эстетика». И учащиеся представляли домашнее задание: проиграть сложную производственную ситуацию. Будущие парикмахеры «учились властвовать собой». И еще многому другому. Например, как быть одетой на работе, как причесанной.

Вилета Берзиня уже бывала на практике в парикмахерской, которая хотя и называется учебной — а

АЗБУКА КРАСОТЫ, ГРАММАТИКА ИЗЯЩЕСТВА...

**НАРОДНЫЙ КОМПОЗИТОР АРВИД ЖИЛИНСКИЙ
НАПИСАЛ НОВУЮ ПЕСНЮ О РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.**

их у училища пять,— но ничем от настоящей городской не отличается.

— Клиентов у нас много. Может быть, наши девушки пока работают и не так чисто, как старые мастера, зато они модную линию лучше чувствуют. И клиенты уже это оценили... Я сейчас даже нарочно не смогла бы прийти на работу небрежно одетой, плохо причесанной, потому что знаю: это бы мешало мне работать. И, наверное, я сквозь землю провалюсь, если человек, которого я стригла раз, в следующий раз откажется сесть в мое кресло.

Когда на одно из занятий ребята-часовщики пришли с эскизами идеально оформленного, на их взгляд, рабочего места, Галина Алексеевна Карасева, преподаватель эстетики, была приятно поражена изысканно подобранными сочетаниями цветов в некоторых работах. А потом ребятам даже поручили покрасить учебную мастерскую. На уроке в другой группе случился нешуточный спор: что лучше — квартира с готовым интерьером или с интерьером, подобранным по своему вкусу и сделанным своими руками?

— Это такой замечательный предмет! — Эмма Милушинайте даже смутилась от своей горячности. — У меня подруга училась в нашем училище. И когда она рассказывала мне о занятиях по эстетике и в классе спецтехнологии, о том, как они ходят в музеи, просто бродят по старой Риге, а учительница рассказывает о городе, я уже знала, что буду поступать только сюда. Нас даже учат, как правильно накрывать стол... И еще я знала, что смогу в училище петь. Только в школе я пела в ансамбле, а здесь в хоре. Он у нас большой — больше ста человек. И выступаем мы в самых лучших концертных залах. В них голоса звучат так, что даже не верится, что это ты поешь.

А Сережа Затирка пришел первый раз в училище с мамой. Они живут рядом. Новое здание училища нравилось им обоим, но в день открытых дверей мама была настроена несколько скептически: все-таки ПТУ. Но, похвалив по училищу, осмотрев все, согласилась: надо поступать. Быть Сереже часовых дел мастером.

Об этом мне приходилось слышать практически во всех училищах: активная работа по нравственно-эстетическому воспитанию во многом разрешает проблемы профориентации. Родителей эти вопросы весьма и весьма интересуют. А их позиция в вопросе, кем быть, решает многое. Система профтехобразования Латвии сумела убедить: она готовит не просто специалистов — культурных людей.

— В школе я мечтал о том, как бы побыстрее... закончить школу. Неинтересно мне там было,— объяснил Сережа.— И класс у нас был недружный, каждый чем-то своим был занят. А здесь у нас отличная группа, нам интересно вместе — дело-то у нас одно. Я из школы уходил после уроков, и никто меня до следующего утра не видел. А здесь я стал выступать с агитбригадой. Там все приходится делать: и петь, и стихи читать, и реквизит готовить. На республиканском конкурсе агитбригад мы заняли третье место, но тут надо учитывать, что первого там вообще не присуждали. Зато реквизита у нас было больше всех. В школе, думаю, меня бы в такое дело не заташили. А у нас все поют, танцуют, играют в оркестрах...

Тут Сережа заспешил: его ждут — они готовятся к первомайской демонстрации.

Система профтехобразования республики, как обычно, шла самостоятельной колонной, завершая торжества. И, как обычно, все согласилось, что эта колонна — самая яркая, самая интересная...

С чего начинается воспитательная работа в латвийских ПТУ? С уроков эстетики? Нет.

Начинается она с первых шагов ребят по училищу, по его кабинетам, мастерским. А первое впечатление прочное. Переменить его трудно. И здесь хорошо знают, что даже один вид училища сам по себе — это тоже воспитание. На красиво и умно оборудованных рабочих местах и работать хочется так же красиво и толково. И так в каждом деле, в каждой мелочи. Хотя, как известно, в воспитании мелочей нет.

Но, наверное, самая действенная воспитательная мера — личный пример преподавателей, мастеров, руководителей кружков, студий, самостоятельных коллективов. Потому что если учат они только на занятиях, то воспитывают каждую минуту, когда они вместе с ребятами. И ребята идут за теми, в ком чувствуют искреннюю, а не наигрываемую заинтересованность в своей судьбе. Им они верят, им подражают. У них учатся.

Все начинается с человека.

Кто не знает, как нелегко в Риге попасть в Домский собор на концерт органной музыки. А мне повезло — заключительное занятие музыкального лектория Дома культуры профтехобразования проходило в Домском соборе.

В зале были только ребята. Играли Баха, Моцарта, Глюка...

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫХ ЖДУТ

— Все мы из страны детства, и сегодня нам очень радостно видеть у себя в гостях тех, кто учил нас с детских лет любить прекрасное, отличать добро от зла,— писателей, по книгам которых мы открывали для себя мир сложный и прекрасный...— Люба Тройнович, приветствовавшая гостей, на секунду загнулась, потом просто стала читать стихи. Стихотворение называлось «Добрый человек». Среди гостей был и его автор — поэт Георгий Граубин.

Так в ГПТУ-43 началась встреча с поэтами и писателями братских союзных республик, участниками недели детской и юношеской книги.

Гости провели в училище целый день. В мастерских, кабинетах и лабораториях больше расспрашивали и смотрели, на заключительной встрече в актовом зале, украшенном работами учащихся, уже больше рассказывали сами. И отвечали, отвечали на вопросы, которые, казалось, никогда не кончатся. Потому что разговор шел о жизни. А потом читали стихи, вместе с ансамблем училища пели русские и латвийские народные песни...

— Я просто восхищен тем, что здесь увидел. Особенно уровнем эстетического воспитания. А это так важно для молодежи. Нам есть чему поучиться у латвийских писателей, для которых такие встречи — давняя уже традиция,— скажет потом известный армянский прозаик, главный редактор журнала «Литературная Армения» Карен Симонян.

Частые гости училища не только писатели. Не раз были здесь народные артистки СССР Эльза Радзиня и Вия Артмане. А в диспуте, состоявшемся после просмотра спектакля Академического театра драмы имени Яниса Райниса «Продавец дождя», принимали участие актеры, игравшие в спектакле. Приезжают сюда и художники. И музыканты. Приезжают, потому что их ждут здесь.

Эти встречи — настоящие уроки творчества, на которых учащиеся открывают для себя, что творчество может и должно быть естественным состоянием каждого человека, что оно не ограничивается искусством, а имеет прямое отношение ко всякому труду вообще, к жизни.

И в училище все больше и больше желающих заниматься в кружках технического творчества. И все больше работ на ежегодных весенних выставках учащихся. Все больше на стенах училища дипломов с республиканских выставок. А в прошлом году работы мастериц из сорок третьего представляли на выставках в Финляндии и Болгарии систему профессионально-технического образования Латвийской ССР. В этом году уже другие их работы будут демонстрироваться в Бельгии.

...Среднее ГПТУ-43 находится в Огре, небольшом городке. Готовит оно специалистов для местного трикотажного комбината имени 50-летия ВЛКСМ.

Елена ТОГУЛЕВА,
корреспондент газеты «Молодые руки»

Дом в степи

Не колодники — цепью,
не табун проскакал.
Пыль цемента над степью,
бьется в камень металл.

Солнце пьется глотками.
Соль на спинах блеснет.
В землю вдавится камень —
камень с плеч упадет.

Солнце льется сквозь поры
в кровь горячую вен.
И молочным раствором
скреплены плиты стен.

Не однажды, не дважды
вспыхнет зависть в тебе
от жары и от жажды
к верблюжьей судьбе.

Но достанется вдосталь
жестким нациям трав.
И расступится усталь,
место удали дав.

И вошла в твое тело
раскаленная высь.
А души твоей стены
с горизонтом слились.

На родной стороне небеса синей.
Если дуб — богатирской стати.
Озера томятся в серебряном сне.
Холмы, как валы, к горизонту катят.

Разве речке дано в тростниках обмельчать,—
знай, воронки опасные крутит!
...Почему же в глазах постаревших сельчан
ты все мальчик с ивовый прутик?

Солдат сначала землю рыл.
Окоп его укрыл.
Похоронили после боя.
И свежим холм могильный был.

...Теперь не различишь —
окоп, могила?

Земля позаросла бурьяном.
Вот здесь полынь чуть ниже
ветви наклонила,
а тут трава жгутами
скрыла яму.

Зеленые озера с серебряным отливом,
широкие разливы еще молочной ржи...
Я не был бы собою
и не был бы счастливым,
когда бы я не вышел на эти рубежи.

Когда бы не глотал я дымящейся дороги,
когда бы я не строил сосновые дома,
когда б не просыпался по боевой тревоге,
когда б без жарких писем
я не сходил с ума.

Под кровлею, под хвоей, под продувным
брэзентом,—
и где только не спал я, как мертвый,
до утра.

Как все мои ребята: крестьяне и студенты,
солдаты и поэты, врачи и шофера.

И многим нам назначен
век сильного свеченья.
А если вдруг случится перегореть,
так что ж—
я был самым собою, я плыл не по течению.
И воском наливалась в моей Отчизне розь!

Яблокопад

Медногубая осень разносится
в резких скрипах набрякших ветвей.
Веет тихо разноголосицей
по земле, по траве, по листве.

Травы поздние начисто скошены
от карельских низин до Карпат.
Небо выцвело, зноем изношено.
Начинается яблокопад!

Начинается время падения
краснобоких и вызревших тел.
Сквозь листву продираясь, по дереву
гулко быются плоды в темноте.

И забиты тропинок извилины.
И от падалиц кровли дрожат.
И хохочут в урочищах филины.
И бормочут во сне сторожа.

И пирог на расшитые скатерти
налегает, горяч и красива.
Это в яблочном запахе катится
звонкий свадебный гул по Руси.

Это яблоки падают, нагусто
покрывая траву и пестря,
покрываясь туманами августа,
сентября, октября, ноября...

Владимир ФАЛЕЕВ

В гостях

Опять корабели лета
Одели листвою леса—
Надулись раздольным ветром
Зеленые паруса.
Березы скрипят, как мачты,
Роща—парусный флот,—
По волнам пшеничного поля
Под облака плывет.
Деревня наша, как остров,
Улица, как канал,
Два тополя, будто лодки,
Ветер к окну подогнал.
Я сам приплыл, как по морю,
В порт ребяческих грез
И завтра в далекий город
Снова уйду, как матрос.
Жаль расставаться с садом,
В сердце смятенье и грусть,
Уйду я на год или на два
И, может быть, не вернусь,
А может,—не всхлипывай, мама!—
Еще побываю не раз,
Но кого-то в селенье малом
Уже не застану из вас.
Не вечны... Да слез не лейте!
Тащи-ка баян, родня!
И с пляскою веселее
Гурьбой провожай меня.
Наохлилась к буре ворона,
Качает на ветке хвост,
И ветер по полю гонит
Парусный флот берез.

Помнишь свеченье берез?
Клятвы в ту ночь скреплены
Строгою грамотой звезд,
Круглой печатью луны.
Помнишь, ласкался ручей,
Сумрак свистел соловьем?
Ныне в горластых грачей
Почки палат за окном.
Тесен больничный забор,
Стоны и грусть в городьбе.
В белых халатах сестер
Выйдут березы к тебе.
Ждет бугорок полевой,
Дятел гремит в барабан,
В роще целебной травой
Снова настоян туман.
Мчатся колеса к крыльцу.
Лунный просеется дождь.
Пригоршней свежесть лицу
Из родника зачерпнешь.

В белострунный березняк
Запряженный бык тащился,
Опаленный зноем тракт
Ржал и гикал на мальчишку.
Город въехал, как обоз,
В растворенные ворота,
Ярмаркой за поворотом
В душу детскую пророс.
Колокольни медный звон,
Многолюдье, скрип каретный,
Я, мужик десятилетний,
У купеческих колонн.
Не Емеля-дурачок,
И телега не лежанка,
Окружали горожанки
Магазин-особнячок.
Мельтешит тридцатый год
То цветастое свиданье,
и толкается в сознание,
И забыться не дает.
Все звенит тот бубенец,
Увозя меня от пашен
В мир, где с крыши флагом машет
Горсоветовский дворец.

Фантастический рассказ

Дуновенье вдохновенья—
И летучая строка,
Одолов сопротивленье,
Разрывает облака.
Удаляюсь безрассудно
От планеты голубой,
Где в лучах дорог повсюду
Наслаждаюсь глубиной.
Вот хвостатые кометы,
Лун зеркальные шары,
И космические ветры
Раздувают звезд костры.
В те миры бросаюсь смело,
Что поймал сетчаткой глаз,
В микронити, в микрострелы,
Что пронизывают нас.
Но роняю взгляд смиренный—
И у стога на лугу
Дуновенье вдохновенья
Вновь постигнуть я могу.
Без натуги и тщеславья
Весь людской кружится шар,
Луговые разнотравья
И осенних птиц базар...

Виктор КРУТЕЦКИЙ

Воспоминание о войне

Он лежал у ручья в ромашках,
А тебе шел десятый год.
Он забредил, и стало страшно
Воду лить в пересохший рот.
Но глаза он открыл—и сразу
Страх развеяло, словно дым.
Был он рыжим и синеглазым,
Очень тощим и молодым.
А потом он привстал неловко,
Улыбнулся...
И до сих пор
Помнишь ты, как он взял винтовку
И, шатаясь, двинулся в бор.
И ты часто грустишь, не зная,
Где он, в Минске или в Калаче.
Может быть, красота земная—
Дочка рыжая, озорная—
У него сейчас на плече.
А быть может, простая с тобою,
Не пришел он ни в полк, ни в дом
И давно стал густой травой
У седой сосны под крылом...

Когда над морем гаснет белый свет
И корабли мотает злая качка,
То птички стаи, словно крупный снег,
Ища спасенья, падают на мачты.
И с них они встревоженно глядят,
Как над волною молнии змеятся...
И только журавли вперед летят,
Летят во мглу и бури не боятся.
Лишь поплотнее жмутся к вожаку
Да, крик роняя, тучи рвут крылами,
Как будто на далеком берегу
Гнездовья видят в розовом тумане.
А если в стае падает один,
Кто посильней, крыло ему подставит.
И кажется, что журавлиный клин
Способен брешь пробить в кипящей лаве.
И кажется, их воле нет границ
Там, в грозовом, ослепшем поднебесье...
Не потому ли из любимых птиц
Они всех чаще залетают в песни?

Нежность робкая бабьего лета,
Как пленительна ты по утрам!
Сколько льется тепла и спекотного света,
Не торопятся пчелы к цветам.
И роняют притихшие чащи
Золотистые листья с ветвей...
В это время мы думаем чаще
О не сбывшемся в жизни своей.
И глядим в беспредельные дали,
Где, быть может, нас все еще ждут
Так, как будто впервые узнали
Настоящую цену минут.

Родине

И на восходе, первой птахе внемля,
И на закате, вспоминая мать,
Я рад, раскинув руки, пасть на землю
И крепко-крепко всю тебя обнять.

Всю—от крылечка и березы близкой
До самых дальних золотых полей,
От скорбной тишины у обелисков
До песни прилетевших журавлей.

Равиль ФАЙЗУЛЛИН

Сколько я песен узнал, подрастая на этой земле!
А лишь одну навсегда запомнил—
песенку детства святого,
как уголек, затаенный в золе.

Счастлив бывал я в жизни—
Помню объятья друзей.
Общую радость рублем не подменишь.
Тихо береза стоит, как свеча
в изголовии мамы
моей,
вот-вот погаснет от дуновенья.

Что ж, приводила тропа и меня на чужбину—
поле не пахло польною,
поранил слезой василек.

Милый мой край,
разве кровь я рябины покину,
легкий туман, что в долинах,
как пух перелетов, залег.

Перевел с татарского
Рустем КУТУЙ

Борис Никитин. Иногда нас спрашивают, послушны ли наши дети, не вступают ли с нами в пререкания, в споры. Надо сказать, что мы сами не стремимся к беспрекословному послушанию, подчинению со стороны детей. Ребенок должен не бояться быть самим собой и иметь право высказывать свое мнение наравне со взрослыми.

Когда-то я прочитал о том, что в первобытном обществе дети имели право присутствовать на общих собраниях племени, и иногда по реплике десятилетнего человека вносили изменения в какое-то решение. Вот ведь какое доверие оказывали тогда детям!

В нашей семье мы стараемся избегать споров от авторитарности, пытаемся строить жизнь на демократических началах: все, что касается общих дел или проблем, обсуждаем вместе с детьми, причем первое слово предоставляем младшему, а затем — по старшинству — очередь доходит до меня или до бабушки.

Иногда наши споры по наиболее острым вопросам мы записываем на магнитофонную ленту, а спустя какое-то время возвращаемся к ним и продолжаем «скрецивать шпиги» до тех пор, пока не придем к какому-нибудь общему мнению. При этом можно доказывать, возражать друг другу, но оскорблять и «обзывать» считается недопустимым.

Лена Никитина. Однако бывает и так, что у спорщиков не хватает аргументов, и они, как петухи, начинают насканивать друг на друга. Тут помогает добрая шутка — она сразу снимает напряжение и разгорающуюся неприязнь. Жаль, что не всегда хватает юмора на добрую шутку. Иногда получается что-то столь неуклюжее, что больше напоминает насмешку, колкость, иронию, а это только подливает масла в огонь. И страсти разгораются еще больше. Приходится учиться и этому нужнейшему в жизни искусству — шутить, находить смешное в самых, казалось бы, грустных ситуациях и безвыходных положе-

нии, отвергали, оценивали и спорили, спорили... Вспоминая сейчас это трудное для нас время, я с горечью думаю о том, что взрослые подчас забывали о том, что предмет спора — живые дети, и допускали — даже педагоги — бестактные выводы, прогнозы и замечания по поводу нынешней и будущей жизни наших ребятшек. Мы поистине вызвали огонь не только на себя, но и — что страшнее! — на своих детей. Однако сделать уже ничего не могли: спрятать детей от всего этого можно было только ценой притворства, обмана, в лучшем случае — утаивания правды, но на это мы не могли пойти ни за что! Вот и получилось так, что дети наши росли в обстановке далеко не мирной, и опасений у меня самых разных до сих пор предостаточно.

Но вот состоялся очень важный для меня разговор с совершеннолетним сыном (я не называю ребят по именам не случайно — они сами так захотели). Я спросила его, правда, не без смущения, но без всяких подвохов и подходов:

— Как ты думаешь, это было очень плохо, что мы всегда спорили обо всем при вас?

Он ответил, чуть помедлив и с некоторым недоумением:

— Почему плохо? Я считаю, что это вообще хорошо — слушать споры: интересно сравнивать доводы, самому находить решение независимо от того, кто как сказал. Ведь вы же не заставляли меня и всех нас обязательно высказываться, и мне не нужно было ни к кому подлаживаться, — вот это-то и было здорово. Это, наверное, хорошо учит мыслить. Помнишь, как в Древней Греции учили молодых: они присутствовали при спорах признанных мудрецов, но сами не принимали в них участия и не обязаны были присоединяться ни к той, ни к другой стороне. И так учились думать.

Это было замечательно, и я просто воспрянула духом: оказывается, дело было не в том, о чем мы спорили, а в том, какое участие в этом принимали дети. Мы действительно никогда не делали из них судей в наших спорах, не тянули их каждый в свою

сторону, не требовали высказаться, но и не возражали против их участия в споре. Словом, они были свободны в своих размышлениях и высказываниях. Так продолжается и сейчас.

Кроме того, у нас это не ссоры, а споры, не скандалы с явными или скрытыми оскорбительными нападками, а честные поединки с желанием непременно, самыми неотразимыми аргументами переубедить и убедить «противника». Конечно, без эмоций споры не обходятся. Бывает, и прорвется: «Ты ничего не понимаешь и не хочешь понять!» Бывают и слезы. Но все равно главное для нас — найти истину, а не уязвить друг друга. Поэтому мы и стараемся поскорее «отойти сердцем», перестать сердиться друг на друга.

Пример: никому никаких лучших кусков. Делили на всех поровну торты, дорогие фрукты, шоколадки. Получилось вроде все правильно: никто не в обиде и никто в одиночку ничего вкусного не съест, обязательно другим оставит. Мы были довольны: справедливость и забота налицо. Но стала я замечать, что уж слишком старательно следят ребята за точностью дележа — чтоб никому не досталось ни больше ни меньше. Такая скрупулезность покорила меня раз, другой. Потом начала раздражать все больше: запах какой-то мелочностью, счетами... Никому не приходило в голову, что дележ этот несправедлив: и маленьким и большим доставалось поровну, но малыши могли и не справиться со своей порцией, а старшим хотелось еще. Конечно, отдавали свое другому, но тогда, когда самому уже не хотелось. Получалось: на тебе, боже, что нам не гоже. Вот так забота!

Снова пришлось искать, как же от этого избавиться. Стали мы делать иначе: пала режет торт, например, на заметно неравные части: «Кому самый большой?» — «Дедушке», — предлагаю я. «А с этой красивой розой?» — «Маме?» — полуспрашивает кто-то из малышей. «Конечно, молодец!» — одобряет папа. «А вот эти — с шоколадками?» — «Папе». — «Нет», — говорит папа, — давайте их девочкам отдадим. Согласны, мужчины?» Сестренки смущены и обрадованы вниманием, а «мужчинам» приятно проявить великодушие: они тоже довольны. Конечно, сразу все гладко не получалось, но поворот к нужному был сделан, и как радостно было услышать: «Пусть Алеше три конфетки, а нам по две — он же большой» — или: «Мам, отдай мое яблоко малышам — им нужней». И надо было видеть глаза ребят при этом — радостные, доброжелательные. Счеты сели рознь, а забота вызвала расположение, протягивала ниточки дружбы.

Борис Никитин. Я думаю, что лучше всего, когда забота о других проявляется в деле, а не в словах. Потратить время, силы, нервы ради того, чтобы реально помочь кому-то, — вот что нужно прежде всего. Нам всем надо задуматься об этом очень крепко, если мы хотим, чтобы дети наши росли по-настоящему отзывчивыми и заботливыми. Роберт Оуэн говорил по этому поводу: «Дети должны стараться сделать счастливыми своих товарищей. Это правило должно быть первым и последним словом всякого воспитания». «Сделать счастливыми», а не просто сочувствовать и говорить добрые слова.

Статья Лены и Бориса Никитиных «...И дети воспитывают нас», опубликованная в седьмом номере «Смены», вызвала заинтересованный читательский отклик. Опыт воспитания детей в семье, где родители, не являясь профессиональными педагогами, нашли свой новый педагогический метод — раннее разностороннее развитие ребенка, — заинтересовала многих родителей, особенно молодых. По просьбе читателей мы печатаем новую статью Л. и Б. Никитиных.

Лена НИКИТИНА,
Борис НИКИТИН

ниях. Для этого бывает достаточно взглянуть на себя со стороны: надулись друг на друга, раскраснелись — настоящие петухи. Скажешь потихоньку: «Ку-ка-ре-ку», — всем становится смешно, и злости как не бывало!

Однако случаются трудные разногласия и между взрослыми, и обычно от детей их скрывают. А как делаем мы? Вопрос этот непростой, даже в какой-то степени больной для нас.

Дело в том, что мы волею-неволею с самого начала поставили себя в положение спорящих чуть ли не со всем белым светом: многое в нашей семье было непохоже на традиционное, привычное воспитание и воспринималось как вызов, нарочитое пренебрежение общепринятыми нормами и воззрениями. Сейчас я понимаю, что это отношение к нам имело под собой какое-то основание: увлеченные удивительнейшим и в общем-то новым для нас миром детства, мы забыли об окружающем нас мире взрослых и невольно пренебрегли некоторыми законами этого мира. С нами, наверное, происходило то же самое, что некогда случилось с Архимедом, когда он с криком «Эврика!» бежал по улице нагишом, возбуждая у добропорядочных граждан желание поймать оскорбителя благопристойности и... Нам тоже хотелось скорее рассказать людям о том, как много, оказывается, могут дети, как с ними интересно и легко, если создать для них иные условия жизни и изменить отношение к ним. Мы не причисляли своих мыслей и поступков, забывали одеть их в приличные — привычные! — одежды... Конечно, это раздражало очень многих, конечно, вокруг нас и ребят постоянно кипели страсти и споры. Спорили и мы между собой, иногда при детях.

— На что вы обрекаете ребят? — возмущалась бабушка, моя мать. — Вы издегаете их нервную систему, они не будут уважать ни вас, ни окружающих. Ты вспомни: знали ли вы, дети, когда мы с отцом были не в ладу? Никогда! Мы перед вами выступали всегда единым фронтом; никаких разногласий при детях у нас не было и быть не могло. В том была наша сила. А что делаете вы?

Я действительно не могла вспомнить ни одной ссоры матери и отца и мучительно сомневалась в правильности собственной беспокойной жизни. Но, сомневаясь, все-таки не могла предотвратить того, что уже накатывалось на нас, как лавина: сенсация, шумиха, вторжение в нашу семейную жизнь незнакомых и неблизких людей, которые тоже что-то предла-

стали, отвергали, оценивали и спорили, спорили... Вспоминая сейчас это трудное для нас время, я с горечью думаю о том, что взрослые подчас забывали о том, что предмет спора — живые дети, и допускали — даже педагоги — бестактные выводы, прогнозы и замечания по поводу нынешней и будущей жизни наших ребятшек. Мы поистине вызвали огонь не только на себя, но и — что страшнее! — на своих детей. Однако сделать уже ничего не могли: спрятать детей от всего этого можно было только ценой притворства, обмана, в лучшем случае — утаивания правды, но на это мы не могли пойти ни за что! Вот и получилось так, что дети наши росли в обстановке далеко не мирной, и опасений у меня самых разных до сих пор предостаточно.

Но вот состоялся очень важный для меня разговор с совершеннолетним сыном (я не называю ребят по именам не случайно — они сами так захотели). Я спросила его, правда, не без смущения, но без всяких подвохов и подходов:

— Как ты думаешь, это было очень плохо, что мы всегда спорили обо всем при вас?

Он ответил, чуть помедлив и с некоторым недоумением:

— Почему плохо? Я считаю, что это вообще хорошо — слушать споры: интересно сравнивать доводы, самому находить решение независимо от того, кто как сказал. Ведь вы же не заставляли меня и всех нас обязательно высказываться, и мне не нужно было ни к кому подлаживаться, — вот это-то и было здорово. Это, наверное, хорошо учит мыслить. Помнишь, как в Древней Греции учили молодых: они присутствовали при спорах признанных мудрецов, но сами не принимали в них участия и не обязаны были присоединяться ни к той, ни к другой стороне. И так учились думать.

Это было замечательно, и я просто воспрянула духом: оказывается, дело было не в том, о чем мы спорили, а в том, какое участие в этом принимали дети. Мы действительно никогда не делали из них судей в наших спорах, не тянули их каждый в свою сторону, не требовали высказаться, но и не возражали против их участия в споре. Словом, они были свободны в своих размышлениях и высказываниях. Так продолжается и сейчас.

Кроме того, у нас это не ссоры, а споры, не скандалы с явными или скрытыми оскорбительными нападками, а честные поединки с желанием непременно, самыми неотразимыми аргументами переубедить и убедить «противника». Конечно, без эмоций споры не обходятся. Бывает, и прорвется: «Ты ничего не понимаешь и не хочешь понять!» Бывают и слезы. Но все равно главное для нас — найти истину, а не уязвить друг друга. Поэтому мы и стараемся поскорее «отойти сердцем», перестать сердиться друг на друга.

ЗАБОТА О ДРУГИХ

Научить детей заботиться о других — задача сложная и важная. Я бы сказала, что главная родительская забота и должна состоять в том, чтобы научить детей быть заботливыми. Как? Много об этом приходится размышлять, огорчаться и радоваться. А вывод таков: чтобы дети росли внимательными и заботливыми, необходимы по крайней мере три условия: во-первых, самим взрослым всегда друг о друге заботиться, только не напоказ, а всерьез, чтобы в семье это было нормой отношений, нравственной средой обитания ребенка; во-вторых, с самого начала не отвергать желание ребенка помочь, принимать его заботу, пусть даже неумелую, всегда с благодарностью: «Спасибо тебе, доченька. Ну, что бы я без тебя делала... Выручил ты меня, помощник мой золотой». А в-третьих, вместе с малышом заботиться о ком-то, делать что-то для другого; папе, например, организовать с детьми уборку дома в мамино отсутствие, а маме побеспокоиться о том, чтобы к приходу папы с работы малыши вместе с ней приготовили для всех ужин и накрыли на стол.

Простые, кажется, вещи, а сколько понадобилось времени, чтобы разобраться в этом. Нас, правда, очень выручало то, что все мы очень расположены друг к другу. Даже наши споры всегда доброжелательны, а дело каждого обычно вызывает интерес у всех. Так у нас сложилось с самого начала, когда и семья-то не было, а были только двое: Он и Я. Буквально в первый день знакомства, обедая вместе во время перерыва на одном педагогическом совещании, мы разделили пополам между собой: он — ябло-

Лена Никитина. Но одно другому не должно мешать! Плохо, если сочувствие только на словах, но иногда и доброе слово — одно слово! — может человеку помочь. Когда расстроишься, так хочется, чтобы кто-то подошел, утешил, спел по-дружески: «Капитан, капитан, улыbnитесь!» — это ведь тоже забота, делающая людей счастливыми.

Мне хочется рассказать еще об одной нашей ошибке, которая добавила нам хлопот.

Старшим детям было уже лет по семь-восемь, когда я заметила, что все чаще в нашем доме слышится: «Но я же занят!». «У меня важное дело, а ты...», «Мне так хочется почитать...» Я, меня, мне... Это сталостораживать: почему такое заметное внимание к самому себе, своим делам и заботам — как бы отставание себя среди других. Откуда это? Казалось бы, к детям мы всегда внимательны, и наша жизнь для них тоже небезразлична. Мы дружны, все любим друг друга, и вот такое... Почему?

Одну из причин этого я увидела вот в чем. Мы довольно долго не догадывались о простом: ведь каждый, даже крошечный человек нуждается в таком времени, когда он полностью предоставлен сам себе: его не дергают, к нему ни с чем не лезут, то есть ему не грозит вторжение извне. И чем старше становится человек, тем нужнее ему это неприкосновенное время. Мы были уверены, что уж чего-чего, а свободы у наших детей хоть отбавляй — сплошная самостоятельность. Так оно и было, но при этом мы, взрослые, считали себя вправе в любое время, в любой момент, например, позвать: «Оля, иди ко мне!» Или что-то поручить: «Антон, сходи в магазин». Или просто: «Ты мне нужен», — независимо от того, чем занят тот, кого зовешь. Так же делали и ребята по отношению друг к другу.

Да и сами мы, взрослые, тоже фактически не имели этого необходимого, неприкосновенного времени: ребята могли прибежать к каждому из нас во время серьезной работы, разговора, чтения, и мы считали нужным прервать свое занятие и выслушивать их,

голоса родителей. А вот и голос сына: «Куда ты лезешь, мальчик, медали не для таких, как ты». Так он может сказать своему однокласснику, а может только подумать: такие дети вежливости как раз обучены.

Если бы у нас был один ребенок, наверное, мы не справились с этой коварной болезнью. Я очень хорошо помню ощущение: мой ребенок особый, необыкновенный; все остальные дети — не то, совсем не то! И — вот что страшно! — все это на уровне подсознания, почти инстинкта, поэтому с этим трудно бороться. Но вот родился второй, третий... Ощущение чужда хоть и осталось, но перестало сосредоточиваться на одном, вошло в нормальные рамки материнской любви, конечно, пристрастной, но не гипертрофированной. Появилась другая опасность: словечко «вундеркинды» прилипло к нам надолго. Некоторым из гостей и знакомых наши дети стали казаться необыкновенными. Вот это было и вовсе ни к чему. Мы стали замечать, что при гостях наши «звезды» (их тогда было трое) и ходить начинают как-то не так, и улыбаться слишком часто, и показывать свои физкультурные упражнения, как бы оказывая снисхождение присутствующим, — все это в степени пока небольшой, но все-таки заметной. Ого! Когда я это обнаружила, решила твердо: никаких показов и демонстраций, надо прекратить этот хоровод вокруг ребят!

Борис Никитин. Но было уже поздно! Как мама ни настаивала на этом, мне не позволяла совесть отказать многим людям, которые уже тогда шли в наш дом посмотреть спортснаряды, кубики, игры и, конечно, самих малышей. Ведь приходили не просто любопытствующие, а люди действительно нуждающиеся в совете и помощи. Впрочем, мы и сами нуждались в доброжелательном взгляде со стороны, в дружеской поддержке. Я не видел большой беды в том, что ребята покажут свои достижения, — ведь все дети это очень любят.

Тогда мы договорились: никаких сверхпохвал, дело

надо оберегать от всяких треволений, какая там борьба за правду и справедливость? Возражение это не придумано — так или почти так говорили нам неоднократно. Какое заблуждение! Если этому не научиться до школы, каково же будет в классе, где сталкиваются тридцать — сорок характеров и никакому учителю невозможно разобраться в сложности взаимоотношений каждого с каждым. Трудно представить себе, сколько разных проблем сваливается на человека в первый же день его пребывания в школе, проблем, которые он вынужден решать сам, без чьей-либо помощи.

Вот мальчишка на уроке дернул сзади за волосы. Стукнуть? Не заметить? Пожаловаться? А он опять дернул. Так вот же тебе!

— Встань, как твоя фамилия?

— Ну, Петрунин...

— Хи-хи, Петрушка...

Обидеться или засмеяться? Ну, вот, в носу защипало, слеза по носу поползла... И чего эта девчонка смотрит и смотрит?..

— Марьиванна, а Петрунин язык мне показал!.. Марьиванна, а Петрунин дерется!

У-у, сама толкнула, а сама жалуется! Еще стукнуть? Сказать учительнице? Или потом задать ябеду как следует?

И все это в течение каких-нибудь двух минут. Вопрос «Как поступить?» теперь будет одним из главных в жизни ребенка. От него никуда не денешься, а ситуации все усложняются: старший мальчик в коридоре толкнул, а «большой дядя» в туалете заставляет поднять свой окурочок и бросить в урну. Как поступить? Покориться? Смолчать? Возмутиться?

Нет, это очень важно, чтобы человек как можно раньше узнал, как надо поступать в те или иные трудные моменты. И не просто знал, но уже и поступал, много раз пробовал себя в разных ситуациях, чтобы до школы выработал чувство собственного достоинства, гордость, смелость — качества, совершенно необходимые для жизнестойкости, самоуваже-

И КАК ВОСПИТАНИЯ

исподволь испытывая при этом некоторую досаду и раздражение. Но мы терпели, ибо считали: это и есть свобода и равноправие. А получалась элементарная бесцеремонность и неуважение к делу и времени друг друга. Это не могло не привести к нервозности в отношениях. В доме возникла еле уловимая, а потом все более отчетливая тенденция защищаться, отстаивать себя. Вот и появилось: «Не мешайте, пожалуйста, у меня столько еще дел!», «Не приставай — я уроки делаю», «Ну, почему я? Я и так не успеваю...»

Чтобы избежать этого, следовало установить порядок: занятого человека не следует отвлекать без крайней необходимости. Это тоже проявление заботы, в которой нуждается и большой и маленький человек.

Да, забота проявляется по-разному, но главное, мне кажется, в том, что надо очень хорошо понимать того, кому хочешь помочь — словом ли, делом ли. Иначе забота может обернуться обидой.

Вот я и вернулась к тому, с чего начинала: важно понимать друг друга, находить общий язык каждому со всеми: сначала в семье, потом в школе, во дворе, на улице — везде. Этому приходится учиться все время. И тем успешнее постигаешь эту трудную науку жизни, чем неравнодушнее и добрее относишься к людям, чем интереснее для тебя своеобразие каждого человека, его непохожесть на других. В этом интересе и уважении к людям и состоит, по-моему, секрет общительности, контактности — очень нужно в жизни свойства.

МИКРОБ ТЩЕСЛАВИЯ

Нас часто спрашивают: «Общительны ли ваши дети, не заносчивы ли они, не считают ли себя выше остальных, поскольку растут эдакими знаменитостями чуть ли не с пеленок?»

Что говорить, опасность такая была. Вообще микроб тщеславия и зазнайства очень силен. Чуть зазеваешься, он уже тут как тут — сидит и погоняет: ты должен быть впереди, ты можешь быть лучше всех, ты самый, самый. Для этого надо просто несколько раз сказать это себе и своему чаду. А дальше пойдет: «Алик, покажи тетям и дядям...», «Вовочка знает уже пятнадцать букв, а ты...», «Посмотрите, как он рисует — талант!», «Что вы, только в английскую школу!», «Ну, конечно, отличник...» — это

обыкновенное, были бы у других детей те же условия, они бы развивались так же или еще лучше. Гостей мы просили не слишком восхищаться и воздерживаться от эпитетов в превосходной степени. Мы всегда получалось, как хотелось бы, но все же подобная мера принесла плоды: ребяташки кривляться отучились. Конечно, проблема полностью не была снята, сложности остались, но мы были теперь начеку.

Отчасти в целях профилактики я часто организовывал соревнования наших малышей с соседскими ребятами: по бегу, прыжкам, метанию, гимнастическим упражнениям. Наши обычно были сильнее в гимнастике, а в беге и прыжках побеждали не всегда. в метании же и вовсе отставали. Не обходилось без слез, но зато ребята усваивали, что они не «самые-самые», что и другие — тоже молодцы. Между прочим, соревнования и меня научили быть посдержаннее в похвалах и объективнее в оценках: секундомер бесстрастен и одинаков по отношению ко всем.

Окрестные ребяташки приходили к нам не только на соревнования, но и в мастерской повозиться, на турнике или кольцах позаниматься, просто поиграть. Мы их не стесняли, в занятиях старались не вмешиваться, но наблюдали изредка: как там наши ребята среди остальных, более старших? Удивляло, что они себя ни младшими, ни слабыми считать не хотели — играли, а если приходилось, и ссорились на равных правах. Я говорю в прошедшем времени, потому что те, о ком речь, уже выросли. Но то же повторяется сейчас и с младшими их сестрами и братишкой, которые своих старших очень любят, но внешней почтительности к ним не проявляют и никакой зависимости от них не испытывают. По-прежнему ходят к нам ребята со всей округи, приезжают родители с детьми всех возрастов. Контакты с ними налаживаются быстро, хотя бывают, конечно, и конфликты и обиды. Кстати сказать, в соры детей мы стараемся не вмешиваться, предпочитаем, чтобы они сами могли во всем разобраться, отстаивать правду и справедливость, а если нужно, и за себя постоять, и другого защитить.

ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Лена Никитина. Некоторые могут сказать: да речь-то идет о дошкольниках, дети они еще, крошки. Их

и сохранения себя как личности независимой. Как создать их в человеке, чтобы берег он честь смолodu? Привычная фраза, а что за ней?

Борис Никитин. Мы уже говорили, что отвергли послушание как цель воспитания, потому что от послушания до покорности — один шаг. А покорный человек — игрушка в руках сильного. Мы стремились, чтобы ребята, даже самые маленькие, имели собственное мнение и не боялись его высказывать. Именно поэтому в самых разных житейских ситуациях мы старались предоставить ребенку право решать и поступать самому и за ошибки свои расплачиваться тоже самому. Мы старались не просто приказывать или отдавать распоряжения, требуя немедленного выполнения, а объяснять, почему нужно что-то выполнить.

Наши ребята не приемлют несправедливости. Помню один случай, когда в мастерскую, где я проводил урок труда с восьмиклассниками, пришел восьмилетний Антошка. Один из ребят — выше меня постом — решил над ним подшутить: провел по его волосам рукой «против шерсти» и сказал что-то обидное. Я стоял далеко и не сразу понял, что произошло. Вижу только, мой Антошка вдруг как подскочит к обидчику (а сам ему чуть не до пояса) — кулаком его раз, другой, третий! Тот даже ошел: «Ну чего ты, я же пошутил...» Больше к Антону уже никто не приставал, поняли, что он в обиду себя не даст.

Лена Никитина. И не только себя, а это, думаю, поважнее. Как-то Оля вступилась за брата, когда мы все были настроены против него, а она считала, что это несправедливо. И ведь доказала, что мы были не правы. Я хорошо помню, как ей было трудно говорить — ведь и десяти ей не исполнилось, а кругом нее рассерженные взрослые, старшие, младшие, возмущенные «безобразным поступком» Антоша. Но она видела, как все произошло, рассудила по-другому и стояла на своем, пока мы не разобрались во всех тонкостях происшедшего конфликта и не признали ее правоту.

Мы стремимся воспитать ребенка так, чтобы в сложных случаях он научился действовать не из страха или какой-то выгоды, не по принципу «наших бьют!» и не потому, что «хочу, чтобы было по-моему!», а по справедливости! Чтобы умел оценить каждую ситуацию, решить, кто прав, кто виноват, на чьей стороне выступить. Умел правильно ориентироваться в нравственных ценностях.

Трудно предугадать литературную судьбу молодого человека, если он написал пока лишь несколько рассказов, пусть даже и хороших. Будущий успех зависит от многих составляющих, среди которых не последнее место занимают упорство в работе и жизненный опыт. И то и другое есть у Михаила Иванова, чей рассказ «На перевале» печатает «Смена». Ясен и прост язык рассказа, ясна авторская мысль. И в этой безыскусности нет позы. Редкие качества для начинающего свой путь в литературу.

Судя по первым рассказам Михаила Иванова, он уже нашел свою тему: его интересуют проблемы нравственности. Что ж, для человека, поработавшего токарем, имеющего филологическое и юридическое образование и работающего в журнале «Человек и закон», здесь открывается широкое поле деятельности.

Сергей ВЫСОЦКИЙ

НОВОЕ ИМЯ

НА ПЕРЕВАЛЕ

Михаил ИВАНОВ

РАССКАЗ

Резкий гортанный крик неожиданно возник где-то совсем близко, испуганно заметаясь между скал, отдаваясь многократным эхом, скользнул вниз, в глухие расщелины, невидимые в темноте, и там постепенно затих.

Канеев, приткнувшийся к небольшому валуну, который служил ему укрытием, насторожился. Рука его непроизвольно потянулась к поясу. Однако пистолет вытаскивать не стал. Минуты две лежал замерев. Но горы дышали прежним спокойствием. Он облегченно вздохнул: «Зверь, наверное, какой-нибудь. Или птица...»

От неподвижного лежания тело его затекло. Подождав немного, он, по-старчески кряхтя, поднялся. Сделал несколько шагов. Пока сидел, тепло удавалось как-то сберечь, а встал — и сразу неприятный утренний холодок непрошеным гостем полез за воротник шинели. Внизу, в долине, теплынь, лето, а здесь — холодина. Ну да что поделаешь — горы. Забрался-то почти на самую верхотуру. Если чуть выше подняться, то и до снега доберешься. Какое уж тут лето!

Метрах в пяти от того места, где Канеев, зябко ежась и похлопывая в ладони, чтобы хоть немного согреться, нелепой для его пожилого возраста прыгающей походкой ходил взад-вперед, узенькой каменистой полосой виднелась дорога. Долгими и трудными спиральями она взбиралась вверх, чтобы, достигнув перевала, снова ринуться вниз, в головокружительный извилистый путь. Но здесь, на перевале, она метров этак с десяток шла ровно. На этой коротенькой площадке шоферы обычно останавливались, чтобы перевести дух перед предстоящим спуском.

Канеев посмотрел на дорогу и вздохнул. А вдруг напрасно все это? Проторчит он здесь, промерзнет на ветру — да попусту? Можно было бы, конечно, устроиться внизу: там и потеплее и ждаты поудобнее. Так-то оно так! Да только внизу дорог и тропинок много. Угадай-ка, по какой из них пойдет человек, которого он ждал. А у перевала все дороги и тропинки сходятся в одну — вон в ту, что чуть заметно выделяется в нескольких шагах отсюда. Другой дороги нет. Справа, прямо над головой Канеева, выпирает бугристая скала, которая круто уходит вверх. Слева — бездонная пропасть, от которой дорогу отделяют небольшие, выкрашенные белой краской столбики. Так что хочешь не хочешь, а ежело собрался двигаться через перевал — никак тебе не миновать этого места.

А если он уже миновал? А? Да нет, не может этого быть! Никогда не мог он успеть... А почему ты, собственно, в этом так уверен? Мог и успеть. Вот ты приехал сюда на попутной машине вчера незадолго до того, как начало темнеть, а он на предыдущей попутке за каких-нибудь пять минут до тебя — взял да и проскочил через перевал. С него становится — парень он ловкий. А может, и вообще не через перевал делал его путь. Много их у него, путей-то. Тут тебе и вокзал, через который каждые десять — пятнадцать минут проходят пассажирские и грузовые поезда, и шоссе-ные дороги, расходящиеся в разные стороны, остановил любую машину — и будь здоров; и всякие тропки проселочные... Все это сейчас постарались перекрыть, ну да ведь всего не перекопешь. Наконец он мог вообще никуда не ехать и забиться в какую-нибудь нору и переждать, когда утихнет вся эта шумиха.

«Скверно, — думал Канеев. — Скверно, когда чем-то занимаешься, не зная, получится ли из этого что путное».

К привычным ночным шорохам примешался звук, похожий на жужжание майского жука. Он становился все сильнее и сильнее, пока Канеев не определил: едет машина. Шум мотора приближался медленно и тяжело.

«Грузовик, — отметил про себя Канеев. — Сильно груженный».

В самом деле, скоро на площадке, освещая себе дорогу двумя сильными снопами света, выполз ГАЗ-51, с крытым матерчатым верхом. Машина проехала несколько метров и остановилась. Мотор облегченно умолк, хотя фары продолжали освещать каменистую дорогу.

Хлопнула дверца кабины, и темная фигура вышла на дорогу. Канеев, до сих пор стоявший в стороне, сделал несколько шагов и произнес:

— Добрый вечер!

Он скорее почувствовал, чем увидел, как шофер вздрогнул от неожиданности.

Затем тот, пытаясь, видимо, определить, с кем это его свела судьба в столь пустынном месте, растерянно сказал:

— Привет...

«Не он». У того, кого Канеев ждал, голос хриловатый, простуженный, водкой да куревом порченый. А этот разговаривает звонко, чисто... Устало и привычно представился:

— Капитан милиции Канеев.

У шофера непроизвольно вырвался смешок:

— Ну, дела-а!

— Что такое?

— Да дела, говорю, пошли великие. Шагу нельзя ступить — везде милиция. Всюду тебя оберегают, как бы ты чего не нарушил. Ну, в городе это понятно — там правила движения, то да се. А здесь что?

— То же самое, — коротко сказал Канеев. — Только построже. В городе, если нарушите правила, в худшем случае можете отделаться легкими неприятностями. А здесь... здесь неприятность одна. — И он сделал многозначительный жест в сторону темного провала, начинавшегося сразу за дорогой.

— Конечно, — согласился шофер. Он наконец вышел на свет, и Канеев мог как следует разглядеть его. Это был совсем еще молодой парень, лет двадцати — двадцати двух, одетый в ватник, в солдатские брюки, заправленные в сапоги. Длинные прямые волосы аккуратно зачесаны назад. Молодое безусое лицо.

«Точно не он», — лишний раз убедился Канеев.

Теперь надо было выполнить необходимые в таких случаях формальности, чтобы не вызвать лишних подозрений. Но предварительно Канеев заглянул в кабину, осветил там фонариком — пусто. Потом забрался внутрь крытого кузова. Здесь, укрытые брезентом, стояли какие-то ящики. Луч света от

фонарика долго шарил по ним, выхватывая все уголки кузова. Наконец он окончил осмотр, вылез наружу и спросил у шофера:

— Что везете?

— Разное. В ящиках — запчасти для тракторов. В мешках — спецодежду...

— Документы имеются?

— Само собой. — Шофер полез в карман своего ватника, достал несколько свернутых листов и протянул их Канееву. Сев на корточки, Канеев стал рассматривать их при свете фар, попутно задавая вопросы:

— Откуда едете?

— Из Самарканда.

— Куда?

— В Шахриябский район.

— Шахриябский район большой. Куда именно?

— В колхоз имени Буденного.

— Сами-то оттуда?

— Оттуда.

— Кто там председатель колхоза?

— Шарипов...

Относительно последнего Канеев спросил по инерции. Правду говорит шофер или нет — сейчас этого не угадаешь. И проверить тоже нет возможности. Тут больше полагаешься на собственную интуицию. Прислушиваясь, насколько уверенно отвечает тебе человек. За самим тембром его голоса следишь: не проскользнет ли в нем случаем какая фальшивая нотка? Да нет, здесь вроде бы все в порядке. И к документам не придерешься. Канеев свернул бумаги и передал их шоферу. После этого тот совсем успокоился. Положил документы обратно в карман и сказал по-свойски:

— Случилось что-нибудь?

Канеев посмотрел на него с недоумением:

— Почему вы так думаете?

— Первый раз здесь встречаю милиционера. Да еще глубокой ночью! Не иначе — происшествие какое.

— Обычная проверка, — сухо сказал Канеев.

Шофер понимающе кивнул головой: значит, не положено говорить.

Они замолчали, прислушиваясь к вздохам ветра, блуждающего в горах. Снизу, из расщелин, ощутимо тянуло прохладой. Темное небо казалось совсем близким. Крупные яркие звезды цеплялись за скалы, возвышавшиеся над головой. Снова возник звук, но уже не гортанный, а низкий, протяжный, с неприятно хватающими за душу нотами.

— Шакал, — определил на этот раз Канеев.

— Он самый, — кивнул головой шофер. — Развелось их здесь, проклятушек! Даже днем встречаешь. Вот уж животное — пакостнее не придумаешь.

Шофер протянул Канееву свой портсигар:

— Закуривайте, товарищ капитан.

— Сигареты? Нет, спасибо. Я только папиросы.

Вытащил Канеев собственную пачку. Закурили.

— А поздно-то чего так едете? — поинтересовался Канеев.

— Задержка получилась. Заведующий складом, у которого я должен все это получать, полдня где-то шастал. Вот и сидел — его дождался. Пока получал, пока оформлял документы — уже вечер. Лучше было бы, конечно, остаться до утра. Да, с другой стороны, никак нельзя мне ждать. Все это хозяйство, — шофер кивнул в сторону кузова, — мне надо было доставить на место еще вчера, да видишь, какая промашка получилась. Шарипов просил ни минуты лишней не задерживаться. Не что-нибудь везу — запчасти.

— Будьте осторожнее, — посоветовал Канеев. — Спускаться с перевала труднее, чем подниматься.

— А мне не впервой, — весело сказал шофер. — Когда служил в армии, и не такие пригорочки приходилось перепрыгивать.

— Да-а, пригорочек, — качнул головой Канеев, мысленно представив себе прыгающий сейчас в темноте крутой серпантин дороги, юркой змеей уползающей за скалы, стремительно выпрыгивающей чуть ниже, чтобы вновь скользнуть за очередную скалу дальше вниз, и так до самой долины.

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

Шофер отбросил сигарету.

— Ехать надо.

— Ну, счастливо!

Спокойно заработал передохнувший мотор. Машина медленно проехала мимо посторонившегося Канеева. Потом свернула вправо. Капитан милиции прошел вслед за ней полтора десятка метров и, остановившись на том месте, где начинался спуск вниз, долго следил за тем, как в крошечной тьме, словно сами по себе, парили две узенькие полоски света.

Понравился Канееву этот парень. Тем понравился, что без излишней паники отнесся к проверке. И что не лебезил, как это подчас по малодушию своему делают некоторые, словно желая умалить грехи, которых у них на самом деле и нет. И своей рассудительностью понравился. Трудно, опасно ехать по горам ночью на машине с грузом, но коли это нужно — значит, надо ехать. Такое не всякий скажет.

«А всякий ли согласится дежурить на перевале?»

Канеев вспомнил сегодняшнюю, вернее, уже вчерашнюю оперативку. Случай серьезный — всех подняли на ноги. Группу — туда. Группу — сюда. Задание — участковым, инспекторам дорожного надзора...

— Погодите, а перевал? — сказал Канеев, тихонько сидевший в стороне.

Начальник опергруппы Горбунов, пожилой майор, чуть старше Канеева, озабоченно поскреб свой уже начинающий зарастать щетиной подбородок.

— Думаешь, он в горы ползет?

— Думать не думаю, а исключать не приходится.

— Резонно! Ну что ж... Кого мы туда назначим? — Обвел взглядом всех сидящих и вернулся к Канееву: — Может, ты, Николай Иванович, сам туда и пойдешь, коли внес такое предложение?

— Могу и я.

Позже, когда расходились, Канеев услышал впереди себя разговор двух молодых оперативников:

— Что он, Вельяшев, дурак, чтобы ползет в горы?

— Да-а!

— А старик наш хоро-ош! Придумал себе тихое дежурство.

— На девяносто девять процентов...

Вот так тебе, Канеев! Сколько лет служишь в милиции — никто ни разу не

упрекнул тебя в том, что ты отлыниваешь от дела. Дождался наконец! Девяносто девять процентов. Один процент все-таки оставили. Спасибо и за это. Вот сосунки! Вас бы сейчас сюда, на это тихое дежурство.

Он скосил глаза на часы. Светящаяся секундная стрелка, чуть подрагивая, медленно двигалась по циферблату.

Второй час ночи.

Окружающая темнота, кажется, стусилась еще больше. Ветер утих. Горы застыли в сумрачном тяжелом молчании.

Когда время тянется утомительно долго, надо думать о чем-нибудь хорошем. Но в голову Канеева, как назло, лезут мысли житейские, трудные, от которых он недоволено подергивает плечами и вздыхает. А как тут не вздыхать? Старшая вот дочь Галина недавно вышла замуж. И вместе с желторотеньким своим студентиком ушла на частную квартиру. Каждый месяц платят за нее бешеные деньги. К родителям не хотят возвращаться. Хотим, дескать, пожить самостоятельно. А какое уж там — «самостоятельно»! Мыкаются вдвоем на его стипендию да на ее небольшую бухгалтерскую зарплату. Так бы оно ничего — пусть потерпят, узнают цену хлебу насущному. А вот с квартирой им надо бы помочь. Насчет кооператива думали Канеев с женой, прикидывали и так и эдак — трудно-ва-то. Добро бы у них была одна только Галина, а то ведь еще на их родительской шее средний сын Геннадий, который в этом году окончил десятилетку и сейчас сидит дома, готовится к экзаменам в институт. И еще один сын у них — тринадцатилетний Володя, перешедший в этом году в шестой класс. И каждый забот требует — купи то одно, то другое, то третье.

«Вот так, — подвел итог своим невеселым размышлениям Канеев. — Вправду люди говорят: маленькие дети — заботы маленькие, большие дети — и заботы большие...»

Он беспокойно заворочался на облюбленном им месте и подумал, что очень нелепо выглядит со стороны: съезжившийся возле валуна, с поднятым воротником шинели, в нахлобученной на самые уши фуражке.

Канеев потянулся к небольшой портативной радиации, которая на ремне висела у него через плечо. Вот ведь на редкость удобная штука для милицмейской службы, а в горах оказалась бесполезной. Когда Канеев добрался до перевала и попытался связаться с остальными постами, из этого ничего не получилось. Горы не пропускали радиоволны. Как ни крутил Канеев ручку настройки, как ни прислушивался к эфирной сутолоке, из черного плоского ящичка доносился лишь треск и беспорядочные шумы... Сейчас он снова включил радиацию. Тот же самый треск. Досадно. Может, Вельяшев давно задержан и по всем постам прозвучал отбой?

Рассвет подступал медленно, почти незаметно. Густая непроницаемая тьма начала сереть. Вслед за этим, как на фотобумаге в проявителе, начали вырисовываться смутные очертания гор. Сначала проявилась скала, под которой находился Канеев, — она четко выдвинулась на фоне светлеющего неба. Потом показалась дорога с белыми кольщиками по краю, отделяющими ее от пропасти. Все остальное пока еще плавало в сизом холодном тумане.

Канеев замерз окончательно. Не помогли короткие пробежки, которые время от времени он предпринимал на узенькой площадке, выбранной им для наблюдения. Все его тело трясло в мелкой непрекращающейся лихорадке. Давала себя зная и бессонная ночь. Конечно, не спать ночами — для него, человека, почти всю свою сознательную жизнь проработавшего в милиции, было делом привычным. Однако самому себе он должен был сознаться, что с каждым годом это становится труднее. Уставать начал. Хотя внешне он оставался таким же, каким и был, — деловитым, подтянутым, собранным. А внутри его жила усталость, которая копилась год от году и которую только привычным усилием воли он подавлял в себе, чтобы довести начатое дело до конца.

Сейчас, в серых предрассветных сумерках, эта усталость с особенной отчетливостью обозначилась на его лице: и без того худощавое, оно вытянулось еще больше, на щеках залегли тяжелые складки, глаза покраснели от бессонницы, и влажные глубокие морщины в их уголках слишком уж явно говорили о возрасте...

Сунулся было Канеев за пачкой папирос — пустая. Всю искурил за ночь. Вот тебе и запаса! И сразу как-то испортилось настроение. От папиросы не то чтобы тепло, а как-то поуютнее, не так чувствуется одиночество среди этих молчаливых серых скал... Потоптался Канеев немного, досада, что не рассчитал с папиросами, и снова устроился на свое привычное место — возле валуна. Мыслями вновь — о дочери, о сыновьях, о своей собственной усталости, которая слишком уж часто стала ему досажать...

Канеев так крепко углубился в свои размышления, что не сразу услышал чье-то неразборчивое бурчание. А услышав, выпрямился, чуть впитывая в себя утренние звуки. Неужели?.. Да, это определенно человеческий голос. Кто-то очень скверно, в нос, явно перевирая мелодию, пел, а лучше сказать, бормотал песню. Не чудится ли случаем? После бессонной-то ночи? Канеев встряхнулся. Ошибки не могло быть: снизу к перевалу шел человек... Значит, не напрасно он, Канеев, торчал всю ночь на этом дурацком перевале? Вот ведь как бывает! Перевал-то, если разобраться, закрыли только для очистки совести. А выходит, что именно здесь развернутся главные события.

«С песней идет, — не то удивляясь, не то возмущаясь, подумал Канеев. — Слишком уверен, что путь впереди свободен. Ну, давай, давай!»

Все его сутуловатое тело напряжилось. Спинай он прижался к шероховатой поверхности скалы так, чтобы тот, кто должен был сейчас выйти из-за поворота, не смог сразу увидеть его.

Рука Канеева привычно скользнула к кобуре. Ребристая рукоятка пистолета послушно вошла в его широкую, крепкую ладонь.

Бурчание оборвалось. Но зато теперь было слышно тяжелое, с каким-то всхрапыванием дыхание. На площадку грузной поступью вышел человек лет тридцати пяти. В одной руке он держал палку, на которую опирался при ходьбе, в другой — небольшой чемоданчик, приспособленный обычно для пары-другой белья или для инструмента. Он и в самом деле, в своей синей рабочей куртке и такого же цвета брюках, в кепчонке, сдвинутой на затылок, походил на мастера, отправившегося выполнять заказ.

Выйдя на площадку, он остановился и с облегчением вздохнул.

— Ну, вроде докарабкался! — Посмотрел назад, на вершины гор и провалы ущелий между ними, которые постепенно начали освобождаться от тумана, и сказал в похвалу себе: — Экую махину одолел!

Велик, видимо, был у него соблазн передохнуть после трудного подъема. Но он не позволил себе этого. Опираясь на палку, тяжело двинулся дальше.

— Куда это ты так торопишься, Вельяшев? — как-то уж очень по-будничному спросил Канеев.

Есть такая детская игра «замри». Человек, которому адресована эта команда, застывает в той позе, в которой она его застала, подчас совершенно нелепой. Нечто подобное произошло сейчас и с человеком, которого окликнул Канеев. У него даже поднятая нога замерла в воздухе. Несколько мгновений он находился в оцепенении. Потом медленно, словно это стоило больших усилий, начал поворачивать голову. Увидев Канеева, он растерялся еще больше, разглядывая миллидейскую форму как нечто необыкновенное. А рот его тем временем беззвучно открывался и закрывался, словно у рыбы, вытасченной на сушу.

— Ну-ну,—усмехнулся Канеев, которому эта мимическая сцена показалась даже несколько забавной.—Знаю, Вельяшев, что ты никак не ожидал меня встретить.

Охватившее Вельяшева оцепенение стало проходить, и он наконец произнес:

— Т-ты... откуда? Следом за мной, что ль, шел?

— Зачем же следом? Я тебя здесь поджидал.

— Где-есть?—Вельяшев изумился еще больше.

— Всю ночь прокоротал. Когда ж, думаю, наконец появится? А ты, видишь, под самое утро нагрнулся. Нехорошо, Вельяшев. Ведь я из-за тебя, почитай, всю ночь мерз.

— Дело, что ль, какое?—спросил Вельяшев. Его голос на утреннем воздухе надламывался и крошился.

— А как же?—сказал Канеев, с любопытством разглядывая стоящего перед ним человека.—Когда вот так ждуть, то непременно по делу.

— По вчерашнему?

— По нему самому.

— Ясно... Только сразу скажу, я ни в чем не виноват!

— Хорошенькое дело!—удивился Канеев.—Кокнул человека, и он же—не виноват. Странные у тебя рассуждения. Ей-богу, странные.

— Он сам ко мне первый полез,—с неожиданной озлобленностью произнес Вельяшев.—Не полез бы, может, ничего и не было бы.

— Эх, Вельяшев, Вельяшев! Постыдился бы такое говорить. Ведь Охрименко, прораб-то ваш, к тебе с чем подошел? Брось, говорит, Вельяшев, пить, вносить в коллектив смуту. Опять же о себе подумай. Живешь так, что, как говорится, ни себе, ни людям радости. По-доброму он тебе это сказал, как старший товарищ, как, наконец, твой начальник. Тебе бы прислушаться к его словам, намотать их на свой ус, а ты пьяный подкараулил его вечером—да ножом! Или не так было?

— А лаялся зачем? Такого матюка загнул, что у меня в глазах помутилось—уже и не соображал, что делал...

— Экий ты чувствительный,—заметил Канеев.—Ну, и что с того, что он сказал слово покрепче? За это надо ножом, так, что ли? Сам-то ты в разговоре не болно выбираешь слова. Ребята показывают, что начал он разговаривать с тобой тихо-мирно. А уж когда ты обложил его трехэтажным, тут и он не сдержался.

— Он не сдержался, я не сдержался,—мрачно сказал Вельяшев.—Вот и вышла... неприятность.

— Сколько я тебя знаю—только и приходится дело иметь с твоими... «неприятностями».

Они в самом деле были давними знакомцами. В свое время Канеев, после армии только-только поступивший на работу в милицию, в один из ночных обходов услышал странные шумы из деревянного продуктового ларька, в котором в такой поздний час по всем статьям не должно было никого находиться. Заинтересованный этим, он обошел ларек и обнаружил сзади открытую дверь со взломанным замком. А еще через несколько мгновений он извлек из ларька отчаянно брыкающееся белоброе существо—вот этого самого Борьку Вельяшева, которому в ту пору было чуть больше тринадцати лет. Фамилия Вельяшева была в округе хорошо известна—по его отцу, отчаянному пьянчуге, кончившему тем, что от безмерного потребления спиртного внутри его загорелся какой-то «огонь», и умер он в одночасье, весь почернев, как обугленный сучок. Отец пил, но никогда не замечался в нечистых делах. Сын же с успехом совмещал и то и другое. Причем судьба постоянно сталкивала его вот с этим, теперь уже пожилым человеком в старой миллидейской шинели и фуражке, сидевшей на голове совсем не по-боевому. Канеев «воевал» с ним в бытность свою участковым. Но путного из этого ничего не вышло—дело кончилось отсидкой Вельяшева. За хорошее поведение—ведь может же, оказывается, вести себя нормально—вернулся до срока, да только двух недель не погулял на свободе—ввязался в пьяную историю и снова угодил на скамью подсудимых. Потом Канеев перешел работать в уголовный розыск. И одним из первых дел, которыми ему пришлось заниматься, был розыск Вельяшева, успешного уже сбегавшего из колонии. Поймали его только через два месяца, водворили обратно в колонию с соответствующей прибавкой за побег, и теперь он безо всяких амнистий и послаблений отбыл наказание до конца. И не куда-нибудь после этого подался, а опять в родные места. Как-то встретил его Канеев после этого—постаревшего, начинающего лысеть, словом, изрядно помятого жизнью,—спросил: «Как думаешь жить дальше?» Вельяшев тогда ответил, что надоела ему вся его предыдущая разгульная жизнь, в которой не было ни света, ни радости; решил прочно осесть на месте, мать-старуху, которая выплакала по нему все глаза, утешить в конце жизни и вообще жить, как все люди. Попросил с работой помочь. Канеев устроил его в совхоз. Пить Вельяшев продолжал, но уже не в той мере, как было раньше,—ребята его там крепко поприжали. Работал в общем-то неплохо, и уже была надежда, что действительно взялся за ум человек, как вдруг—эта история с прорабом, странная, дикая, которой трудно найти объяснение...

Вельяшев, весь как-то съезжившись, стоял перед Канеевым; на его лице была написана тоска.

— Что делать-то со мной собираешься?—глухо спросил он.

— Я—ничего,—ответил Канеев.—Вот отведу тебя куда следует, разберемся во всем, а уж там суд решит, как с тобой поступить.

Канеев снова занялся своей рацией. Может, на этот раз повезет? Надо хоть известить ребят, чтобы не дежурили понапрасну. Сухой прерывистый треск вырвался из плоской коробки. То же самое... Проклятые горы! Тогда он, ни на что не надеясь, несколько раз проговорил в микрофон условленную фразу, означавшую, что объект задержан, после этого застегнул футляр и решительно повернулся к Вельяшеву:

— Пошли!

— Куда?

— Вниз, куда же еще.

— Стоило лезть сюда, чтобы тут же спускаться обратно,—проворчал Вельяшев.—Эх, грехи наши тяжкие!..

Они шли, словно привязанные друг к другу невидимой цепочкой: метрах в пяти впереди Вельяшев, развинченно выхляывая из стороны в сторону, следом—Канеев, осторожно ступая по каменистой дороге и держа руку в кармане, куда он

предусмотрительно переложил пистолет. Утро занималось прохладное. Влажно темнела зелень кустарника, прилепившегося к скалам. Солнце еще пряталось, освещая только самые верхушки гор. Эта утренняя красота до того не совмещалась с тем, что приходилось сейчас делать Канееву, что он даже ощутил какую-то неловкость. Он смотрел в спину впереди идущего Вельяшева и думал с обидой: «Ну, почему тебе не жилось, как всем людям? Чтобы дом был, семья, дети. Чтобы люди тебя уважали. Ведь это большое-оое дело—уважение людей. А у тебя-то? Разве это жизнь? От отсидки к отсидке. И никакого толку. Человека вот порешил. Осиротил семью. Там у этого прораба—трое ребятишек. А с тебя как с гуся вода!»

— Ты скажи мне, Николай Иванович,—обернулся к нему Вельяшев,—с чего это ты решил ждать меня на перевале? Или знал, что пойду именно здесь?

— Знал.

— Да откуда же? Я вроде никому не говорил.

— А вот откуда,—дал исчерпывающий ответ Канеев.

Вельяшев подумал немного и горестно всплеснул руками:

— И чего я сюда поперся? Жилы надорвал, добираючись на этот перевал, а тут—здравствте: Канеев собственной персоной! Дождидается!—Он вдруг разоткровенничался.—И ведь хотел же сесть на поезд—сейчас был за милую душу катил куда мне угодно!

— Не очень бы катил,—заметил Канеев.

— Что, тоже кто-нибудь поджидал?

— А как ты думаешь?

— Смотри-ка, какой мне почет,—покрутил головой Вельяшев.—На всех дорогах меня ожидают. Как принца.

— Больно опасный ты человек, чтобы тебя оставлять без внимания,—сказал Канеев.

— Ну, хоть это утешение! Как говорится: пусть нас не любят, но зато боятся. Канеев усмехнулся. Бравирует Вельяшев. Ну, ничего-о. Это только поначалу, а пройдет немного времени, и спесь вся сойдет. Как шкура со змеи в пору линьки...

Они шли уже минут сорок. А казалось, что топчутся на месте: вокруг высились те же молчаливые величественные горы.

Вельяшев неожиданно остановился.

— Может, перекур сделаем, Николай Иванович?

— Устал, что ли?

— А как ты думаешь? Сначала подниматься, а потом опускаться—что же, я двужильный, по-твоему?

— Садись отдыхай.

Вельяшев достал пачку сигарет, зажег спичку и глубоко затянулся. В воздухе сладко и волнующе запахло табачным дымом. Канеев завистливо покосился на него и отвернулся в сторону. Ах, как он подвёл самого себя с этим куревом! Вот теперь сиди и мучайся! И виду нельзя показывать, что тебе страсть как хочется самому закурить.

— Я вот что тебе хотел сказать, Николай Иванович...—Голос Вельяшева вдруг утратил свою прежнюю нагловатость и звучал теперь просительнее.

«Начинает лянть»,—удовлетворенно отметил про себя Канеев.

— Ты бы отпустил меня, а?

Канееву показалось, что он ослышался. Он с изумлением воззрился на Вельяшева.

— Чево-о?

— Да отпустил бы меня, говорю...

— Шутки шутишь, что ли?

— А я тебе заплачу,—не слушая его, сказал Вельяшев. Он вдруг полез в карман, достал оттуда тряпочный сверток и торопливо начал его разворачивать. Канеев увидел тугую пачку красных десятирублевков, перетянутых резинкой.

— Вот!—сказал Вельяшев.—Тут две тысячи. Половина тебе, половина мне. И разойдемся в разные стороны, как в море корабли. Ты меня не видел, и я тебя тоже не видел. Свидетелей нет. Ну как, по рукам?

«Хорош,—думал Канеев, разглядывая раскрасневшееся, вспотевшее лицо Вельяшева.—Купить вздумал... Вот подлец! Чувствует, что тонет, так хоть за соломинку решил ухватиться!»

Вельяшеву показалось, что Канеев колеблется, и он торопливо сказал:

— Ну возьми, Николай Иванович, все! Мне ничего не надо. Обойдусь как-нибудь...

— Где взял?—жестко спросил Канеев.

— Заработал, где же еще...

— За полгода работы в совхозе? Что-то я не слышал там о таких заработках.

— Да какая тебе разница, Николай Иванович?—взмолился Вельяшев.—Ты возьми деньги—и весь разговор. А меня отпусти. Нельзя под суд мне... Ведь сроком дело может не обойтись... Сердцем чувю... А у меня старуха мать... Кто же о ней позаботится? Отпусти, Николай Иванович! Христом-богом прощу! Век буду помнить. И чтоб после на кого поднял руку или что-нибудь такое... да никогда! Слово тебе даю! Поверь мне... в последний раз... А я уж тебя не подведу! Отпусти только!..

Голос его споткнулся, дрогнул...

Канееву надоела эта комедия.

— Встать!—коротко и сухо сказал он.

Вельяшев очнулся.

— Так как же, Николай Иванович?..

— Кру-угом!—Команды звучали, как выстрелы.—Шагом марш!

Этот проклятый камень подвернулся под ногу так неожиданно, что Канеев не сразу сообразил, в чем дело. Ему даже показалось, что его кто-то подтолкнул сбоку. Боль стремительно прошла по всему телу и остро кольнула мозг.

Вельяшев, оглянувшись на шум, как замороженный глядел на растянувшегося Канеева. Какие-то доли секунды он колебался. Потом упругим прыжком кинулся на лежащего капитана милиции.

Канеев близко—до странности близко!—увидел прямо перед собой потное, искаженное лицо Вельяшева.

— Пусти-и!

— Я те пушу! То ты со мной разговаривал, теперь я с тобой поговорю! Так поговорю, что век будешь помнить!..

Одной рукой он сжимал горло Канееву, а второй шарил у него по поясу. Вельяшев всей тяжестью своего небольшого, но могучего тела прижимал капитана к дороге. А рука все тянулась и тянулась книзу. Добрался до кобуры—пустая. Полез в карман шинели...

— Не трожь! Одумайся, Вельяшев!

— Молчи, гад!

— Вельяшев!—хрипел Канеев, пытаясь вывернуться из-под противника.—Подумай, что ты делаешь! Ты отягчаешь свою вину!

— А мне сейчас один черт!

Они катались поперек дороги, крепко сцепившись друг с другом, отплевываясь от мелкой песчаной пыли, которая лезла в рот и забивала глаза. Канееву, наконец, удалось перехватить руку Вельяшева, которая тянулась за пистолетом. Он вцепился в нее, как клещами, и, изловчившись, вывернулся из-под противника, сбоку от него. Вельяшев сунул свободную руку во внутренний карман куртки, и в следующее мгновение капитан милиции увидел нож с небольшим блестящим лезвием, которое с неистовым быстротой выскокило из рукоятки. «Во-от оно что!» — поразился он. — На все идет. Канеев резко подогнул ногу. Удар пришелся Вельяшеву аккуратно под низ живота. Хватка его разом ослабла. Но уже отваливаясь в сторону, Вельяшев взмахнул рукой. Сверкающее лезвие оказалось перед лицом Канеева. Уклониться от него не было никакой возможности. Остро резануло по лицу...

— Ах, прах тебя задери! — с сердцем выругался Канеев. — Успел-таки!..

Он сел на дорогу, рукой провел по лицу и ужаснулся — вся она была в крови. Темные густые струйки поползли по шинели. «Кажется, крепко он меня задел», — подумал Канеев. Часть лица словно бы одеревенела, стала чужой. Хорошо бы сделать перевязку. Но под рукой не было ничего подходящего. Канеев посмотрел на неподвижно лежащего Вельяшева, потом на его чемоданчик. Может, там что есть? В чемодане оказалось несколько бумажных свертков — очевидно, с едой. А под самым низом — аккуратно сложенная белая рубашка. После недолгих колебаний он разорвал рубашку на несколько полос и кое-как перевязал себе щеку. Но крови было потеряно уже много, и его мучило от слабости. Шокое состояние постепенно проходило; тягучая, оглушающая боль стала охватывать всю его голову.

Закончив перевязку, Канеев вытер о полы шинели свои окровавленные руки и снова посмотрел на Вельяшева. Тот лежал на боку, согнувшись, словно пытаясь умерить съезавшую его боль.

— Вельяшев? Слышь-ка? — позвал его Канеев.

Не отозвался.

«Ничего, очухается...»

Неподалеку лежал нож. Канеев подобрал его, осмотрел со всех сторон — обыкновенная самодельная финка, — завернул в остатки рубашки и сунул в вельяшевский чемоданчик.

Он слабел. Тело сделалось непомерно тяжелым. Перед глазами возникали ослепительно яркие оранжевые круги. Стало нестерпимо жарко, хотя солнце только-только показало из-за горных вершин. «Не хватало мне еще только потерять сознание!» — со злостью подумал он. Захватив чемоданчик, отполз в сторону, прислонился к шершавому темно-красному песчанику.

Вельяшев шевельнулся и застонал. Потом поднял свою лохматую голову и непонимающе огляделся по сторонам. Взгляд его остановился на Канееве. Вид у капитана милиции был не блестящий, поэтому он укоризненно покачал головой:

— Говорил я тебе, Николай Иванович, отпусти меня добром...

Медленно, с кряхтением, он начал подниматься. Резкий оклик Канеева остановил его:

— Лежать на месте!

Вельяшев тут только разглядел, что прямо ему в лицо смотрит дуло пистолета. Он осел на землю. Растерянно спросил:

— Неужто стрелять будешь?

— Буду!

— Не будешь. Рука не поднимется.

— Это почему же? — сказал Канеев, болезненно щурясь. — Понячился я с тобой... Хватит! Полезь только — первая же пуля твоя. И никто меня за это не осудит, потому как самооборона... По закону допускается...

— Что же мы вот так и будем сидеть и любоваться друг на друга? — нахально спросил Вельяшев.

— Будем.

— До каких же пор?

— До каких надо — до тех и будем!

Определенно слышалось гудение мотора. Вельяшев забеспокоился. Стал озираться по сторонам.

— Лежать! — бесстрастно напомнил ему Канеев.

— Да я лежу, Николай Иванович! Что ты меня без конца стращаешь своим пистолетом?..

Сухие камешки покатались сверху вниз — из-под передних колес грузовой машины, остановившейся в нескольких метрах от Канеева и Вельяшева. Пожилой шофер-узбек, приоткрыв кабину, выпученными глазами смотрел на них обоих.

— Ва-ах! Что здесь происходит?

— Помогите мне подняться, — сказал Канеев.

Узбек суетливо подбежал к нему. С его помощью капитан милиции встал на ноги.

— Это преступник, — сказал Канеев в сторону Вельяшева. — Связать его надо... И отвезти... вниз...

— И-делаем! Си-час!

Пока шофер копался в кабине в поисках веревки, Канеев предупредил Вельяшева:

— Не вздумай больше фокусничать!

— Видно, кончились мои фокусы, Николай Иванович, — с какой-то отрешенностью произнес тот.

Он позволил себя связать, потом, подталкиваемый шофером в спину, побрел к грузовику. Чтобы затащить его, связанного по рукам, в кузов машины, пришлось открыть задний борт. В кузове стояла пара бочек, валялось несколько досок. Все дно было усеяно мелкой соломой. Между этими бочками и досками Вельяшев свалился тяжелым, неповоротливым кулем.

— Вы в кабине поедете? — спросил шофер у Канеева.

— В кузове.

— Ва-ах! С вашей-то раной? Там же трясет.

— Я поеду в кузове, — твердо повторил Канеев.

Ему стоило больших усилий забраться в кузов. Шофер достал ему из кабины ватник. Собрал всю имевшуюся в кузове солому и заботливо подгрел ее под Канеева.

— Спасибо, — поблагодарил Канеев. — Вы езжайте... поскорее!

Машина поехала. Канеев сидел, прислонившись к борту, и неотрывно смотрел на Вельяшева. Каждое встряхивание кузова болезненно отдавалось во всем его теле. Он морщился, но терпел... Дорога становилась все положе. Горы спокойно и с достоинством уходили назад. Начиналась долина, и все ощутимее стал чувствоваться жар наступающего летнего дня.

После выступления «Смены»

ОТВЕТ МИНИСТРА СВЯЗИ СССР

В связи с опубликованием в журнале «Смена» № 7 открытого письма Министерством связи СССР совместно с Министерством гражданской авиации СССР проведена тщательная проверка с выездом на место. Факты несвоевременной доставки населению печати и письменной корреспонденции в пос. Новый Уренгой, Надымского района, Тюменской области, действительно имели место.

Основной причиной этого явилось то, что предприятия гражданской авиации не выполнили необходимое количество полетов с почтой.

Из-за метеоусловий в декабре 1978 года и I квартале 1979 года в Надымском аэропорту, через который следуют центральные газеты и письменная корреспонденция для Нового Уренгоя, из 480 запланированных рейсов самолетов печать и почту перевозили только 70 раз. В результате центральная печать, поступающая из Москвы в Салехард ежедневно, отправлялась в Новый Уренгой с задержкой на 6—7 дней.

Не лучше обстояло дело с отправкой печати и корреспонденции из Тюмени. В январе—феврале из Тюмени в Новый Уренгой по различным причинам рейсы не выполнялись 28 раз.

Подобных нарушений могло быть меньше, если бы руководители предприятий связи Тюменской области проявляли необходимую требовательность к подразделениям гражданской авиации.

Причиной задержек явилось и то, что в Новом Уренгое, где насчитывается более 1500 домов, поселковым Советом народных депутатов до сих пор не присвоены названия улиц и нет нумерации домов. В связи с этим газеты и журналы выписывались жителям поселка по месту их работы. Таким же образом адресовались почтовые отправления. Уполномоченные за получением печати и почты приходили в отделения связи нерегулярно.

В целях упорядочения доставки почты населению пос. Новый Уренгой представителями Министерства связи СССР, окружкома КПСС, областного и окружного управления гражданской авиации и связи и руководителями объединения «Уренгойгаздобыча» и поселкового Совета народных депутатов принято решение до 1 июня 1979 года организовать в Новом Уренгое узел связи. Для этого дирекцией по обустройству Уренгойского газового месторождения будет выделено помещение площадью 600 квадратных метров. В вагон-городке будет также открыто отделение связи.

Салехардский окружной узел связи и Салехардский объединенный авиаотряд организуют в аэропорту Ягельное рабочие места для приема и временного хранения почты, а объединение «Уренгойгаздобыча» построит помещение для этой цели.

Уренгойский исполком Совета народных депутатов в ближайшее время закончит работу по присвоению наименований улиц и номеров домов в поселке.

Надымский узел связи организует доставку печати и почты населению по домашним адресам.

Тюменское управление гражданской авиации разработало и согласовало с органами связи мероприятия по обеспечению регулярной перевозки почты по воздушным линиям области.

В настоящее время на радиовещательной станции Сургута, которая передает первую союзную и областную программу, проводятся мероприятия по повышению эффективности ее работы. В начале одиннадцатой пятилетки планируется организовать в Сургуте передачу второй союзной программы «Маяк».

Перерыв в телевизионных передачах был вызван причинами, не зависящими от Министерства связи СССР. В настоящее время работа телевизионной системы «Экран» возобновлена и претензий по качеству передач нет.

В целях увеличения объема телевидения ведется строительство радиорелейной линии для подачи телевизионных программ от станции «Орбита» в городе Надыме.

Участок РРЛ Надым — Пангоды уже введен в эксплуатацию в марте этого года, участок Пангоды — Уренгой будет введен в эксплуатацию в текущем году. Эта РРЛ позволит также организовать 48 телефонных каналов для связи пос. Новый Уренгой с Надымом и Салехардом.

Для улучшения обслуживания жителей поселка проводным вещанием предусмотрено до 1 сентября текущего года построить фидерную линию от существующего радиопузла до вагон-городка и радиофицировать вагон-городок и дома — общежития строителей. В результате до конца 1979 года радиотрансляционная сеть поселка Новый Уренгой возрастет до 1000 радиоточек.

Министр связи СССР
Н. В. ТАЛЫЗИН

ПОМОЖЕМ!

Коллектив Красноярского завода телевизоров, прочитав в журнале «Смена» № 7 за 1979 год открытое письмо министру связи СССР тов. Талызину Н. В. и понимая всю важность задач, решаемых уренгойцами, предлагает свою помощь в организации регулярного приема программ Центрального телевидения через спутник с помощью аппаратуры, разработанной и изготавливаемой в настоящее время на нашем заводе. Она позволяет осуществлять качественный прием цветных телевизионных программ и передачи их на одном из двенадцати телевизионных каналов.

Однако ваш поселок находится на краю зоны умеренного приема, и в случае вашего согласия завод проведет необходимые доработки, чтобы обеспечить население вашего поселка качественным цветным телевизионным вещанием.

Генеральный директор В. ШИЛЬДИН
Секретарь парткома Л. СТУКАЛОВ

Холщовая, выбеленная солнцем и ветром рубаха, домотканые, по щиколотку порты, голову и плечи прикрывает мешок, распоротый по боковому шву. Кто бос, а у кого на ногах лапти, перетянутые бечевой. По шатким сходням идут торопо, почти бегом, а на загровке мешки пудов в пять-шесть. Их лица сливаются бечевой. По шатким сходням идут торопо, почти бегом, а на загровке мешки пудов в пять-шесть. Их лица сливаются бечевой.

Увидел я это лет десять назад возле Кинешмы. Увидел и глазам не поверил — будто попал в начало века и передо мной проходят ожившие герои горьковских и купринских страниц.

— Все! Отдыхаем! Свет отключить! — Рослый мужчина в замшевой кепочке вскинул руки, словно приветствуя кого-то. — На сегодня съемка окончена.

«Грузчики» с видимым облегчением вздохнули и, стягивая через головы рубахи, потянулись к сверкающему «Икарусу». «Юпитеры» погасли, и солнечный день как бы потерял свою яркость и праздничность.

Такое нынче и вправду только в кино увидишь: согнутые спины, сомкнутые, побелевшие от напряжения губы, мышцы, вздувшиеся от непомерного груза...

Но, наверное, не мне одному в студенческие годы доводилось разгружать вагоны на Москве-товарной, и стихи Евтушенко были нам тогда особенно близки своей документальностью. Помните: «Ночь над перроном идет на убыль. Сгружают медики под песни уголь. Сгружают лирики, сгружают физики дрова и сахар, цемент и финики...» Мы не чурались физической работы, и в слове «грузчик» чудился нам то ли романтический плеск черноморского прибоя, то ли соленый ветер Каспия. Эта работа от случая к случаю

для нас была в охотку, и мы, весело сколотив артель, подряжались на разгрузку барж, вагонов, рефрижераторов. А в ту пору все подручные средства на «разгрузочно-погрузочных работах» — тачка, крючья, чалочные приспособления да ручная лебедка...

Выручали крепкие плечи, молодость, жажда новизны. Опытные грузчики-профессионалы смотрели на нас с добродушной усмешкой, сами работая неторопливо, с основательностью, присущей знатокам своего дела.

— Не рви! Ровней работай, дыхание береги, — советовал старшой, дядя Миша, трудившийся грузчиком уже более четверти века. — Ты не силой, сноровкой бери. Грузчику не только руками, а и головой шевелить надо...

Память высвечивает давние дни, строчки из книг, раскатистое «р-р-р» в крепко сбитом слове, воскрешая нечто былинное и в то же время такое привычное, земное — грузчик...

Он вышел из отдела кадров и в нерешительности остановился. Все получилось на редкость просто, буднично. Никого не удивил он своим аттестатом зрелости: пожилая женщина, перелистав тоненькую пачку его документов, сказала: «Люди нам нужны. Особенно молодые ребята. Пойдешь грузчиком?» И, не дождавись ответа, словно не сомневалась в согласии, кивнула сидящей через стол девушке: оформляй...

Юрий огляделся, заметил знакомых ребят из школы, из параллельного класса. Они, оживленно переговариваясь, шли к проходной. «Им повезло, — подумал он, — не в грузчики, небось, а на большой конвейер попали. А тут разыскивай этот цех, как его... — он заглянул в направление, — комплектации и обработки запасных частей. Где он может быть?»

— Не подскажете, как мне пройти?
Седой широкоплечий мужчина замедлил шаг, обернулся:

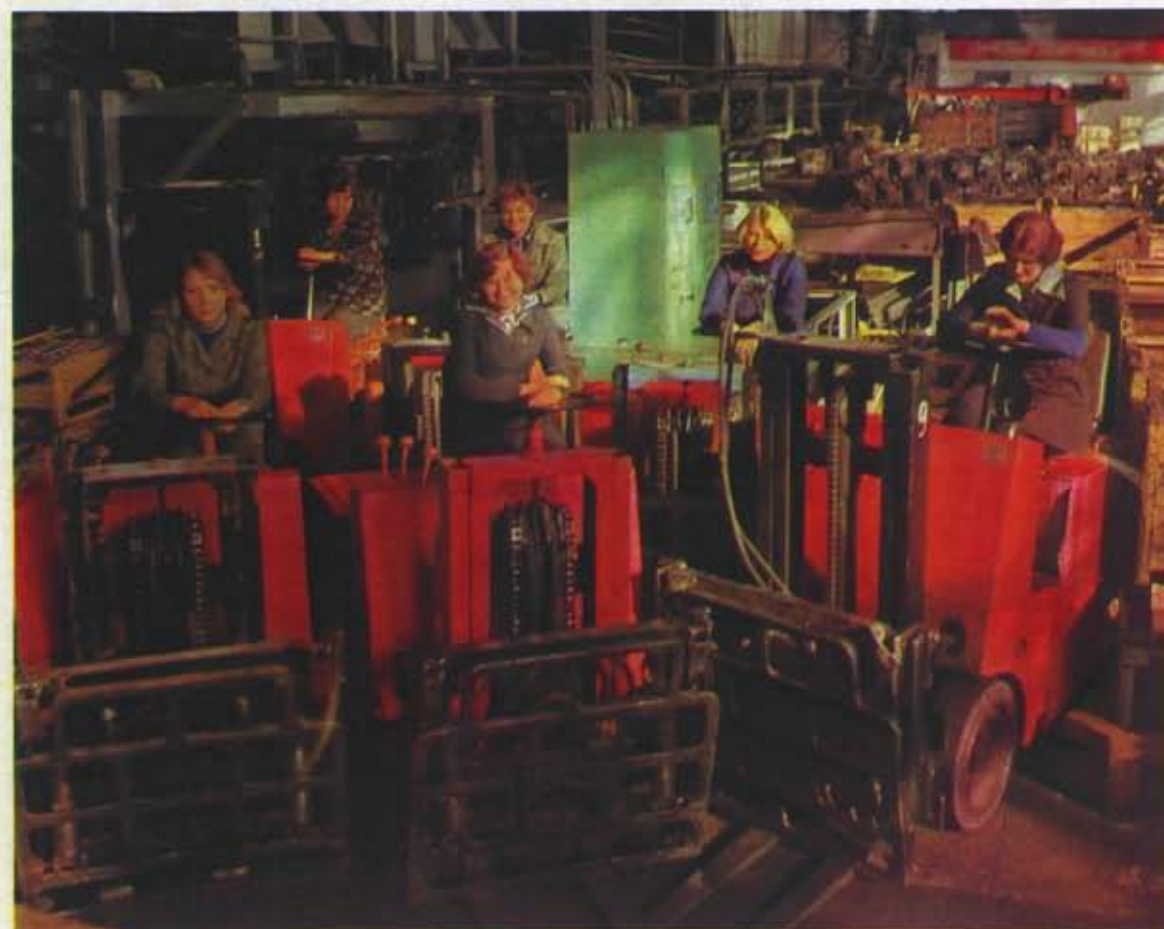
— А далеко ли?
— Да вот... — Юрий протянул направление. «Седой», как все дальнзоркие, читал, держа бумагу на вытянутой руке.

— Ну что ж, Баранов Юрий Михайлович, пойдём, провожу тебя. — И, протягивая широкую ладонь, представился: — Сорокин Виктор Петрович, можно дядя Витя, как больше нравится.

КОГДА ПУД

ЛЕГЧЕ

«МОЗГОМ» СКЛАДА СТАЛО БЮРО ЭВМ.

ЭТОТ ЦЕХ ОСНАЩЕН АВТОМАТИКОЙ И СОВРЕМЕННЫМИ МЕХАНИЗМАМИ.

В ЦЕХЕ ОПРЕДЕЛИЛАСЬ РАБОЧАЯ СУДЬБА СОТЕН МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

ШТАБЕЛЕР, СЛОВНО БАТИСКАФ В ОКЕАНСКИХ ГЛУБИНАХ, ДВИЖЕТСЯ ВДОЛЬ СТЕЛЛАЖЕЙ.

Мужчина улыбнулся, и улыбка преобразила его лицо, жесткое, иссеченное морщинами,— оно стало по-мальчишески задорным:

— Идем, товарищ грузчик...

Сентябрьское солнце уже высоко поднялось над корпусами ГАЗа. Оно вызолотило металлические крыши, тысячекратно отразилось в высоких окнах цехов и ровным, мягким светом рассеялось по улицам, площадям и проспектам автограда.

Юрий поймал медленно падающий березовый лист. Словно в роще, подумалось ему, и в этот момент он вдруг отчетливо понял, что начинается иная жизнь, в сущности, совсем неизвестная, немного пугающая и в то же время такая заманчивая,— жизнь самостоятельного рабочего человека. Юра встряхнул длинной выющей причёской и, поймав чуть насмешливый взгляд Сорокина, нахмурился. «Ну, сейчас нотация начнется, мол, парня от девушки нынче не отличишь...» Но провожатый ничего не сказал. Они шли уже минут пятнадцать, и Юрию казалось, что путь их по этому удивительному городу никогда не кончится.

Ему приходилось бывать на автозаводе со школьной экскурсией, но тогда их подвозили к цехам на автобусе, и ощущение огромности автограда скрадывалось мимолетностью увиденного в окне.

— После десятилетки?—спросил Сорокин. И, не дождавись ответа, кивнул:— Понятно. В институт не поступил? Тоже ясно... Но ты носа не вешай. Институт от тебя не убежит. А здесь добрую специальность получишь.

— Специальность,— буркнул Юрий.— Хватай больше, кидай дальше. Так у вас говорят?

— У кого «у вас»? Ты теперь тоже автозаводец. Ну, а насчет хватай и кидай погоди судить...

Они миновали корпуса сборочных цехов, главный конвейер и поравнялись с первым кузнечным цехом — «цехом Бусыгина».

Сорокин остановился.

Он смотрел на старое, приземистое здание, как на давнего доброго друга. Отсюда почти полвека назад начинался ныне всемирно знаменитый, четырежды орденоносный Горьковский автозавод. Здесь бригада арматурщиков веселого светлоголового «комсы» Витьки Сорокина, ударная бригада — коммуна имени XV партсъезда — устанавливала рекорд за рекордом, по суткам не уходя со стройки.

Вспомнилось, как с бригадой Гриши Переходникова торопились до наступления паводка закончить водозабор на Оке, как случилась беда — прорвалась эстакада, хлынул мутный весенний поток в брешь, и как Лешка Бронников, плясун, балагур, отчаянный парень, кинулся в эту брешь грудью, телом останавливая взбунтовавшуюся воду.

Это тогда Саша Жаров, шустрый паренек с соседнего участка (позже станет он Александром Жаровым, известным комсомольским запевалой), писал в многотиражной газете:

*В строительстве, опережая сроки,
Сбивая месяца в пространстве лет,
С коммуной своей идет Сорокин,
Как самый лучший, к рубежу побед!*

Виктор Петрович Сорокин, председатель областного совета ветеранов комсомола, почетный автозаводец, будто обрывая воспоминания, провел ладонью по лицу.

— Вот так, брат. Это — прошлое наше. А вон и цех твой. Правее смотри, правее.

Юра смотрел, куда указывала рука Сорокина, и видел большое прямоугольное здание из стекла и бетона, насквозь пронизываемое солнечными лучами. «Словно выставочный зал, галерея картинная», — подумал он.

— Там, Юра, завтрашний день вырисовывается...

Цех комплектации и обработки запасных частей Горьковского автомобильного завода — по сути дела, склад, но оснащенный автоматикой, механизмами, электронно-вычислительными машинами. Вступил он в строй осенью 1965 года.

Созданию этого цеха предшествовала кропотливая, полная творческого драматизма, дерзаний и сомнений работа конструкторов, проектировщиков, технологов ГАЗа и Ульяновского научно-исследовательского и проектно-технологического института машиностроения. Дело в том, что такой цех строился впервые не только в отрасли, но и вообще в нашем народном хозяйстве.

Горьковчане ездили в Финляндию, побывали на знаменитых складах фирм «Вольво», «Хенке», «Коналс», где автоматическое и электронное оборудование стоило, пожалуй, дороже всех запчастей, обрабатываемых и хранящихся там. Удивительно? Да. Целесообразно? Безусловно!

И снова долгие бессонные ночи, споры до хрипоты, до изнеможения, и снова... чистые листы ватмана, робкие поначалу наброски невиданного склада.

А сроки поджимали.

Складское хозяйство ГАЗа — десятки непригодных помещений, разбросанных по всей многогектарной площади завода, — буквально «задышалось» от всевозрастающего объема грузов, которые необходимо было принять, обработать, оформить и отправить более чем тремстам адресатам.

Тогда еще шутили, что, мол, грузчиков да упаковщиц на заводе больше, чем автостроителей. С привкусом горечи в общем-то была эта шутка. Накладные расходы непомерно возрастали: почти все операции на складах велись вручную, огромная документация (на каждую запчасть — до шестнадцати «сопроводиловок») оформлялась по старинке. Канцелярские счета, шариковые ручки да два-три табулятора на все хозяйство...

— Помните, в фильме «Премия» бригадир, Леонов его играет, говорит насчет порядка на складе. Дверь там он полдня с пэтэушником разыскивал. Очень жизненно. И у нас ведь на складах почти то же самое было, — рассказывает Любовь Андреевна Никитушкина. Сегодня она крановщица, управляет мостовым краном. («Выше любого начальства», — шутит.) А работала и грузчиком, и упаковщицей, и комплектовала партии грузов к отправке.

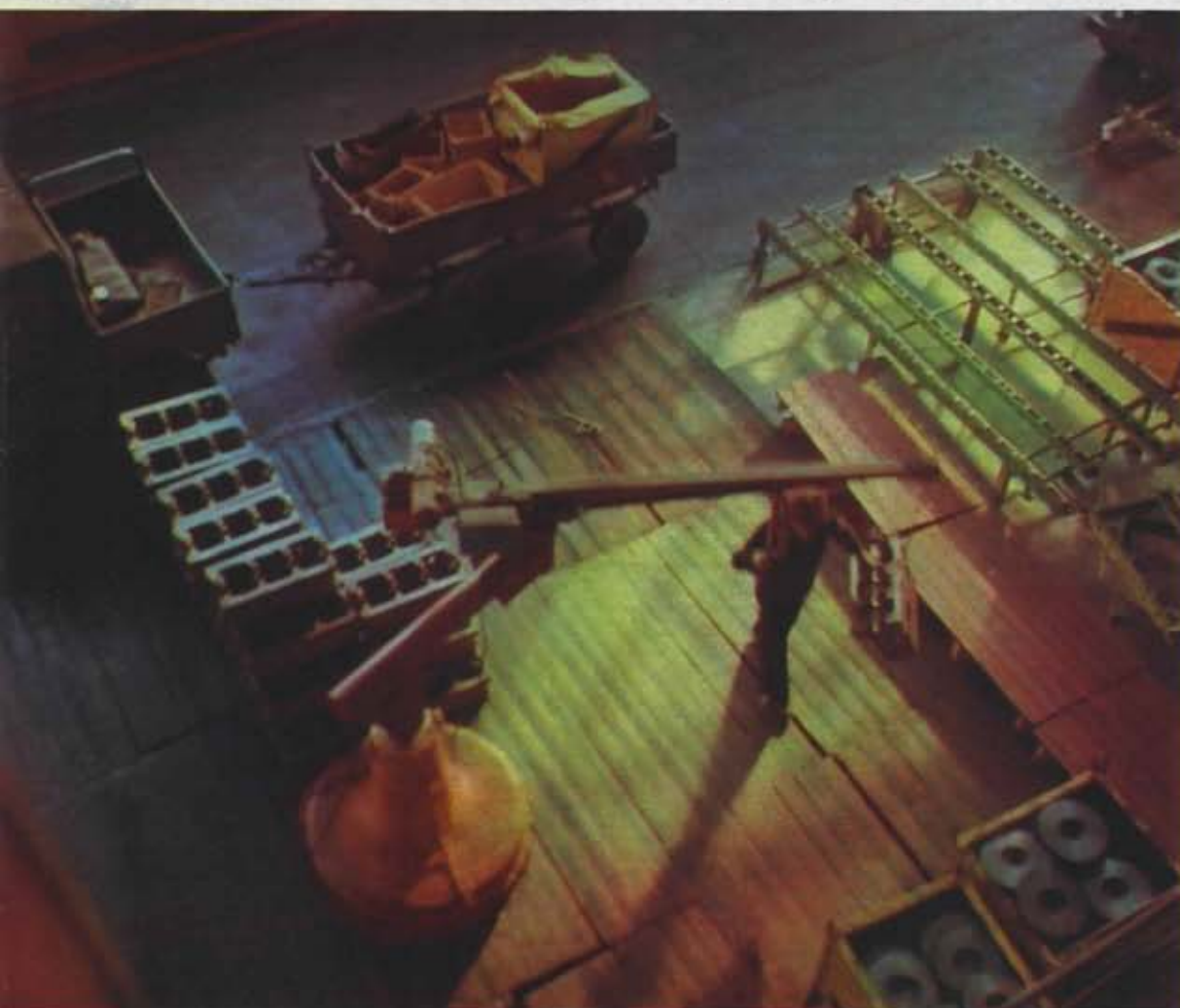
— Бывало, с ног собеешься, разыскивая необходимое. Сколько времени рабочего теряли! А стеллажи какие? Вкривь и вкось... Лезешь по стремянке к потолку, а оттуда — с ящиком на плечах. Сейчас, конечно, когда вспомнишь, удивишься — как работали?! А тогда, что ж, — дело делали да новый цех ждали. По субботам, случалось, по воскресеньям строителям помогали — уж очень хотелось быстрее по-новому работать...

Параллельно со строительством специалистов-конструкторы разрабатывали, а заводские умельцы изготовляли новое оборудование для цеха. Здесь, на ГАЗе, был сконструирован и изготовлен уникальный автопогрузчик — штабелер, который нынче с успехом используется на сотнях складов. Эта машина полностью механизировала приемку груза и транспортировку его в стеллажи, на тридцатиметровую высоту. На какой стремянке можно добраться сюда!

Оригинально и смело был решен участок высотного складирования. Ажурные конструкции трубчатых стеллажей достигают высоты пятиэтажного дома. Они легки, красивы и очень просты в изготовлении. Используется с максимальной пользой каждый из 25 тысяч квадратных метров производственной площади. И в то же время в цехе ощущается простор, воздух.

Мозгом склада стало... бюро ЭВМ. Только одна машина «Минск-22», обрабатывая в сутки до 20 тысяч различных приходно-расходных документов, заменила 150 счетных работников. Это сегодня, когда цех

ПУЖА

комплектации имеет уже две машины третьего поколения ЕС, «Минск», с его в общем-то ограниченными возможностями, кажется анахронизмом. Но четырнадцать лет назад внедрение электронно-вычислительной техники в складское хозяйство требовало определенной смелости и умения видеть завтрашний день цеха.

В то время цех возглавлял знаменитый Пустеленин, лауреат Государственной премии СССР, принимавший непосредственное участие в создании нового цеха комплектации и обработки запчастей — от идеи до ее практического воплощения.

«Порой мне казалось, — вспоминает он, — что мы бредем вслепую, на ощупь. Но когда идешь первым, приходится рисковать. Важно, чтоб риск этот шел от знания, а не от самонадеянности... Я очень надеялся на молодежь, на ее энергичность, на отрицание всяческих шаблонов как в мышлении, так и в действии. Мы понимали: новое не может строиться по старинке».

В ноябре 1970 года в цехе побывал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Беседа с коллективом цеха о передовых методах социалистического хозяйствования, он отметил, что опыт горьковчан следует как можно быстрее внедрять и на других предприятиях отрасли.

Нынче выросли современные складские корпуса на ВАЗе, ЗИЛе, на КамАЗе. И уже решаются практические вопросы по реконструкции цеха запчастей ГАЗа.

Тридцативосьмилетний начальник цеха Юрий Леонтьевич Летанин, работавший в свое время и грузчиком, и токарем, и мастером, и секретарем комитета комсомола в цехе, знающий складское хозяйство завода детально, говорит горячо, напористо:

— Главное, не опоздать. Ведь пока проектируем, прикидываем, утрясаем, глядя — проекты наши устарели. Нужно уже не завтрашним, а послезавтрашним днем жить. Тогда все и выйдет в точку!

— Пять, шесть, семь...

— Вить, да брось ты это баловство. А вы не подначивайте! И так видно — парень здоровый...

Припекает весеннее солнышко. Обеденный перерыв. На грузовом дворе возле цеха собралось человек десять — двенадцать парней да трое степенных мужчин, которым уж за шестьдесят.

— Вишь, — обращается ко мне Иван Яковлевич Логинов, сухонький, подвижный, совсем не похожий на волжского богатыря, поднимающего зараз семь-восемь пудов. — Силой мериться затеали. К трубе приварили колеса из-под дрезины, вот тебе и штанга. Устанавливай рекорды... Парни молодые, здоровые, а ничего тяжелее молотка на работе-то и не поднимают. Одно название — грузчики. Раньше бывало... — И он вздохнул.

— А что раньше, Иван Яковлевич?..

— Нет, конечно, чего жалеть о вчерашних днях. Случалось, домой придешь — не разогнешься. А сейчас вот вроде как и неудобно себя грузчиком называть. Раньше пятнадцатипудовые вагонные тележки вдвоем с Василичем кантовали. Василич! — зовет он товарища. — Василич, не дай соврать.

К нам подходит мужчина среднего роста, фигура его, будто вырубленная из цельного куска гранита, выражает спокойствие, неторопливость. Я с ним уже знаком. Шурыгин Иван Васильевич, на ГАЗе с пятидесятого, специальность — грузчик.

— Как мы с тобой тележку ворочали, помнишь?

Иван Васильевич досадливо машет рукой, присаживается рядом, на опрокинутый тарный ящик, говорит по-волжски, чуть растягивая слова.

— Что, Ваня, старину вспоминать? Каким богатырем был! — И, повернувшись ко мне всем телом: — С виду он, конечно, не Муромец, а вот рессору на плечах метров двести нес. Сам тому свидетель. Глупость, понятное дело, вполне можно было на автогрузчике ее доставить. Но тоже спор, помнится, вышел. Молодые завели...

— Подначивать они мастера, — вставил Логинов. Но не обидливо сказал, с улыбкой. Видно, и сама молодежь и ее «подначки» были по душе старому грузчику.

— Ребята нынче, конечно, грамотные идут. У нас грузчиками и девушки значатся. У кнопок стоят... А вот, поди ж ты, все равно стесняются, что ли, профессии нашей.

— А чего ее стесняться? — загорячился Иван Яковлевич. — Ты, Василич, можно сказать, потомственный грузчик... — И, объясняя мне: — У него и отец и дядьки по Волге ходили, по Каме... Сам ни почестями не обижен, ни уважением людским. И орден за свой труд имеет...

— Да брось ты, Ваня, не в этом дело. Награды, почести — суть не в том. Вот мы с тобой уйдем на пенсию, что после нас останется, вернее, от профессии нашей? В заводском музее под стеклом — крюки, чалочные ремни, подхватка заспинная...

— Видно, Василич, отжила свой век наша специальность. Что тут поделаешь...

— Не отжила. Иной стала. Автоматы, механизмы не

только ее изменили, сам грузчик нынче другой. А значит, и называть его по-другому надо.

— А ведь точно. Ребята, что в портах работают, хотя бы в нашем, горьковском, — докеры. На стройке, у меня там зять, — стропальщики. А помнишь, были мы на экскурсии в Челябинске, на трубопрокатном, там те же грузчики операторами зовутся...

И вспомнил мне разговор пятилетней давности, когда Леонид Алексеевич Пустеленин повернул вдруг нашу беседу совсем неожиданной стороной.

Надо сказать, что и тогда в цехе комплектации работало много молодежи. Причем в основном выпускники средней школы. Приходили, чтобы пересидеть год-другой и снова поступать в институт. Уже имея рабочий стаж. Но просто «пересидеть» не удавалось. Цех захватывал необычностью работы, особой душевной атмосферой, когда сама работа не в тягость, и в цех спешишь утром, чтобы вновь увидеть хороших друзей, чтобы снова окунуться в привычную жизнь делового, самостоятельного человека. Большинство из вчерашних десятиклассников оседали здесь прочно, учились на курсах водителей электрокар, автогрузчиков, становились квалифицированными электриками, слесарями-ремонтниками, лаборантами в бюро ЭВМ. Это ни в кой мере не мешало им поступать на вечерние и заочные отделения техникумов, институтов.

— Знаете, почему молодежь к нам все же неохотно идет? — спросил Пустеленин. — Названия специальностей отпугивают: грузчик, упаковщица... В отделе кадров требуют: посылайте на конвейер, хочу работать испытателем. Как так, в кармане аттестат зрелости и с ним-то в грузчики идти?! А того ребята не понимают, что названия устаревшие и сегодняшнему труду в цехе не соответствуют. Вы и сами видели: тоненькие девчата, во восемнадцать-девятнадцать лет. Светлые халатики, косынки цветные — настоящая радуга в цехе. А в трудовой книжке запись: грузчик 2-го разряда...

Я перелистываю старый журналистский блокнот. Фамилии, имена тех, с кем говорил о многом. И о престижности профессии тоже.

Вот некоторые из тех записей.

Володя Фомин, 18 лет. Во Дворце на танцах с девушкой знакомиться, как представится — Вова-грузчик? Нет ведь... Вот и приходится придумывать: управляю, мол, некими сверхсложными механизмами. Впрочем, так оно и есть.

Люба Лапшина, 20 лет. Мы шли работать в цех, не зная, чем нам придется заниматься. Думали, действительно какие-то тяжести поднимать. Оказалось, здесь все кругом механизировано. Многие девочки выучились на водителей электрокар, стали крановщицами. Я — лаборантка на «Минске-22».

Аня Солоничина, 22 года, бригадир комсомольско-молодежной бригады. Я приехала, как и многие другие девочки, из деревни. Хотела поступать в институт. Не прошла. В отделе кадров оформили в цех комплектования, упаковщицей... В шестьдесят девятом создала первую в цехе комсомольско-молодежную бригаду. Бригада у нас комплексная — каждый имеет три-четыре специальности. Можем в любой момент подменить друг друга...

В нынешний мой приезд я встретился со старыми знакомыми. Почти все по-прежнему работают в цехе. Некоторые закончили техникумы, учатся на последних курсах институтов. Женятся, вышли замуж, растят детей... В цехе определилась их рабочая судьба, жизненная дорога, кто-то нашел здесь и личное счастье.

— Эй, корреспонденты, не хотите прокатиться на моей машине? — окликают нас сверху.

Задираем головы: из кабины крана-штабелера машет нам Вера Лукичева, и через несколько минут начинается наше необычное путешествие...

Как отыскать в считанные минуты нужную деталь, когда перед тобой лес стеллажей, где хранятся запчасти более 16 тысяч наименований?

Только из сучочного запаса деталей, размещенных на стеллажах этого суперсклада, можно полностью — от мостов до ветровых «дворников» — собрать две тысячи легковых и четыре тысячи грузовых автомашин. Отсюда запасные части к «газонам» и «Волгам» всех моделей и модификаций расходятся в разные уголки мира. У цеха комплектации — более шестисот постоянных получателей-контрагентов. Руководство цеха имеет юридическое право на заключение договорных поставок с любой зарубежной автомобильной фирмой и корпорацией. Подготовкой этих договоров занимается специальное юридическое бюро цеха.

Итак, вам нужно отыскать, к примеру, двадцать рулевых управлений для ГАЗ-53 и отправить их в город Барнаул. Старшая комплектовщица участка, получив заказ, смотрит по картотеке (составленной и обработанной ЭВМ), сколько имеется на складе в данное время рулевых управлений этой марки и где они хранятся. На карточке указано и количество деталей и место их на многоэтажных стеллажах.

Теперь водителю крана-штабелера остается только доставить детали на упаковочный участок.

...Штабелер, освещенный изнутри мягким светом люминесцентных ламп, словно батискаф в океанских глубинах, движется вдоль длинного сумеречного межштабелерного пролета. Мы — пассажиры этого корабля, капитаном — Вера Лукичева. На этот раз нам необходимо разыскать и доставить на «материк» 250 крестовин блока шестеренок. Вера сверяется с картой-заказом.

— Седьмой «этаж», 28-я и 29-я ячейки...

Луч подвешенного фонаря выхватывает таблички с номерами ячеек, высвечивая впереди надписи: Караганда, Сахалин, Афганистан, Волгоград, Рим, Канада, Ашхабад, Вьетнам... — адреса, по которым уходит продукция завода.

По пескам Афганистана и в снегах Восточной Сибири, по горному серпантину Туркмении и по автострадам Италии, по тихим улочкам заснеженной Вологодчины и по залитому огнями асфальту Буэнос-Айреса мчатся машины Горьковского автозавода.

— На дальних стеллажах — уже скомплектованные партии. К отправке готовы. Отмаркируют — и в путь, — объясняет нам Вера. — Держитесь! Первую скорость включую, пойдём по вертикали.

Штабелер дернулся и, убыстряя бег, пошел выше, выше. Номера 21, 22, 25... Ячейки, заполненные металлическими ящиками, выкрашенными в ярко-оранжевый цвет («Чтобы из темноты лучше видеть...»), проплывают мимо кабины, будто мы остановились, а стеллажи начали двигаться.

— А вот и наш груз. 28-я — 150 штук, 29-я — ровно 100.

Стальные лапы рольганга — автоматического приемного устройства — легко подхватывают металлический ящик, бережно опускают его на площадку крана, рядом — второй. Вера переключает рукоятку, и мы отправляемся в обратный путь.

На всю операцию ушло каких-то десять минут.

— Понравилось? — улыбнулась Вера. — Приходите, научим!

С ребятами из цеха комплектации и обработки запасных частей я встретился еще раз перед отъездом, совершенно неожиданно.

— Зайдем в сборочный, на большой конвейер, — предложил секретарь комитета ВЛКСМ объединения «АвтоГАЗ» Александр Лосев. — Сегодня на сборке наши, комсомольские машины.

В нынешнем году исполняется 50 лет комсомольской организации ГАЗа. И к своему юбилею комсомольцы завода решили собрать 500 внеплановых автомобилей. Да не просто собрать, а все детали для них, все узлы изготовить в нерабочее время из сэкономленных материалов. И тут, на большом конвейере, я вдруг увидел своих знакомых — Валю Вознесенскую, группкомсорга 1-го участка, Бориса Крохина, Веру Лукичеву, крановщицу Людю Уфрутову... А вон и Юра Баранов, тот самый, который так не хотел идти в грузчики в начале своей рабочей карьеры, — его мушкетерские кудри были ловко подхвачены косынкой в горошину; работал он с таким же азартом, как и все его друзья — грузчики, упаковщицы, комплектовщицы, крановщицы, водители электрокар.

Я вопросительно посмотрел на Лосева.

— Комсомольский субботник. Сборочный и цех комплектации — давние друзья. Всегда выручают друг друга.

К нам подошла Зина Нестерова.

— А, экскурсанты, — пошутила она, — давайте к конвейеру.

Рядом с Зиной стоял рослый парень. Короткая стрижка, лицо широкоскулое, спокойное. Где я видел его?

— Гуляев Володя.

И сразу вспомнилось: в музее истории и трудовой славы завода висит портрет этого парня. А под ним — мандат делегата XVIII съезда ВЛКСМ и копия диплома лауреата премии Ленинского комсомола.

— Наш шеф и наставник, — отрекомендовала его Зина. — Многих наших ребят и девчат обучил тонкостям сборки. А что и куда крепить — мы сами знаем. Ведь все машины, которые завод выпускает, через наш цех проходят, только в разобранном виде.

...А с конвейера уже сходил сверкающий ГАЗ-66. На его кабине золотистыми буквами было выведено: «Комсомольский» и цифра «50». За ним, ровно через 124 секунды, еще один, а там еще, и еще, и еще...

Пустеленин как-то обронил в разговоре:

— Думаю, не за горами то время, когда работа на нашем складе станет одной из самых привлекательных для молодежи.

Похоже, что такое время уже наступает... Заместитель генерального директора объединения «АвтоГАЗ» по кадрам С. А. Елкин назвал любопытную цифру: сегодня каждый четвертый из вчерашних десятиклассников, поступающих на завод, просит в отделе кадров: «Направьте меня в цех комплектации...»

Никто не забыт, ничто не забыто

Шепляясь взглядом за каждую черточку, все гляжу на эту фотографию и не могу писать, не идут слова... Не могу освоиться с мыслью, что через некоторое время, развернув журнал, люди станут так же пристально всматриваться в снимок, пытаясь разглядеть черты своих близких, сына или брата, о котором, быть может, не было ни слуха, ни весточки все эти тридцать восемь лет, с первого дня войны.

Фотографии прислала в редакцию М.П. Ревякина из Ростова-на-Дону. В мае сорок пятого года, будучи военным врачом, она подобрала их на дороге, ведущей в Магдебург, и все это время хранила среди своих фронтовых реликвий. А в канун очередного празднования

они, теснясь плечом к плечу, и впереди, поддерживая шупленького, всего в бинтах красноармейца, идет младший командир. Под недобрыми взглядами солдат в стальных касках он словно бы чувствует себя по-прежнему в ответе за этих парней, стриженных под машинку, за своих бойцов первого года службы. Куда же ведет их лесной проселок? На пыльный плац, откуда ближайшей ночью, забросав шинелями колючую проволоку, кинутся они по кустам, и потом в степях Украины, в Белорусском Полесье будет греметь о них партизанская слава? Или на том же плацу ударит коротко автомат эсэсовца, и припадет к земле, дрогнет в последний раз истерзанное ранами, измученное голодом юное тело... А может быть, отсюда, с этой вязкой лесной дороги, истолченной конскими копытами, начинается их крестный путь на Голгофу через Освенцим и Бухенвальд?

Впервые увидев на фотографии этих молодых ребят в гимнастерках с петли-

губой у него сидела золотистая, как ячменное зерно, родинка.

В Красную Армию на действительную службу Вениамина и его товарищей проводили перед самой войной. Прощались с ними у бревенчатого здания поселкового Совета, окрашенного в светлую охру.

Призывники были нарядными. При галстуках, с новыми чемоданами и все как один в кепках с большими козырьками. Кепки просто сидели на стриженных головах и сползали ежеминутно на уши. Почти у всех на пиджаках серебристо поблескивали значки ГТО второй степени. В то время, скупое на награды, эти значки носили, как ордена. Было много народа. Не переставая играл баян. Пели песни: про Катюшу, «Если завтра война...» и про то, что широка страна наша родная и нет для нас ни черных, ни цветных. Было весело, только глаза у матерей, когда двинулись все к платформе, вдруг стали мокрыми. И, забравшись уже в элект-

горели окна в избах, где вдали над Москвой-рекой висел ажурный мост, будто связанный из тонкой сизой проволоки, и широкой волной, темно синяя, скатывались за горизонт леса, но казалось, что глядел он еще дальше. Там, далеко-далеко, словно выдвинулся ему дымное небо Испании, расколотые снарядами деревья в Каса дель Кампо, баррикады на улицах Университетского городка, плакаты с надписью «Но пасаран!».

Мне кажется теперь, что сказал он тогда больше, чем два слова. Он, наверное, хотел сказать: «Ничего, братишка, ничего... Им все припомнится, все зачтется. Они разгружают бомбовозы над беззащитными городами, но целится они в нас. Понимаешь? Мы стоим у них поперек горла. Эта фашистская свора рано или поздно кинется на нашу границу. Ну что ж, пусть только попробует».

Недавно я снова был в Ильинском. Пустыни заснеженные улицы, старые сосны за штакетником тихонько скрипят

Григорий АКСЕЛЬРОД

КТО ТЫ, ТОВАРИЩ ЛЕЙТЕНАНТ?

Дня Победы отправила снимки в Москву.

Письмо ее лаконично до предела. Она почти ничего не говорит о себе и ничего не просит. Только строки легли на бумагу косо, падающей лесенкой, как будто вывела их рука человека, который собрал для письма в редакцию все свои силы. И эта догадка словно объясняет, почему она не решилась дальше хранить снимки при себе. Она отправила фотографии, подобно тому, как в далекие времена с надеждой и верой бросали в море бутылки, запечатанные сургучом. Будто знала она, что не могут они исчезнуть, потонуть в архивах, что их обязательно прибьет к берегу, и берег этот несокрушим и вечен, ибо называется он Память людская.

На обороте фотографий еле заметны карандашные надписи на немецком языке. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертиз надписи прочитали, и вот что выяснилось...

22 июня 1941 года некий унтер-офицер Франкхауз сфотографировал где-то на западной границе группу захваченных в плен советских пограничников. На другом снимке на первом плане запечатлен лейтенант, начальник погранзаставы, который отстреливался, сколько мог, от нападавших фашистских солдат, а последнюю пулю послал себе в висок (немецкий унтер-офицер почему-то называет его «комендантом из гвардии Сталина» и, отдавая невольную дань уважения советскому командиру, поясняет: «Он не сдался живым и застрелился на наших глазах»).

Первая фотография сохранилась плохо. Видны лес, дорога, песчаные бугры. За лесом в зрелом свете июньского полдня угадывается простор. Там, за деревьями, то ли поляна, то ли берег реки. И словно тянет оттуда каленым железом...

По дороге бредут восемь безоружных и раненых бойцов. Их окружает чуть ли не целый конный взвод полевой жандармерии. Не для одного солдата вермахта первые метры похода на восток стали последними. Они задумались, эти конные фельдмаршалы, они глядят исподлобья, будто осяпывая взглядами и прикидывая в уме, сколько же сил еще таится у этих людей, взятых в плен, но не побежденных. Не побежденных! Потому так выразительны их лица, полные скорбного достоинства, потому идут

цами, я подумал о нашей соседке по дому в подмосковном поселке Ильинское, бывшей учительнице русского языка Татьяне Кирилловне Брюховецкой. И прежде, бывая изредка в Ильинском, я встречал ее в узком проулке, где пахло повялыми грибами и за штакетником, на старых дачных участках привольно, как в лесу, стояли сосны. Она трудно доживала свой век. Распросив обстоятельно о здоровье и о работе, она торопливо поправляла ломкие седые локоны под шалью из черного гипюра и напоследок спрашивала, заглядывая в глаза:

— А моего Веню ты помнишь?

Ее сын погиб в сорок первом году. И она, старая одинокая женщина, видимо, томилась душой, тосковала втихомолку, страшась мысли о том, что после нее не останется на земле человека, который бы помнил о ее сыне. Помнил и знал, что был он коренаст, светловолос, с прямым взглядом голубых глаз, что любил клюквенный кисель, играл в футбол за люберецкий «Сельмаш» и над верхней

ричку, Веня высунулся в окно и подмигнул, помавав мне рукой и как бы намекая на известное нам обоим дело. За пару лет перед этим мы с одним другом младшего школьного возраста намыслили бежать в Испанию, но были пойманы той же ночью.

На другой день, повстречав Вениамина на берегу Пехорки, сонной речушки, заросшей желтыми купавами, я понял, что побег не остался тайной для соседей. Не говоря худого слова, Веня плотно ухватил курчавенький вихор и дернул его так, что искры посыпались из глаз. Прикидывая, как бы ловчее удариться в реву, я вдруг почувствовал, что рука его смягчилась. Осторожно, с неумелой ласковостью скользила она по волосам, словно водило этой рукой робко проглянувшее отцовское чувство. И он сказал негромко:

— Ничего, ничего...

Голубые глаза его сузились, потемнели. Он глядел за Пехорку, где на взгорье в блеске тихого солнечного утра стояло большое село и оранжевыми огнями

на ветру. И в один грустный миг, когда шел я узеньким проулочком, почудилось, будто я и есть тот последний на земле человек, который еще помнит о Вене Брюховецком.

Мы все, как цепями, связаны памятью о тех, кто не пришел с войны. Это святые цепи, они не в тягость. Важно только, чтобы не рухнуло, не порвалось, не сгнуло бесследно ни одно звено.

На снимке за спиной лейтенанта среди глыб развороченной земли лежит молодой боец. Кто он? В каком краю нашей Родины узнают его имя? Листок фотобумаги пронес сквозь годы мальчишеское лицо, искаженное страданием, а сам он давно ушел в луговые травы, в неяркие лесные цветы, в светлый сок берез. Но почему так щемит сердце, почему? И руки наперекор разуму тянутся поправить его запрокинутую голову...

А лейтенант в том первом бою на границе упал последним. Никто не скажет, сколько длился бой, но начался он на рассвете, в четыре часа утра. На оружейные выстрелы, на частое твяканье минометов, на сплошной адский огонь пограничники отвечали скупыми очередями из «максима» и прицельными залпами из трехлинейных винтовок.

И когда замолчали огневые точки, когда полегли вокруг все бойцы, убитые и раненные, лейтенант оглянулся.

Над верхушками сосен вставало солнце, вокруг столбов вились черным серпантинном обрывки телефонных проводов. Знают ли там, в тылу, что идет бой на границе? Готовы ли встретить вражью силу? Не опоздают ли с помощью? А его окружали, хотели взять живым. У этих чужаков все было непривычно ему, противно взору: и каски с глубокими вырезами, и серо-зеленые мундиры, и оловянные пряжки на ремнях с орлами и свастикой. Будто не люди это были, а неведомые пришельцы с иной планеты. В глазах у них сквозь страх перед револьвером лейтенанта пробивался злой азарт. И тогда он вскинул к виску револьвер с последним патроном, и тело его упало под ноги вражеских пехотинцев, словно и мертвый хотел он хотя бы на одно лишнее мгновение задержать кованый фашистский сапог, занесенный над его родной землей.

Отдавая материал в редакцию, я хочу верить, что найдутся люди, которые помогут установить имя героя и продолжат рассказ о нем.

Не исключено, что первый мастер мультипликации был... съеден. В то время, как остальные художники пещерного века правдиво отображали на стенах жилищ будни и праздники своей жизни, он позволил себе нарисовать у оленя восемь ног и шесть крыльев у птицы.

— Где ты такое видел?! — спросил у художника вождь племени и, не обратив внимания на лепет провинившегося о попытке запечатлеть движение, подал знак критикам. Те сели в кружок вокруг горящего уже костра, и кто знает, каким был тот суровый приговор.

Хорошо еще, что тогда не было ни легко горящих бумаги и киноплетки, ни отбойных молотков: результаты «формалистического» изыска дошли до нас вместе с каменными стенами жилищ первых ценителей нового жанра.

Следующие мультипликаторы, помня судьбу своего коллеги и предшественника, стали поступать умнее: они передавали фазы движения на барельефах египетских гробниц и росписях древнегреческих ваз последовательно, одну за другой, а на претензии критиков отвечали, что это, дескать, не один и тот же человек, а совсем разные, только похожие друг на друга, а может быть, даже братья-близнецы.

А потом в пляшущем свете костра, создающем подчас стробоскопический эффект, убедившись предварительно, что никто за ними не подглядывает, закручивали вазу на гончарном круге и смотрели на чудесным образом ожившего плясуна с грустной улыбкой людей, значительно опередивших свое время.

Постепенно у нового искусства стали появляться и теоретики. Древний философ Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей» уже тогда заметил: «Нам кажется, что изображения начинают двигаться, если они исчезают одно за другим и заменяются новыми образами в новых положениях».

Так как же делается мультипликация? Почему рисунок или кукла оживают?

Попробуем сами себе ответить на этот вопрос. Вырежем из картона кружок. На одной его стороне нарисуем клетку, на другой птичку. Привязав с двух сторон по нитке, закрутим его. Птичка попадет в клетку. Правда, от огорчения она останется неподвижной.

Пойдем дальше и все-таки заставим ее двигаться. Для этого купим в магазине блокнот, желателен потолще. В правом нижнем уголке каждой страницы нарисуем эту самую птичку. Только пусть крылья ее на каждом следующем листке будут в разном положении: то выше, то ниже, то снова выше, то снова ниже... Отогнем большим пальцем угол блокнота, и листки, пружиня, один за другим вернутся на свое место, открывая рисунок за рисунком и тем самым закрывая предыдущий. Птица забьет крыльями.

Предположим, ваша птичка улетела, а вам все еще не наскучило рисовать. Тогда вырежьте из картона диск и снабдите его радиальными прорезями через равные промежутки. Между ними нарисуйте... ну, что хотите: скачущую лошадь, идущего человечка, девочку, прыгающую через скакалку (конечно, уже понятно, что каждый следующий рисунок будет отличаться от предыдущего положением движущихся частей). Станьте перед зеркалом, закрутите диск и смотрите на отражение через прорези: ваши рисунки ожили.

А можно положить свернутую в кольцо ленту с рисунками в барабан с такими же прорезями. Закрутив его, вы снова увидите за узеньким окошком, в которое эти прорези сольются, ожившее

движение. Но заметьте: тут мы уже имеем дело с лентой.

И если сделать ее подлиннее и перематывать с одной катушки на другую, сделать ее попрозрачней и проектировать рисунки на большой экран, вы получите пракиноскоп «Оптического театра» Эмиля Рейно, театра, который начал свою работу 28 октября 1892 года в Париже, за три года до изобретения кинематографа.

Так что кинематограф как таковой имеет к мультипликации отношение достаточно косвенное: он скорее представляет ей некоторые свои технические средства, чем рождает ее из своей специфики. (Блистательным доказа-

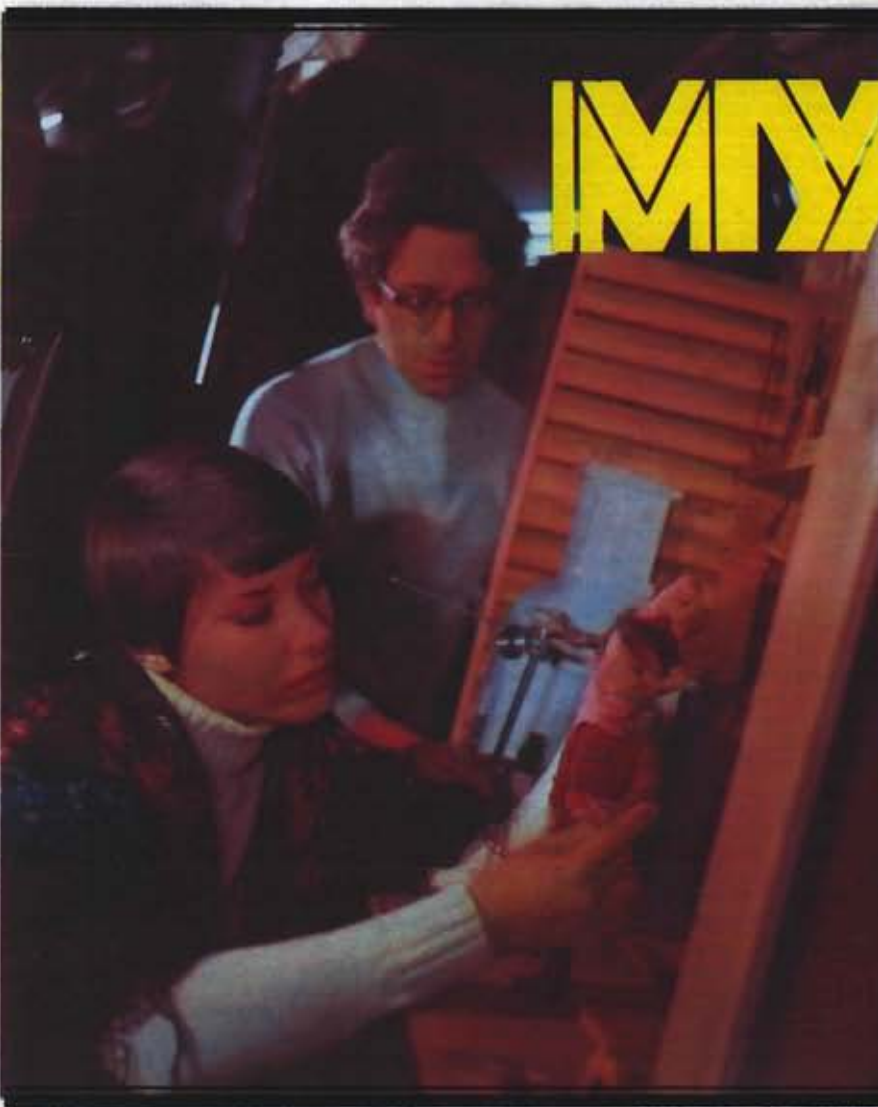
друга, что эти кадрики можно снимать и по очереди, а изменения рисовать или создавать каким-нибудь другим способом.

Поэтому, когда изобретатель покадровой съемки американец Стюарт Бленктон в 1906 году выпустил на экраны картину «Отель с привидениями», где вещи двигались сами собой, безо всяких лесок, ниточек и черного бархата, кинематографисты всего мира (их, правда, в то время было меньше, чем сегодня на самой маленькой киностудии) несколько месяцев мучительно разгадывали этот элементарный для любого современного человека трюк: снять кадр, передвинуть комод на сан-

Как это

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

МУЛЬТИПЛИКАТОРОВ НАЗЫВАЮТ ЕЩЕ АНИМАТОРАМИ, ТО ЕСТЬ «ОДУШЕВИТЕЛЯМИ». БЛАГОДАРИМ ИМ ИГРУШЕЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОЖИВАЮТ.

тельством этого положения являются мультфильмы канадца Нормана Мак-Ларена, которые он прямо рисует, кадрик за кадриком, на киноленте. Что это за труд, можно представить себе, если за десять минут демонстрации мультфильма на экране сменяется 14 тысяч 400 рисунков!

Более того, на заре своего существования юный и напористый кинематограф, надвигаясь на зрителя паровозом братьев Люмьер, по пути подмял под себя и «Оптический театр» Рейно: невероятным образом ожившие, пусть пока немые и черно-белые, фотографии самых обычных уличных эпизодов произвели на публику такое впечатление, что тонкие, изысканные рисованные ленты французского художника не смогли конкурировать с этим сразу получившим значительный коммерческий успех любимцем нарождающегося века.

Самоуверенный кинематограф, привыкший к тому, что для запечатления выбранного им кусочка жизни достаточно покрутить ручку съемочного аппарата ровно столько времени, сколько этот кусочек жизни длится, не вдруг сумел догадаться, что эта самая жизнь разлагается на его ленте на сотни и тысячи маленьких неподвижных кадриков, только чуть-чуть отличающихся друг от

АКТЕРЫ, КОТОРЫЕ ДВИГАЮТ КУКОЛ, НАЗЫВАЮТСЯ КУКЛОВОДАМИ. ИХ ПРОФЕССИЯ, КРОМЕ АКТЕРСКОГО ДАРОВАНИЯ, ТРЕБУЕТ ВЫСОКОЙ ТОЧНОСТИ.

ЗНАКОМЫЕ ГЕРОИ ЛЮБИМЫХ ФИЛЬМОВ.*

тиметр и снять снова... «Оборот ручки — один кадр» — так было названо это изобретение.

И только год спустя после появления «Отеля» и через восемь лет после изобретения кинематографа вообще очнувшаяся от шока публика снова повалила на «ожившие рисунки», на сей раз выполненные киноспособом: на первые мультипликационные ленты пионера рисованного фильма, парижского художника-карикатуриста Эмиля Коля.

А когда в 1912 году замечательный фантазер из Вильно Владислав Старе-

вич выпустил на экраны «Прекрасную Люканиду, или Войну рогачей с усачами» — первый в мире кукольный мультипликационный фильм, где героями вполне традиционной романтической истории с любовью, турнирами и похищениями были жуки, — даже самые искушенные кинозрители удивлялись: «То, что он снимает жуков, — понятно. Непонятно только, как ему удалось так лихо их выдрессировать!»

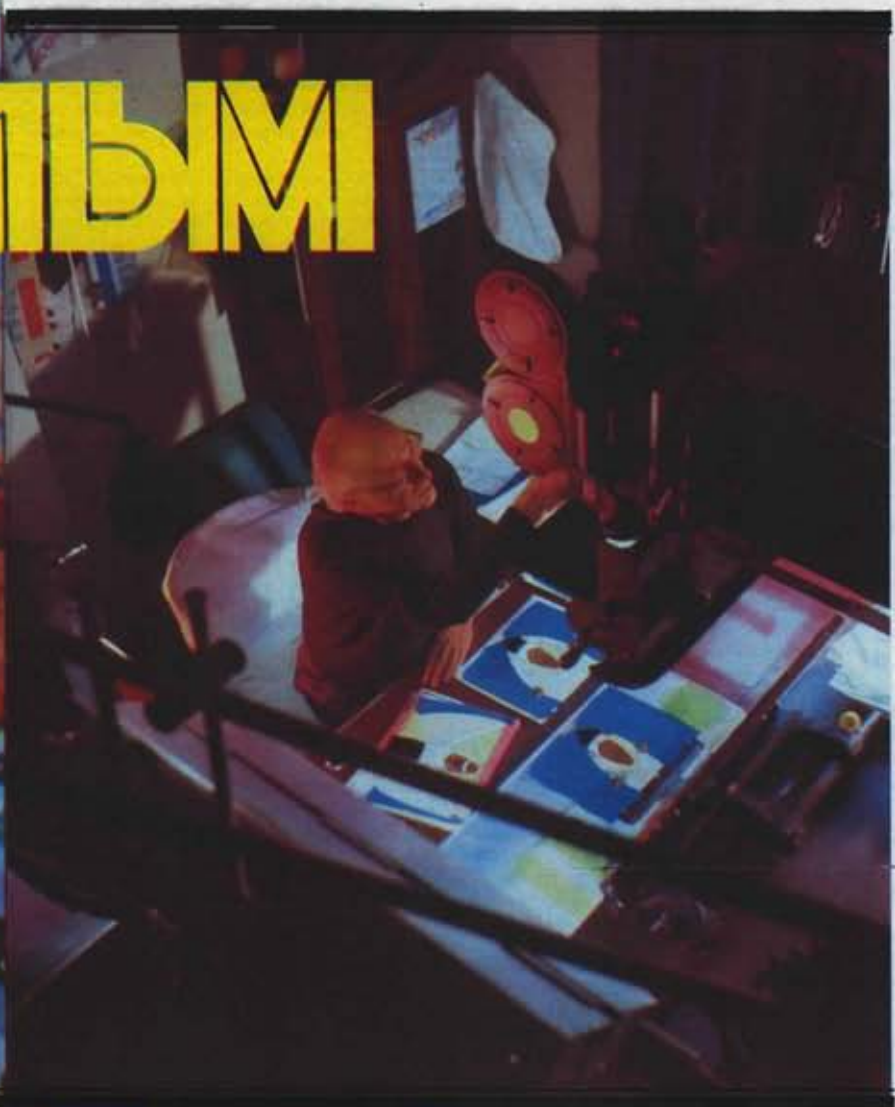
Мультипликация вообще много условнее «нормального» кино, хотя бы потому, что любой рисунок практически всегда условнее любой фотографии. Когда же рисунок, явление изначально непод-

Андрей Хржановский (СССР). «Жил-был Козьявин».

Учреждение. За столом сидит непримечательный Козьявин и перекладывает бумаги справа налево (или наоборот). Приказ начальника — найти Сидорова и передать ему: «Кассир пришел». Жест рукой в направлении, где должен быть Сидоров. Далее — восемь минут путешествия Козьявина точно в этом направлении, сквозь распрямляющиеся под его напором стальные трубы, через пустыню, по морю и по археологическим уникальным находкам, разрушая их микрорисистыми подошвами, — словом, вокруг света. Дорога кончается утром, как и следует из географии, на рабочем месте. И — с полной ответственностью отвечает Козьявин начальнику: там Сидорова нет.

делается...

ФИЛЬМЫ

КУКЛЫ И ДЕКОРАЦИИ ДЕЛАЮТСЯ ИЗ ГИПСА, ГЛИНЫ, ПАШЬЕ-МАШЕ, ПЛАСТИЛИНА, ДЕРЕВА, СТЕКЛА...

НАД КАЖДЫМ РИСОВАННЫМ ФИЛЬМОМ РАБОТАЕТ ЦЕЛАЯ АРМИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ-ХУДОЖНИКОВ.

НЕМАЛО ЭСКИЗОВ ПРИХОДИТСЯ СДЕЛАТЬ ХУДОЖНИКУ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ БУДЕТ НАЙДЕН ОБРАЗ БУДУЩЕГО ПЕРСОНАЖА.

14 ТЫСЯЧ 400 РАЗ НУЖНО НАЖАТЬ ОПЕРАТОРУ НА КНОПКУ СЪЕМОЧНОГО АППАРАТА, ЧТОБЫ ПОЛУЧИЛСЯ ДЕСЯТИМИНУТНЫЙ МУЛЬТФИЛЬМ.

вижное, хотя и заключающее в себе «потенциал движения», мы заставляем двигаться, мы возводим условность в квадрат, получаем, так сказать, «условную условность». И у этой «условной условности» — свои законы: скрупулезно отобранные, значащие детали, огромная сконцентрированность во времени и жанр: сказка, притча, басня — словом, философия в картинках. Приведем примеры.

Тодор Динов (Болгария). «Маргаритка».

Человек подстригает газон, который становится абсолютно ровным, травинка к травинке, приятным для глаза любителю порядка. Но вдруг перед ножами возникает тоненький, субтильный стебель цветка... и не поддается им. На помощь любителю порядка приходят лопата, кирка, асфальтовый каток... Бесплезно. Ах, так?! Тогда бомба! Земля, взметнувшись вверх огромным грибом, медленно оседает... А цветок остается. И уже потом пройдет мимо маленькая девочка и на ходу сорвет его...

Но как же все-таки мультипликация делается? Повторим свой вопрос во второй раз, но сейчас уже постараемся ответить на него с точки зрения производственной технологии.

Итак, предположим: нужно снять десятиминутный рисованный фильм. Для начала сочиняется сценарий. Лучше, чтобы он учитывал природу мультипликации: был короток, емко, так сказать, упруг, содержал минимум текста и мог быть выражен не только и не столько словами, сколько рисунками. Этим занимается кинодраматург, в роли которого часто выступает сам режиссер или художник.

Далее — выдумать и нарисовать героев, будь то громоотвод — одна линия, или персонаж с гравюры Дюрера. Нарисовать во многих ракурсах, позах, поворотах, масштабах. Это — дело художника-постановщика. Второй художник, как правило, тем временем выполняет эскизы фонов, которые в рисованном кино и являются декорациями. Режиссер же пока разрабатывает ритмическую структуру будущего фильма, встречается с композитором...

Потом вместе с художником-постановщиком режиссер приступает к изготовлению компоновок. Компоновки — опорные кадры будущей картины. Они учитывают все: персонажей, фон, слово, музыку, крупность плана, будущий монтаж. Выполняются же компоновки на полупрозрачной особой бумаге самым обыкновенным карандашом. Параллельно ищут цветовое решение фонов и персонажей. Когда эта работа кончается, фильм уже практически сочинен, остается его нарисовать и снять.

Но прежде в студию приглашают актеров, которые разыгрывают придуманные сценки перед микрофоном — озвучивают фильм.

В отличие от игрового кино в рисованной мультипликации, как правило, актерский текст и музыку записывают до того, как готово изображение. Нужно это для того, чтобы художники-мультипликаторы смогли абсолютно точно нарисовать артикуляцию своих персонажей по расшифрованной фонограмме. И, уж можете быть уверенными, там, где звучит «п», губы у рисованного героя будут сомкнуты, а на «о» образуют совершенно правильное колечко.

Озвучивание мультфильмов — процесс чрезвычайно интересный, преподносящий много неожиданностей, открытий и сюрпризов. Вот что рассказывает о нем один из ведущих советских режиссеров-мультипликаторов, автор популярнейшей серии про Волка и Зайца Вячеслав Михайлович Котеночкин:

— Актеры обычно любят записываться на «Союзмультфильме». На это есть, по моему, две причины. Во-первых, студия расположена в центре города — удобно ездить, а во-вторых — и это уже не в шутку, — мы ставим перед актерами такие задачи, решать которые им в их обычной актерской жизни, как правило, не приходится. В мультфильме есть возможность сыграть не только зверей, но даже и неодушевленные предметы. И надо сказать, делают это

актеры с удивительным энтузиазмом, заразительностью и изобретательностью, так, что нередко после озвучивания режиссеру приходится пересматривать сценарий своей картины и даже менять облик персонажей.

Например, Рина Зеленая, приступая к озвучиванию, говорит:

— Уберите от меня текст.

И результат ее импровизации всегда бывает интереснее исходного текста.

Не обходится и без казусов. Довольно давно нам нужно было озвучить русскую сказку, где на равных с Алешушкой и Иванушкой действуют Яблоня, Печка, Ручеек... Мы долго думали, кого пригласить на роль Печки, пока не остановились на одной замечательной актрисе из МХАТа, народной артистке СССР, фамилию которой, пожалуй, можно и не упоминать. Мы позвонили ей и предложили принять участие в озвучивании. Она заинтересовалась. И спросила, уже почти согласившись:

— А кого я должна сыграть?

— Печку,— безо всякой задней мысли ответили мы.

Актриса обиделась и положила трубку.

И только после того, как мы привезли ей сценарий и она прочла его, недоразумение разрешилось, и она прекрасно сыграла роль.

Я не случайно, говоря об озвучивании, употребляю слова «сыграл», «сыграла». Когда наблюдаешь за актерами перед нашими микрофонами, получаешь истинное удовольствие от великолепной игры не только голосом, но и мимикой, пластикой всего тела,— иначе актеру сложно говорить убедительно. Когда наш сценарист и режиссер, прекрасный актер Василий Ливанов озвучивал своего Удавчика, надо было видеть, как он извивался, перевоплощаясь в героя. Сейчас он часто «тонирует» мультфильмы, а началось это довольно любопытно: когда режиссер Б. Степанцев начал снимать «Малыша и Карлсона, который живет на крыше», мы все долго искали исполнителя роли Карлсона (я имею в виду звукового исполнителя), и после более чем тридцати проб у нас просто опустились руки. Тогда Ливанов сказал:

— Подождите, я вернусь со съемок и сделаю вам все «с колес».

Звучало это несколько самоуверенно, но мы решили подождать. Действительно, с первой же пробы он был утвержден на роль,— ему удалось найти любопытный ход, спародировав... замечательного режиссера Григория Львовича Рошалю!

А вот как началось мое многолетнее сотрудничество с Анатолием Дмитриевичем Палановым. В начале 60-х годов я делал картину «Межа» и задумался над тем, кто же будет озвучивать Змея Горыныча. Остановился на Паланове— в его лице мне виделось нечто свирепое, а актер ведь должен походить на своего героя. Попробовали— получилось прекрасно. Я не ошибся в своем выборе, ошибся только в характеристике: Анатолий Дмитриевич оказался добрейшим, стеснительным, мягким человеком. Но голос, если надо, действительно свиреп!

Работе над мультфильмами Паланов, как, впрочем, и всему, чем он занимается, отдает себя полностью. Во второй серии «Ну, погоди!» наш Волк захлебывается в воде. Озвучивая эту сцену, можно было побулькивать перед микрофоном в стакане, но нет— Анатолий Дмитриевич попросил принести ведро воды, окунул в него голову и так произносил звуки за бедного Волка. После записи он целый час обсыхал.

Сейчас мы собираемся делать серию картин к Олимпиаде. Одним из главных героев будет олимпийский медвежонок Миша. К голосу столь уже популярного персонажа требования особые, и мы перепробовали не один десяток актеров. Решение и здесь оказалось неожиданным: великолепным медвежонком, так сказать, прирожденным Мишкой, стал... Заяц, а вернее, актриса Клара Михайловна Румянова. Причем держу

пари, что голоса ее в этой роли вы не узнаете, как до сих пор не узнаю я. В одной из этих олимпийских лент одновременно будут действовать и Мишка и Волк с Зайцем, и я уверен, что и Мишка и Заяц будут говорить «собственными» голосами.

После озвучивания фильма в работу вступает армия специалистов-художников: мультипликаторы, фазовщики, прорисовщики, контуровщики, залившки... Мультипликаторы (во многих странах они называются аниматорами, что значит—одушевители) действительно вкладывают душу в рисованных героев. Они проигрывают в воображении их роли, а потом изображают на бумаге этот воображаемый спектакль.

Иногда на помощь мультипликатору приходит классический кинематограф, и живые актеры разыгрывают будущую мультсценку в натуре перед объективом кинокамеры (так называемый «эклер-метод»), а мультипликатор потом «консультруется» с проявленной пленкой.

Но между поворотными, характерными кадрами, которые делают мультипликаторы, персонажи продолжают двигаться, что тоже должно быть нарисовано. Заниматься этим высококвалифицированному художнику, умеющему «вдыхать живую душу» в нарисованных человечков, нецелесообразно. Вот и возникает новая профессия— фазовщик. Фазовщики заполняют пустоты между рисунками мультипликатора промежуточными фазами. При всей кажущейся простоте и механистичности такой работы она, кроме высокого профессионализма и большого опыта, требует творческой интуиции, знания законов движения и огромной аккуратности.

Затем карандашные рисунки снимаются подряд на черно-белую пленку и прямо в негативе— белый контур на черном фоне—просматриваются в зале. На экране сразу выявляются погрешности в решении сцен и движении персонажей. Они исправляются, и снова устраивается черновая съемка и просмотр. Циклы эти повторяются до тех пор, пока группа не удовлетворится результатом. Порою число таких проб выходит за десяток.

Но вот группа удовлетворена результатом. Фильм вчерне готов. Сейчас надо сделать его набело. Начинают это прорисовщики. Они укладывают рисунки мультипликатора на специальные столы-просветы, где снизу, сквозь прямоугольник стекла, светит лампа, сверху кладут полупрозрачную бумагу и четкими, ровными, безукоризненными линиями переводят на нее первоначальный, местами эскизный, местами не проработанный в деталях рисунок.

Теперь к работе приступают контуровщики, а будущий фильм впервые попадает на целлулоидные листы, на которых можно рисовать персонажей в несколько ярусов, накладывая листы друг на друга, пользуясь для их абсолютного совпадения специальными резями и штифтами. Контуровщик переводит каждый чистовой оконтуренный рисунок тушью на целлулоид.

Потом рисунки раскрашиваются. Художники-залившки делают это специальной мульткраской с обратной стороны целлулоидного листа, чтобы при необходимости можно было исправить раскраску, не нарушая линий.

Затем все эти 14400 (а если учесть, что многие кадры разложены на два-три листа; то значительно больше) рисунков попадают к оператору, и он, подкладывая под целлулоидные листы нужные фоны, протягивая под идущими героями панорамы (панорамы—длинные фоны; в рисованной мультипликации съемочная камера перемещается, как правило, только по оптической оси—ближе или дальше от рисунка, а движение ее за героем или по пейзажу достигается движением фона в обратную сторону), меняя листы рисунков, 14 400 или несколько больше число раз (запасы, монтажные захлесты) нажимает на кнопку съемочного аппарата. Впрочем, это

единственный в мультипликации процесс, где иногда на помощь оператору приходит автоматика.

Проявленная и отпечатанная пленка совмещается с ранее записанными музыкой, речью, шумами... Фильм готов.

Кукольную картину снять несколько проще (с точки зрения технологической трудоемкости). Достаточно изготовить из гипса, глины, папье-маше, пластилина, дерева, стекла (словом, из чего хотите) декорацию и пустить в нее изготовленных из гипса, глины... (см. выше) кукол на проволочных или шарнирных каркасах и кадр за кадром передвигать их на «чуть-чуть» перед объективом покадрово снимающей камеры. Актеры, которые двигают кукол, здесь называются кукловодами, и профессия их, кроме актерского дарования, требует сильно развитой интуитивной точности: ничем другим, как интуицией, порожденной опытом, не измеришь, в каком направлении и на сколько миллиметров переместить ту или иную часть куклы.

А чтобы у кукол двигались губы, глаза, уши и носы, художники-изготовители вырезают (чаще всего из дерева) до 20—35 сменных накладок или придумывают хитрые шарнирно-пружинные системы.

...В павильоне цеха кукольной мультипликации «Таллинфильма» сразу на двух планшетах шли съемки фильма режиссера Хейно Парса «Чаромора и капитан Трум».

На первом планшете все происходило, как обычно происходит на съемках кукольных мультфильмов. На втором было декорация. На разных расстояниях от объектива съемочной камеры располагались три вертикальные плоскости: одна, самая ближняя,— маленькая, стеклянная, с нарисованной на ней полупрозрачной, размытой розовой полоской; вторая, большая,— совсем прозрачная, по которой в промежутках между снимками кукловод передвигал вырезанные из бумаги раскрашенные силуэты чаек, чередуя их варианты с разным положением крыльев, закрепляя их обычным пластилином на стеклянной поверхности; и третья— дальняя, на ней не было заметно никакого изображения вообще: длинная полоса какого-то серебристого материала. Внизу, под камерой, зеркало отражало мерцающий свет под углом в сорок пять градусов, а левее работал кинопроектор.

Я заглянул в окуляр камеры: над бурлящими волнами моря поднимался красноватый туман и летали чайки. Оператор объяснил мне механику этого чудесного превращения:

— Сначала на черно-белую пленку мы сняли натуральное море, несколько раз очень контрастно его перепечатали: получилось деформированное изображение, которое как раз подошло к стилю нашей картины. Стоящие вот здесь, перед проектором, фильеры окрасили его в синий цвет. Изображение моря кадр за кадром, синхронно со съемкой, отражаясь от зеркала, проектируется на тот серебристый экран— так называемый «экран остронаправленного отражения», или «скотч-лайт». Все, что попадает на него, очень ярко воспринимается камерой— вы видите— и совсем незаметно со стороны. Это— особенность устройства экрана: он состоит из микроскопических стеклянных шариков, наполовину зеркальных—миллиона маленьких фокусирующих линз-зеркал. Это позволяет при небольшом световом потоке получать практически любые эффекты по совмещению нескольких изображений, в данном случае— фона. После каждого кадра стекло с нарисованным туманом поднимается, изменяется цвет моря (фильтры перед проектором), и, естественно, порхают чайки... Ну, это уж— самое простое.

Скотч-лайт—изобретение замечательное, им все шире пользуются сегодня, но сейчас уже на подступах элек-

тронное оборудование, которое позволит еще проще снимать даже более сложные эффекты.

Вот мы и узнали, как это делается. А теперь зададим себе этот вопрос еще раз: как же это все-таки делается?

Вопрос сей не так уж наивен, как может показаться первоначально: секрет в том, что самые интересные мультипликационные фильмы получаются тогда, когда они делаются не так, «как это делается обычно».

Когда, например, эстонский режиссер Рейн Раамат отказывается от услуги фазовщиков и снимает только самые важные, характерные элементы движения своих героев, соединяя их с помощью наплыва: предыдущий кадр постепенно бледнеет и в то же время так же постепенно на его месте возникает, набирая образительную силу, следующий. Его рисованные (вернее, живописные; Раамат очень активно вводит в «рисованный фильм» чистую живопись) персонажи движутся отнюдь не так плавно, как мы привыкли видеть, но этот характер движения в конечном счете только подчеркивает, усиливает динамику мысли режиссера, позволяя зрителям глубже проникать в его замысел, не отвлекаясь на восторги по поводу того, что «нарисованные люди движутся совсем как живые».

...когда он же, выворачивая наизнанку «эклер-метод», снимает обычной камерой живого актера, разыгрывающего сценарий, а потом из сотни тысяч кинокадров отбирает тысячи наиболее выразительных и, увеличив и обработав их живописью, накладывает на специально созданные фоны. Уникальное решение найдено для самой сложной в рисованной мультипликации проблемы— проблемы «положительного героя». А в картинах Раамата, посвященных мужеству, силе духа и дерзновенности человека, без такого героя не обойтись.

...когда поляк Витольд Герш обходится без прорисовщиков и контуровщиков и создает своих героев бесконтурными живописными пятнами, которые, «дыша» на экране (браки для мультипликации канонический), разыгрывают на наших глазах полные экспрессии истории, а потом отправляются в баночки из-под краски, откуда они и возникли.

...когда Федор Хитрук в своем «Топтыжке» тоже отказывается от контура, но с другой целью: размытые границы выполненных в технике живописи фигурок зверей начинают дышать на экране живым мягким мехом.

...когда американец Лен Лай пытается отвлеченными цветовыми пятнами и линиями передать свое ощущение от того или иного музыкального произведения, реализуя тем самым давнюю идею светомузыки Скрябина и обогащая ее.

...когда куклами становятся то спички, то стеклянные фигурки, то разноцветные морские камешки, то клочки газеты, то носовой платок, то вырезанные из репродукций старых мастеров фигурки, то нитки, то кружева.

...когда оживают рисунки юноши Энгельса на фоне и в окружении вырезок из газет того времени.

...когда действие полнометражной экранизации «Тайны острова Бэк-Кап» Жюль Верна с живыми актерами разворачивается целиком на фоне движущейся мультипликационной декорации, выполненной в стиле гравюр конца прошлого века (чехословацкий режиссер Карел Земан).

...когда Эльберт Туганов снимает первый кукольный стереофильм «Сувенир», а опыты по голографии (объемному воспроизведению изображений с помощью лазеров) начинают нащупывать дорогу в мультипликацию.

...когда...

Когда ради наиболее точного выражения своей мысли художник забывает о том, «как это делается», и сам сочиняет новую технологию. И мне кажется, что ни одно искусство не открывает перед ним таких возможностей, как самое молодое и самое древнее искусство— мультипликация.

Сергей Баруздин

Жизнь прожить...

«Как много добрых людей на свете, добрых и разных, и как мало мы думаем друг о друге и о том, чтобы каждому из этих людей стало чем-то лучше...» Эта мысль — как ключ к пониманию характера, мотивов поведения, поступков героя известного романа «Повторение пройденного» из двухтомника Сергея Баруздина («Художественная литература»). В какой-то форме задают себе этот вопрос едва ли не все баруздинские персонажи, надеясь авторской симпатией. Осознание ими многомерности человеческого в человеке происходит, как правило, в минуты самые что ни на есть мирные, в затишье между боями, в минуты любования природой. И, может быть, поэтому еще более понятны и близки неволевавшему современнику фронтовые судьбы и дороги баруздинских юношей и девушек, понятны их неуемная жажда подвига, бескомпромиссная ненависть ко всему, что не укладывается в их понимание доблести и чести.

Для новых поколений, обживающих мир, любой из этапов отечественной истории во многом страница учебника. Вполне возможно, что учитель даст кому-то, как восьмикласснице Наденьке из вышеупомянутого романа, домашнее задание — повторить ту или иную страницу учебника. Почитают будущий космонавт или биохимик, селекционер или балерина — задумаются, может быть, с тоской вздохнут о героике ушедшего. А для тех, для кого любая из этих страниц была жизнью? Для кого она слагалась из минут томительного лежания в снегу, в стылом окопе перед атакой? Для кого она тянулась мучительными госпитальными беспомощностями?

«Испытанное не меряется возрастом», — утверждает писатель. Он считает своим предназначением не пересказывать пройденное, но раскрывать его. Причем воплощать советский характер в житейских судьбах, в самозабвенном служении долгу тех, чья жизнь во многом лишь начинается. Вот капитан Смирнов, соперник главного героя в любви к Наташе. В дни обороны столицы Смирнова, будучи секретарем райкома комсомола, «раскусил» героя: стремясь скорее получить комсомольский билет, тот соврал, что добровольцем уходит в партизанский отряд. Смирнов не спешит предавать случай огласке, он верит в юношу, и эта вера поднимает того до подвига (роман «Повторение пройденного»). Высокой жертвенностью, готовностью к любым испытаниям во имя победы отмечены влюбленные — Варя и Слава (повесть «Речка Воря»). Неукро-

пимой силы духа исполнен подвиг партизанской связной Таси, что сотни километров прошла по тылам противника, будучи на сносях (повесть «Тася»).

Судьбы баруздинских героев суровы и трагичны. Через муки и страдания, через потерю близких и родных, через невыносимые испытания проходят они, чтобы открыть для себя заново слова: Родина, отчая земля, друг, любимый... Порой у читателя может закрасться сомнение: не стусил ли автор краски? Но тут ровное течение пластичной и выразительной прозы Сергея Баруздина, прозы поэта, вдруг перебегают три-четыре протокольно-жесткие строки из донесения, из справки архива, из письма — и все становится на свои места. Нет, не стусил красок, не изменил правде жизни. У этой прозы есть еще одно неоспоримое достоинство: она достоверна. Да, это не повторение пройденного. Это открытие пройденного. Пройденного страной и ее художником.

Леонид ХАНБЕКОВ

ИСТОРИЯ

Слава России

«Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота)», — писал А. Н. Радищев. Михаил Илларионович Кутузов принадлежит к тем «богатырям» русским, которых нарекает Родина и ее народ столь высоким именем — сын Отечества. Книга П. А. Жилина «Кутузов» (Воениздат, 1978 г.) о жизни и полководческой деятельности человека, прославившего свое Отечество. Наша история богата событиями, не раз приходилось отстаивать свою независимость многогосударственному русскому народу, который из всех сражений выходил победителем, помогая и другим народам избавиться от порабощения. Полководцы, которые в столь тяжелые для Родины дни вставали во главе армии, нередко своими талантливыми действиями, поддержанными патриотизмом народа, способствовали успеху и победе. Народ, а затем историки и писатели безотносительно к их происхождению звали их народными полководцами. Что касается М. И. Кутузова, то наиболее ярко сказал об этом В. Г. Белинский, слова которого выбраны автором для эпиграфа к книге: «...этот человек есть не частное явление, а один из выразителей сущности народной жизни, один из представителей нравственного могущества своего народа...». История складывается из взаимодействия в обществе народных масс и великих личностей, которые в силу своих субъективных качеств и талантов понимают и видят направление движения масс и следуют с ними, осуществляя их желания наиболее правильным образом, при этом проявляя инициативность, ум, целеустремленность. Именно с таких позиций рассматривает автор личность своего героя. Он описывает весь жизненный и военный путь полководца от командира роты до главнокомандующего русской армией, причем прошедшего через школу шести военных кампаний, побывавше-

го и дипломатом, и военным губернатором, и педагогом. Но, безусловно, при имени «Кутузов» сразу же возникает у нас ассоциация с войной 1812 года, сразу приходит на ум забавная рифмовка, сочиненная русскими солдатами, которая знакома нам с юности по роману Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Приехал Кутузов бить французов». Автор вводит нас в «кухню» кутузовской мысли, описывает и разъясняет смысл его стратегии и тактики.

Монография привлечет внимание и историка. Автор с профессиональным мастерством обращается с источниками и литературой, вопросы, подвергшиеся дискуссии в литературе, решает, подтверждая выводы данными документов, многие из которых, кроме того, еще не публиковались. Многолетняя изыскательская и исследовательская работа П. А. Жилина в архивах, библиотеках, посещение им мест как в нашей стране, так и за рубежом, где сражались русские войска под командованием М. И. Кутузова, стоят за интереснейшими выдержками из дневниковых записей, приказов, документов, личных писем, которые мы находим на страницах монографии. Что же до военной истории, то ей посвящена вся книга, притом не только военной практике, но и военной теории. Глава, касающаяся разработки этой проблемы, так и называется «Военный теоретик», где рассматриваются взгляды Кутузова на связь войны и политики, на роль народных масс в войне, на моральный дух народа и армии и его значение, а также чисто специфические военные вопросы. Думается, что описание преемственности кутузовских традиций в теории и практике Советских Вооруженных Сил — также наиболее интересные страницы в книге. Таким образом, можно сказать, что появление книги П. А. Жилина — это значительное событие и для интересующихся историей читателей, в частности военной, и для историков, и для дела патриотического воспитания молодежи.

Марина НИКОЛАЕВСКАЯ

ПОЭЗИЯ

С любовью и болью...

Приходит время зрелости, и каждый истинный поэт задумывается о том, что значит для него Родина — и в широком смысле, как страна, и в малом, как родная деревня, или березовая роща, или тихая улица маленького провинциального городка, где прошло детство...

Об этом, о главном задумывается и Вадим Кузнецов в своей новой книге «Нежность» («Современник», 1978 г.). Книга тематически разнообразна и одновременно цельна в своем мироощущении. Причем цельность ее наиболее характерно и масштабно выражена, на мой взгляд, в несомненной удаче поэта — в его поэме «Возвращение».

В центре поэмы — жизнь дяди Кости, крестьянина и солдата, отца трех сыновей — сюжет вроде бы русской народной сказки, но на деле сказка эта — сама жизнь.

Отец отаеовал, наглядился в лицо смерти, а сыновья, выросшие в тяжелое послевоенное время, избирают себе судьбу сами и не всегда по воле отца.

Старший убегает «от нужды и от навоза, обедневшего колхоза, к рыболовным кораблям, к длинным северным рублям».

Средний ищет легкой жизни в своей деревне, меняя достоинство человека, живущего землей и работой, на пьянку, на соблазны легкой и пустой жизни, и только младший продолжает судьбу и дело отца.

Поэма Вадима Кузнецова — наверное, пока что наибольшая его удача. Много в ней живых и страстных размышлений о жизнестойкости русского народного характера, об ответственности простого человека, рядового крестьянина за жизнь на земле. В ней есть немало высоких лирических размышлений, из которых ясно, откуда и как возникает в человеческой душе любовь к Родине. Есть в ней и нелюбезный разговор с людьми, которые этого никогда не понимали и не поймут, которые все разговоры о тяжести и сложности народной жизни ведут с холодным сердцем и своим эгоистическим расчетом.

*Но вы никогда не поймете,
твердая о народной крови,
что Русь проросла на работе,
на вере, на вечной любви...*

Младший сын взрослеет и понимает в конце концов правоту отца, оставившего его своей волей в родном краю, чтобы не скудел и не обезумел он, чтоб продолжалась жизнь там, где она началась столетия тому назад, чтобы поэт мог прийти в эти места и, узрев сердцем величие, неяркость и глубину человеческого подвига, сказать с предельной искренностью:

*Ромашки, ограды косые,
красива по низким местам...
Державную поступь России
сверяю по верным сердцам...*

Станислав КУНЯЕВ

ДЕТЯМ И О НИХ

Призыв к гуманизму

В серии «Тебе в дорогу, романтик» («Молодая гвардия», 1978 г.) вышел сборник рассказов о жизни подростков в капиталистических странах. Выдающиеся американские и английские писатели XX века У. Фолкнер, Дж. Сэллинджер, Т. Капоте, К. Воннегут, Дж. Олдридж, А. Силлитутин и другие с подлинно художественной достоверностью раскрывают драму юного человека, когда о несправедливость и неравенство буржуазного общества безжалостно разбивается прекрасная, неповторимая сказка детства. Сказка, как правило, оказывается с печальным концом: вопреки фольклорным традициям всех племен и народов силы добра не могут победить жестокость, алчность мира собственности.

Силы-то слабые, детские. Заслуга современных прогрессивных писателей Запада в том и состоит, что они встали на защиту подростка, его такого непосредственного, на-

сыщенного добротой, обостренной чуткостью, легкой ранимостью духовного мира.

Поскольку книга рассчитана прежде всего на молодого советского читателя, составительница Лилия Беляя и редактор Галина Калашникова, komponуя ее, преследовали двойную цель: рассказать нашей молодежи о жизни их сверстников в неведомом мире и познакомить нашего читателя с талантливой прозой писателей Америки и Англии.

Мальчику из сиротского приюта (рассказ Марджори Киннан Роллингс «Моя мать живет в Манвилле»), работающему, наделенному, прямо скажем, редким даром — глубоким чувством собственного достоинства, страстно надеющемуся на привязанность взрослого, было протянувшего ему руку, чтобы не унизить себя жалостью, остается одно — вымысленный мир, в котором он любим и нужен, но... безгранично одинок. Тема одиночества и в рассказе Карсон Маккалерс «Простофиля», но к финалу его герой приходит ожесточившимся, что само по себе противостоит детскому приходу. Переключается с этими «американскими» рассказами, как бы продолжая их, и рассказ английского писателя Сида Чаплина «Загородные ребята». Они чуть старше, обеспеченнее, эти подростки, но чувствуют, что в детстве их также окружали равнодушные, жестокость и нравственный вакуум. С таким же багажом вступают в мир ребята и, разумеется, находят себе по душе только одно «дело» — гонять на мотоциклах, наводя ужас на окружающих. Они тоже одиночки...

Чего не хватает подросткам, живущим в самых богатых странах капиталистического мира, — возможности учиться или работать, хлеба, крыши над головой? Да. Это страшно. И у нас и наших детей это, что называется, не укладывается в голове. Но страшнее другая беда: они жаждут любви, простого человеческого участия — и не находят его.

Один из самых выразительных, самых запоминающихся рассказов сборника — «Полный поворот кругом» Уильяма Фолкнера. Страшная трагедия войны, неизбежного порождения капитализма, не просто обрывает детство, она ставит мальчиков в строй взрослых солдат, она закаляет их, она их и убивает. Бесстрашно и буднично, каждый день выходят они, явны смертники, в море на крохотном, беззащитном торпедном катере на поиски вражеских судов — речь идет о первой мировой войне — и топят их, и попутно забавляются детской игрой «в бобра», и искренне радуются, выиграв очко у приятеля. И... погибают. Американский летчик, сам человек исключительной храбрости, оценивший этот поразительный героизм, зная об их гибели, проклинает войну, проклинает тех, кто шлет на смерть совсем юных...

И все же молодость не поддается своей трагической судьбе, казалось бы, предопределенной окружающим обществом. Молодежь тянется к самостоятельному труду, созиданию, душевному теплу, истине и справедливости, она начинает прозревать, мужает, готовится к борьбе. Оптимизмом, верой в светлые идеалы пронизаны рассказы Алана Силлитутин, Билла Ноутона, Дилана Томаса, Джеймса Олдриджа.

Ценность сборника «Жажда человечности» (очень точное по сути название) еще и в том, что он вышел в преддверии Международного года ребенка, когда прогрессивное человечество еще раз обращает всеобщее внимание на самые страшные язвы капиталистического строя. Он воспринимается как призыв к гуманизму, к борьбе за Человека.

Валентина МИХАЙЛОВА

КРАСНЫЕ ПАРУСА НАД ТЕНГИЗОМ

В своей книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев, вспоминая о фронтовых встречах, писал:

«Услышав, бывало, мелодичную и печальную песню казаха, подойдешь, спросишь:

— О чем поешь?

— Про степь пою. Про табун пою.

Девушку вспомнил...

— О девушке можно тосковать. О доме тоже. А степь... Чем она хуже, эта вот украинская степь?

— Не хуже. Только наша—совсем другая степь...»

Ровные, как стол—ни бугорка, ни ложбинки,—разбегаются от Целинограда во все стороны степи. Разбегаются и у самого горизонта сливаются с синью неба. Лишь иногда их бег прерывает вода. У воды степи отдыхают. А с противоположного берега снова бросаются навстречу небу.

Но есть в этих целинных краях места, где степи останавливаются и подолгу любуются своей красотой в громадных бескрайних зеркалах. И зовут эти диковинные стекла озерами—Кургальджинскими и Тенгизом.

Не всякая птица перемахнет их без отдыха. Местами вода сходится с небом. Протоки, плесы, заросли камышей—и великое множество птиц. Вероятно, за прекрасные условия для их жизни и назвали эти озера «птичьим раем».

А точнее, рай наступил с того момента, как организовали в этих местах Кургальджинский заповедник.

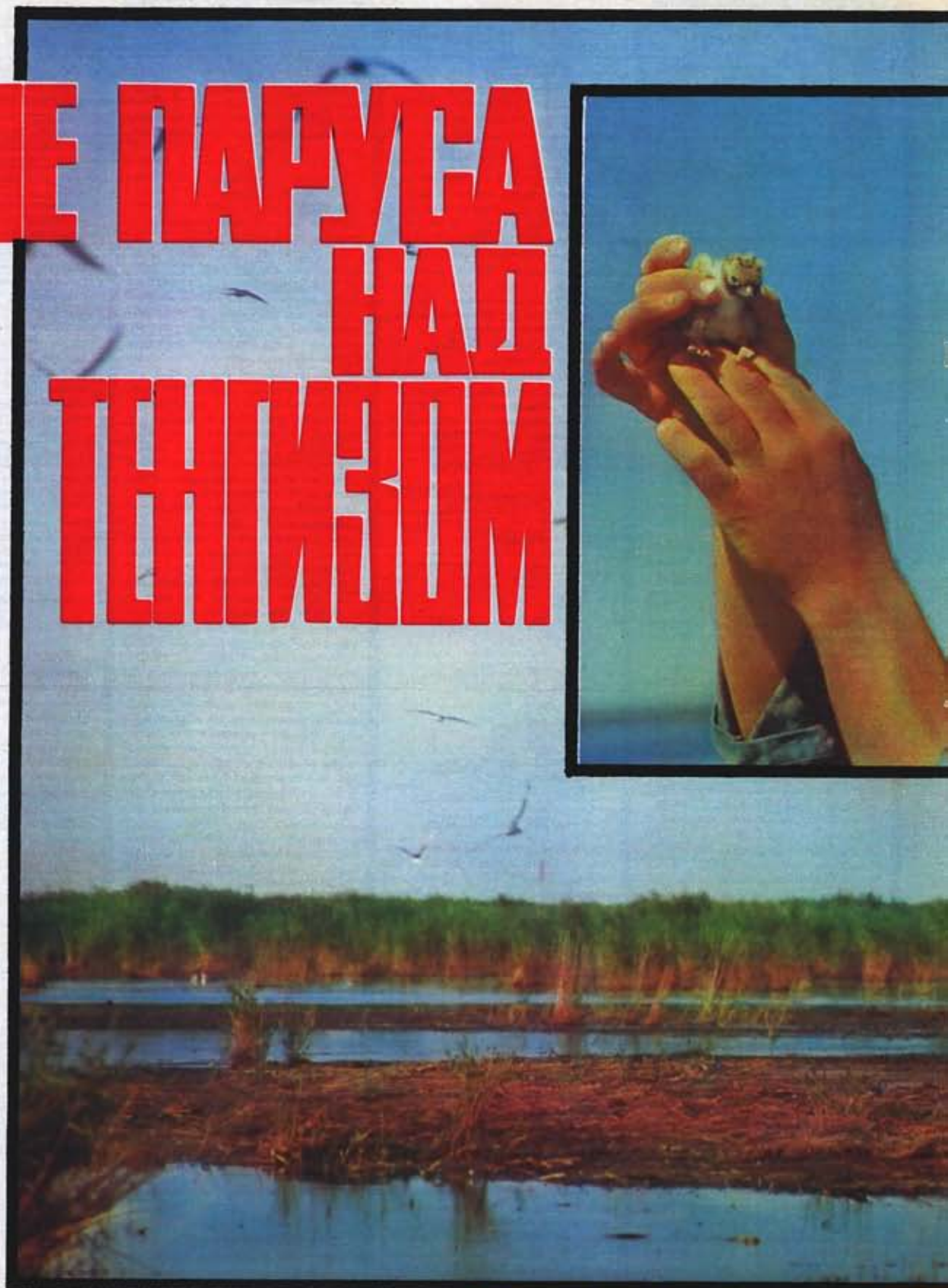
Произошло это в 1968 году, когда целинные колхозы и совхозы, набрав силу, покоряли новые глубинные районы степей. На берегах озер выросли поселки. Но не забывали люди и о природе. И сохранили Тенгиз и Кургальджинские озера и прилегающие к ним сухие степи нетронутыми. Образовали заповедник. Он стал эталоном дикой природы Северного Казахстана.

Конечно, без внимания ученых не остается в заповеднике ни один зверь, ни одна птица. Не обделены заботой ни насекомые, ни растения, ни рыбы. Но, пожалуй, не покривим душой, если скажем, что все-таки наиболее почетный обитатель в этих местах—фламинго. Озеро Тенгиз—самая северная на земле точка, где продолжают свой род эти экзотические птицы.

Не надо вспоминать, сравнивать, просматривать орнитологические определители—в природе птиц, похожих на фламинго, нет. Кто-то из натуралистов сказал, что фламинго среди птиц—это то, что верблюд среди четвероногих. У него тоже нет двойников. Может быть, фламинго создавали волшебники-бракоделы. Не исключено, что в их кладовой ничего не осталось, кроме шеи гуся, ног цапли, клюва орла, спины верблюда. Все это собрали и склеили. Диковинная получилась птица. Посмотрели на нее волшебники—жалко стало. И решили тут же исправить свою ошибку—наградили фламинго очень редкой ярко-красной окраской.

В конце апреля над Кургальджинским заповедником повисают пурпурные облака. На Тенгиз прибыли фламинго. На илстых островах они строят гнезда. Сооружения получаются непростые—до полуметра высотой. Через месяц с небольшим в колонии появляются малыши. Мамаши не балуют их своим вниманием и заботами. Покормив птенцов день-другой, они улетают. Бремя воспитания потомства ложится на мужскую половину колонии. Отцы должны их выпестовать, вырастить, научить уму-разуму. Птенцы фламинго совершенно не похожи на родителей: прямой клюв, грязно-серый цвет. Старики на их фоне горят яркими факелами. За это-то необычное одеяние их и нарекли словом «фламо», что в переводе с греческого значит «огонь».

До поздней осени поднимаются над Тенгизом красные паруса. А перед тем, как замерзнуть озеру, проносятся по небу огненные стрелы—фламинго отправляются зимовать на юг Каспия. Находятся среди них и любители более дальних перелетов, которые проводят зиму в

Африке. Некоторых же вообще встречают в местах, удаленных от миграционных путей, от гнездовых и от зимовок. Недавно такого путешественника видели в Латвии.

В период строительства гнезд, высидывания и воспитания потомства люди в колонии фламинго не появляются. Птицы очень пугливы. Даже единственный визит может наделать беды. Поднимутся тогда над островами грозные тучи птиц, и больше не вернуться они к своим домам и потомству.

Идет время. Подрастают птенцы. Начинают линять родители. Тогда-то и приезжают на Тенгиз сотрудники заповедника. Люди не только наблюдают за фламинго, но и кольцуют их. Линную птицу поймать несложно. Фламинго долго бегут от преследователей по мелководью, машут крыльями, а когда лодка с людьми совсем близко, пускаются «на хитрость»: останавливаются и прячут головы в воде. Вероятно, считают, что так их никто не увидит. Тут и берут пылающих птиц в руки и кольцуют.

Для многих водоплавающих птиц Казахстана, Западной и Восточной Сибири Кургальджинский заповедник—место, куда они прилетают на линьку. Это нелегкий период в их жизни. Птицы

**ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ПТЕНЦОВ РОЖДАЮТСЯ
ЕЖЕГОДНО В ЗАПОВЕДНИКЕ.**

лишены маховых перьев и даже взлететь не могут. Вот и приходится им выбирать самые глухие, безопасные места, где их ничто не тревожит, и дожидаться, пока не вырастут новые перья. Из последних сил порой добираются сюда птицы. С некоторыми стаями гусей случается так, что они с трудом дотягивают до воды и, увидев ее, падают на озеро и уже не могут подняться, пока не перелиняю.

Издавна в этих местах ловили мамырей — линных птиц, набивая лодки утками, гусями, лебедями. Сейчас, конечно, никто не занимается этой варварской, беспощадной охотой. Лишь в руки ученых попадают линные птицы. На лапу мамырю надевают кольцо с номером и тут же отпускают на волю.

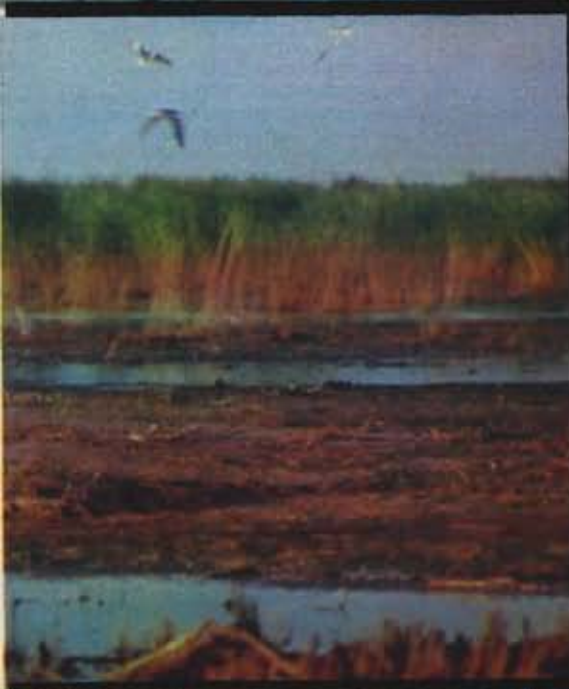
На воле жизнь кипит. С первыми лучами солнца просыпаются обитатели заповедника. А их здесь немало — только птиц более 200 видов. Есть и другие представители животного мира.

Вот подошли к водоему сайгаки, высоко в небе повисли тяжеловесы-пеликаны, на мелководье плещутся рыбы, на небольшом плесе резвится выводок уток. Из тростника донесся топот. Кто бы это мог так бежать по воде? Оказывается, лысухи от луны спасались. Они собрались в кучу и начали по воде крыльями хлопать. Над ними поднялся фонтан. Вот-вот схватит охотник жертву. Уже к броску приготовился. Но не тут-то было. Из-под носа луна лысуха увернулась, в воду нырнула. Снова надо набирать высоту, высматривать добычу и пробираться через фонтан, который очень мешает охоте.

Лысуха всю жизнь не расстается с водой. На

БОЛЕЕ 200 ВИДОВ ПТИЦ ЖИВЕТ В КУРГАЛЬДЖИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ, И КАЖДЫЙ ИЗ НИХ НАХОДИТСЯ ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ УЧЕНЫХ.

В «ПТИЧЬЕМ РАЮ» ПЕРНАТЫЕ ПРОХОДЯТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ОРНИТОЛОГИ МЕТЯТ ЛЕБЕДЕЙ ТАКИМИ ШИРОКИМИ ПЛАСТИКОВЫМИ КОЛЬЦАМИ, КОТОРЫЕ НАДЕВАЮТ НА ШЕЮ ПТИЦЕ.

КОЛЬЦУЮТ ПТИЦ В ПЕРИОД ЛИНЬКИ, КОГДА ИХ ЛЕГКО ПОЙМАТЬ.

берегу появляется редко и неохотно, хотя может неплохо ходить и даже бегать. Больше того, она природный акробат — свободно залезает на свисшие с берега ветви деревьев и кустарников и «шагает» по ним... Живут эти смоляные с белыми бляшками на лбу птицы группами там, где чистая вода соединяется с зарослями тростника. В нем они скрываются от врагов и строят гнезда.

Плавают и ныряют лысухи прекрасно. Летают тоже хорошо, но делают это неохотно и нечасто.

Под стать им и чомги. Они тоже очень редко поднимаются в воздух. Но два раза в год им приходится серьезно работать крыльями — добираться на зимовки и обратно. Чомги — отменные пловцы. Гребут они ногами поочередно, а когда ныряют, работают ими одновременно. Биологи выяснили рекорды глубинных погружений чомги. Они превышают девять метров.

В начале века мода на «птичьи меха» чуть было начисто не истребила некоторых птиц. Среди них оказались и чомги. Количество птиц — обладательниц красивых перьев — быстро сокращалось. Казалось, пройдет еще несколько лет, исчезнут навсегда не только чомги, но и большие и малые цапли и еще много нарядных птиц. К счастью, люди быстро поняли свою ошибку. Собралась Международная конференция, и был подписан договор, по которому прекратили уничтожать птиц на украшения.

И началась у чомги спокойная птичья жизнь. Врагов у нее немного — вороны да луны. Но и они досаждают больше яйцам и птенцам.

Вороны превзошли всех птиц в грабеже гнезд. На некоторые они нападают группами даже тогда, когда там сидят хозяева. Одна из разбойниц начинает дразнить будущего родителя, тот пристраивается, пытается ее прогнать, клонуть, а в это время из-под него другие воронки вытаскивают яйца и с добычей улетают.

А вот в колонии чаек воронам и другим разбойникам показываться просто небезопасно. Тут они получают такой отпор и трепку, что после этого стараются облетать стороной чайчье население.

В Кургальджинском заповеднике немало птиц, которые сами могут постоять за себя. К лебяжьей семье не посмеют сунуться пернатые хищники. Еще С. Т. Аксаков в своих «Записках охотника» писал: «Про силу лебедя рассказывают чудеса: говорят, что он ударом крыла убивает до смерти собаку, если она приблизится к нему, легко раненному, или бросится на его детей. Мне даже называли охотника, которому лебедь переломил руку таким же ударом крыла. Судя по его величине, крепости и силе мускулов, толщине и жесткости костей и перьев, этим рассказам поверить можно».

В заповеднике лебеди прекрасно себя чувствуют, постоянно увеличиваются здесь их семьи. Порой идешь по берегу и видишь белоснежные фрегаты. Нельзя сказать, чтобы лебеди очень боялись человека. Иной раз они совсем не реагируют на его появление, подпускают совсем близко и лишь тогда разбегаются по воде и взлетают.

С человеком им приходится знакомиться ближе в период линьки. Их в это время кольцуют. На лодке догоняют птицу, потерявшую способность летать, и набрасывают на нее сачок. Поднимают на борт — и на лапе захлопывается самое большое птичье кольцо с номером.

В последние годы орнитологи мира договорились метить лебедей новым способом. Птицам на шею надевают цветные широкие пластиковые кольца с номером. На озерах можно увидеть лебедей с такими необычными паспортами коричневого цвета. В бинокль с большого расстояния легко читается номер. В разных местах кольцуют их определенными по цвету «ошейниками». В Прибалтике они, например, голубые. Ученые считают, что такие кольца не мешают лебедям плавать, летать, добывать корм...

Кольцевание помогает ученым выяснить пути пролета птиц, время их миграций, места отдыха и многое другое. Без ошибок могут сказать и в Кургальджинском заповеднике, где зимуют его обитатели.

Многие утки, гуси, чайки предпочитают незамерзающие водоемы Средней Азии, побережье Каспийского моря. Там переживают холодные месяцы.

А весной, когда на озерах еще плавает лед, закружат над ними вместе с другими птицами утинье, гусинье, чайчье стаи. Курлыканьем, гоготаньем, криками, песнями разбудят они бескрайнюю степь.

У птиц начинаются весенние заботы. Скоро в гнездах закопошатся птенцы. Прибавятся десятки тысяч пернатых — коренные уроженцы Кургальджинского заповедника. Ведь все в их роду тоже родились в бескрайних целинных степях Казахстана — в птичьем раю.

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СМЕРТЕЛЬНО: НАРКОТИКИ!

«Мы выиграем сражение! — заявил министр юстиции Колумбии. — Только за последний квартал мы захватили 25 самолетов и 41 судно, которые пытались контрабандой вывезти из страны наркотики. Контроль усиливается»...

Колумбия стала в последние годы крупнейшим в мире поставщиком марихуаны, она производит и поставляет, к примеру, две трети марихуаны, выкуриваемой в США. Учитывая растущую волну протеста, колумбийское правительство вынесло постановление о решительных действиях против банд контрабандистов. Отлично организованные и ведущие жестокую конкурентную борьбу друг с другом, эти банды умело используют в своих целях тяжелое положение земледельцев, нищету и безработицу, толкающие людей на сотрудничество с преступниками. Торговцы наркотиками располагают армадой судов и самолетов, собственными пилотами, обученными совершать взлет и посадку в сложнейших условиях, практически на любой площадке, морьями, специалистами по электронной технике, наемными убийцами. Наркотики вывозятся самолетами с сотен тайных аэродромов, существующих на полуострове Гуахира. На военных картах в Колумбии отмечено 150 таких аэродромов, но, по признанию одного офицера, число их настолько велико, что армия вообще не пытается их подсчитать. Пилоты рискуют не только тем, что их может поймать полиция. Полуостров буквально усыпан остатками самолетов, которые были перегружены марихуаной и потерпели катастрофу в момент взлета. За четыре месяца, сообщает командующий войсками северных провинций генерал Вильяреаль, были обнаружены одиннадцать разбившихся самолетов и тела десятков контрабандистов. Местные рыбаки часто

наблюдают, как самолеты терпят катастрофу над морем и акулы разрывают на куски членов экипажей.

Воздушный транспорт — лишь одно из средств перевозки. Колумбия имеет сильно изрезанную 1300-километровую береговую линию, что облегчает погрузку марихуаны на траулеры, грузовые суда и большие (иногда краденые) яхты. Эти суда прослеживаются береговой охраной США по пути на север. Но американские власти часто бессильны, так как корабли не входят в территориальные воды и, кроме того, располагают современной электронной аппаратурой, позволяющей следить за судами береговой охраны. Контрабанда приняла гигантские масштабы: согласно подсчетам, количество производимой и вывозимой за год из Колумбии марихуаны колеблется в пределах 20—30 тысяч тонн. Это приносит боссам преступных организаций от 13 до 22 миллиардов долларов чистой прибыли.

По словам колумбийского министра юстиции, в 1978 году в стране было конфисковано 30 процентов всей произведенной марихуаны. Специалисты, однако, не столь оптимистичны. По их мнению, удалось изъять самое большее два процента наркотиков.

Министр внутренних дел Колумбии на пресс-конференции сообщил, что, по его мнению, в результате конкурентной борьбы банд ежедневно лишаются жизни в среднем три человека, а подготовленную к вывозу марихуану удавалось перехватить в подавляющем большинстве случаев лишь благодаря доносам конкурирующих банд. Операции колумбийской полиции оказались успешными лишь в очень незначительном числе случаев.

«ТАЙМ», США

«У НАС ДОМА — КИБЕР»

— Да-да, дорогой, я понимаю, что наступила эра роботов, но я никогда не позволю, чтобы мне на кухне помогал этот железный урод весом в двести килограммов, — заявила своему мужу жительница Чикаго Джейн Скоря.

Изобретатель Бено Скоря горестно покачал головой — этих женщин никогда не поймешь. Поведение их совершенно непредсказуемо. Ведь только недавно Джейн проси-

ла, чтобы он как-нибудь механизировал работу, которую она делает на кухне. И вот, пожалуйста, категорический отказ. А он так старался...

И пришлось изобретателю перепрограммировать свое громоздкое детище для выполнения более простой задачи — теперь Железный Робби по утрам прогуливает собачку.

«МАГАЗИН АЗ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ШИМПАНЗЕ ЗА ПУЛЬТОМ КОМПЬЮТЕРА

Десять лет прошло с того времени, когда американские психологи Аллан и Беатрис Гарднер провели интересные эксперименты, обучая молодую самку шимпанзе Уошо общению с людьми. Супруги Гарднер научили Уошо применять в таком общении многие жесты из условного языка глухонемых. В результате было впервые установлено, что шимпанзе способны воспринимать и передавать абстрактные понятия.

Вскоре после этого другим ученым удалось обучить обезьян своеобразному методу общения с людьми при помощи определенных символических изображений и объемных моделей из пластмассы, а также применять по назначению клавиши и кнопки компьютера. Опирируя этими клавишами, обезьяны могли вызывать на телеэкране появление предметов и понятий, которые можно было соединять в отдельные несложные фразы. Фразами в собственном смысле их, конечно, можно было назвать только условно. Следует, однако, отметить, что при этих опытах такое взаимопонимание возникало только между животным и тем человеком, который постоянно «сотрудничал» с этим животным.

Недавно было установлено, что обезьяны способны общаться, используя символы, не только с человеком, но и друг с другом. Для экспериментов были использованы два шимпанзе — Шерман (четыре с половиной года) и Остин (три с половиной года). Обезьяны легко научились пользоваться клавишами компьютера и в первую очередь освоили символы различных лакомств — фруктов, сладостей, орехов и прочего, а потом изучили и менее интересные для обезьяньего племени виды корма.

В новом эксперименте одному из шимпанзе было показано, что определенное лакомство спрятано в ящик, и он должен был при помощи нажатия соответствующих клавиш сообщить другому шимпанзе, что именно находится в ящике. Задачей другого шимпанзе было попросить ученого, проводящего опыт, дать ему спрятанное в ящике лакомство, о котором ему предварительно сообщил его товарищ. Только правильное нажатие на клавиши могло привести обезьян к желаемому результату. Когда же, однако, они ошибались, то, естественно, не получали ничего, но тогда на экране появлялось изображение содержимого ящика. Обезьянам как бы давали понять, что они «плохо работают». Через некоторое время обезьяны научились активно общаться между собой, используя компьютер.

Во время другого опыта Остин получил банан, а Шерман, находившийся в соседнем помещении, видел через стекло своего довольного «коллегу» и начал тоже требовать банан, весьма разумно используя компьютер. Остин прекрасно понял, что следует поделиться, но выдал ложную информацию, и ученым пришлось немало повозиться с ним, пока он не уразумел, что жадность и эгоизм люди положительными качествами не считают...

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Существовал ли Вильгельм Телль?

Вот уже более десяти лет в швейцарской деревне Бюрглен работает необычный музей. В старинной крепостной башне хранятся картины, скульптуры, книги, медали, почтовые марки, сувениры, посвященные легендарному герою швейцарской истории Вильгельму Теллю.

Легенда, как известно, повествует, что в XIV веке жителя деревни Бюрглен, что в кантоне Ури, меткого стрелка Вильгельма Телля фогт Геслер заставил сбить стрелой яблоко с головы маленького сына. Телль выполнил жестокое требование, но затем подстерег фогта и поразил его стрелой. Это послужило сигналом к народному восстанию против ненавистных Габсбургов.

Художники обычно изображают Вильгельма Телля с арбалетом на плече. За руку отца держится мальчик. Один скульптор изобразил легендарного героя... с девочкой, ссылаясь на то, что старинная хроника 1470 года упоминает просто о «красивом дитяти». Так что это могли быть и мальчик и девочка...

А существовал ли на самом деле Вильгельм Телль? Историки расходятся во мнениях. Впрочем, музей Вильгельма Телля вовсе не собирается доказывать реальность того, чье имя он носит. Да и зачем доказывать очевидное? Даже если это и легенда, то дело от этого не меняется: в Швейцарии масса гостиниц, сувенирных магазинов, кафе, кабаков носит имя национального героя, и переименовывать их никто не собирается, если даже и будет доказано, что никакого Телля никогда на свете не было. Швейцарцы все равно никаким доказательствам не поверят, ведь в Альтдорфе, на том месте, где Вильгельм Телль, как гласит предание, сбил из арбалета яблоко с головы сына, ему поставлен памятник. Памятник же остается памятником, поставлен ли он историческому лицу, герою легенды или персонажу литературного произведения...

В честь меткого выстрела легендарного героя владелец одного из ресторанов в Люцерне каждый вечер устраивает для своих гостей соревнования по стрельбе, посвященные Вильгельму Теллю. Каждый, кто попадает из игрушечного арбалета в «яблочко», получает орден Волшебного Стрелка и право бесплатно пообедать на следующий день в этом ресторане.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Сверхзвуковой корабль

Со сверхзвуковой скоростью летают самолеты, но корабли? Такого еще не бывало. И вот теперь именно на корабле хочет превзойти скорость звука американец Ли Тейлор по прозвищу «Охотник за рекордами». Он построил судно длиной в пять метров и массой в две тонны, имеющее реактивный мотор мощностью 56 тысяч лошадиных сил. Во время движения будут касаться воды только боковые плавники судна.

Все функции управления двигателем на разных режимах, тормозными парашютами и контроль за состоянием физиологических функций водителя будет осуществлять электронно-вычислительная машина. Водитель будет лишь устанавливать направление движения. Как сообщают, Тейлор приступил к тренировкам на одном из озер штата Айова.

«ХОББИ», ФРГ

Дельфины-спасатели

В один из дней сотрудники новозеландской рыболовной инспекции заметили приближающуюся с большой скоростью группу китов. Зная о проблеме так называемых «самоубийств китов», сотрудники инспекции предположили, что гиганты мчатся к берегу с целью самоуничтожения. Катера инспекции попытались остановить китов, однако заставить их повернуть обратно не удалось — вскоре уже несколько животных бились на прибрежных камнях.

В этот момент работники инспекции увидели шесть дельфинов. Они появились внезапно и, словно желая помочь людям, помчались наперерез китам и стали направлять огромных животных в сторону от рифов. Стадо китов распалось, многие последовали за дельфинами. Как удалось

подсчитать, дельфины отвели обратно на глубокую воду сорок китов...

Случай весьма заинтересовал ученых. Полагают, что, спасая животных или людей (а известно множество таких примеров), дельфины следуют своему специфическому инстинкту: когда видят под водой тонущее тело, подплывают и поднимают его на поверхность. Это, как утверждают, проявление родительского инстинкта, так как дельфины своих малышей рожают под водой и на спинах поддерживают на поверхности. По-видимому, многочисленные случаи спасения дельфинами животных и людей обусловлены именно этим инстинктом.

«ОРСАГ ВИЛАГ»,
ВЕНГРИЯ

ВЕЛИКОМУ ЧАРЛИ

Памятник Чарли Чаплину будет установлен в Лондоне, в районе Саутворк, где великий комик родился в 1889 году. Скульптура, автором которой является Джон Дабледи, представляет Чаплина таким, каким он был в знаменитых фильмах первого периода своей карьеры: в котелке, больших башмаках и с тросточкой...

«КОБЕТА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША

В ДРЕЙФЕ ПО ГОЛЬФСТРИМУ

Тридцать один день провела в необычном плавании построенная в Швейцарии научно-исследовательская подводная лодка «Бенджамен Франклин». На глубине около 600 метров она дрейфовала в теплых водах течения Гольфстрим к северу.

Цель этого подводного путешествия, которое началось у берегов Флориды и завершилось у полуострова Новая Шотландия в Канаде, обычными биологическими, гидрологическими и океанографическими наблюдениями не ограничивалась. Была поставлена задача: определить оптимальную морскую трассу на этом маршруте.

Дрейф «Бенджамена Франклина» проходил быстрее, чем рассчитывали первоначально, так как скорость Гольфстрима оказалась выше предполагаемой. Данные, собранные в ходе рейса, были использованы в пробном плавании флотилии, сформированной из шести больших танкеров. Танкеры учитывали скорость течения — приблизительно 6 узлов (10,8 км/час). Коррекция местонахождения судов, необходимая для удержания их «в рамках» течения (ширина — около 50 километров), проводилась с помощью спутников. Результат исследования: открыта новая морская трасса, более экономичная, чем прежние.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

Чтобы шофер не уснул за рулем...

Автомобилист, который впервые едет по автострате Париж — Страсбург, наверняка подивится необычным пестрым объектам, установленным вдоль дороги на наиболее однообразных ее отрезках.

Сделано это, разумеется, не случайно. Доказано, что одной из главных причин дорожных катастроф является невнимательность, вызванная монотонностью пути: бесконечные километры при неизменной скорости и без каких-либо задерживающих взгляд объектов... «Сюрпризы», которые приготовлены на 30-километровом участке между Шалом и Менеулем, призваны повысить внимание водителей. Компания, которая строила шоссе, пригласила консультантов — архитекторов, художников, психологов. Задача была сформулирована так: оживить дорогу. Предложенное решение — ярко раскрашенные столбы, «тотемы», цветные ограды, стены...

Цвета подобраны тоже не наобум — теплые красные тона извещают об изменении направления или о населенном пункте, зеленые и синие должны успокаивать взгляд, но не приводить к дремоте. Цветные кулаки, контрастируя с бежущей серой лентой автостраты, с ритмично мелькающими белыми линиями, противодействуют вялости и сонливости.

«ТЕЛЕГРАФ СЭНДИ МЭГАЗИН»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ЭВМ помогает скульптору

Когда изобрели фотографию, многие были убеждены, что пришел конец изобразительному искусству. Но опасения оказались напрасными — и живописцы и графики продолжают свою работу, хотя за прошедшие сто сорок лет своего существования фотографии в некоторых жанрах вплотную примкнула к изобразительному искусству.

Недавно история вновь повторилась, но уже в новом варианте — американский изобретатель Пол Ди-Маттео создал систему воспроизведения предметов, которую он назвал фотоскульптурой. Комплекс съемочных камер в течение нескольких секунд фиксирует из разных положений размеры и форму «позирующего» объекта, а затем полученные данные в цифровой форме передаются электронно-вычислительной машине. ЭВМ, в свою очередь, включает двадцать фрез. Через короткое время из слитка бронзы или другого материала получается точный «портрет», причем масштаб полученного объемного изображения может быть произвольным. Любопытно, что изобретением Ди-Маттео заинтересовались не только скульпторы, но и инженеры — специалисты по холодной обработке металлов. Фотоскульптура оказалась весьма удобным устройством для точного и быстрого изготовления по объемному шаблону деталей очень сложной формы, которые обычными методами обработать очень трудно. Во всяком случае, ясно и то, что фотоскульптура традиционной скульптуры не заменит, как фотография не заменила живописи.

«ТЕМПО», ИТАЛИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ЧТО ЗАПИШЕТСЯ В ИСТОРИЮ

ЛЮБИ ИСКУССТВО...

Девятая выставка Товарищества передвижников открывалась 1 марта 1881 года. Накануне, по обычаю, пригласили газетчиков; руководители Товарищества водили их по залам с гордостью. Выставка удалась как нельзя лучше. Пришел к передвижникам Суриков с «Утром стрелецкой

казни», Репин прислал «Вечорницы» и портрет Писемского, Васнецов — «Аленушку», Владимир Маковский — «Крах банка». В отдельной комнате стояла большая картина Николая Ярошенко «У Литовского замка»: молодая женщина в черном платье напряженно всматривается в крохотные оконца Литовского замка — петербургской тюрьмы для «политических». Газетчики топтались перед ней стайкой, оглядывались и опасались говорить громко. В картине все

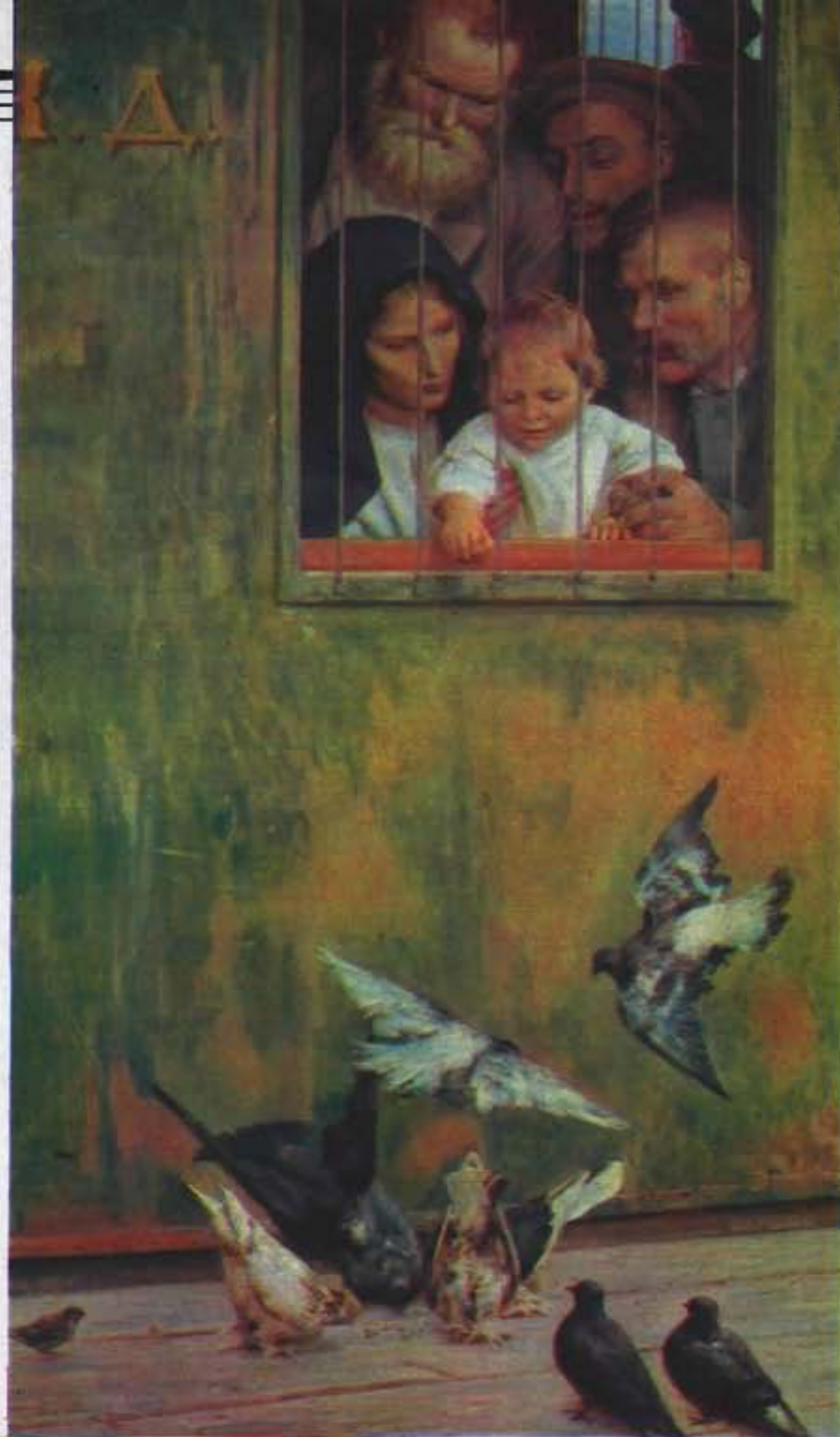

КОЧЕГАР.

ВСЮДУ ЖИЗНЬ.

КУРИСТКА.

было смело: и замысел и новый в русском искусстве герой — героиня — женщина-революционерка, убежденная, отважная, беззаветно преданная благородному делу. Газетчики тут же окрестили ярошенковскую героиню «террористкой»; кто-то произнес шепотом имя: «Засулич»...

В 1878 году Вера Засулич выстрелила в петербургского градоначальника, приказавшего наказать розгами политического заключенного. «Я решилась, — говорила она на суде, — хотя ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью». Знаменательно, что именно она решилась — женщина. К тому времени женщины в русском революционном движении играли заметную роль. Фотографии революционерок ходили по рукам, им посвящали стихи, их называли «святыми». Этюды и наброски позволяют датировать замысел картины «У Литовского замка» 1878 годом.

Газета «Новое время» написала, что сюжет ярошенковского полотна «несколько запоздал». Но Ярошенко искал сюжет и настроение картины не в воспоминаниях, а в современных ему общественных событиях. Три года после выстрела Засулич — время самоотверженной борьбы революционе-

ров-народников; время покушений, взрывов, выстрелов; время суда над произволом, взятого на себя группой борцов. Замечание о запоздалом сюжете появилось на газетной полосе в день открытия Девятой передвижной—1 марта 1881 года. В тот самый час, когда первые посетители вошли в залы выставки, Софья Перовская взмахнула платком, и грянул взрыв на Екатерининском канале...

Ярошенко был кадровый военный: инженер, артиллерийский полковник. Шеф артиллерии, великий князь Михаил Николаевич приказал выяснить политические взгляды полковника Ярошенко. Во время беседы Ярошенко спросили, почему он писал Засулич и Перовскую.

— Ни ту, ни другую я не писал,—отвечал художник.— Не писал, потому что не видел их. А если бы я был знаком, то, наверно, написал бы, ведь это такие личности, на которые нельзя не обратить внимания. Я считаю, что в искусстве нечестно писать образа человека неверующему, потому, любя искусство, я не могу писать то, что меня не трогает.

Так, «от противного», Ярошенко дал понять, что его трогает, открыл, какие «образы» пишет и готов писать, веруя. В этой беседе он коротко и точно определил свою творческую позицию: запечатлевать на холсте то, мимо чего сегодня равнодушно пройти нельзя и что завтра запишется в историю.

Стасов писал о Ярошенко: «Этого художника можно назвать по преимуществу портретистом современного молодого поколения, которого натуру, жизнь и характер он глубоко понимает, схватывает и передает».

В написанном Ярошенко «Студенте»—серьезном молодом человеке с бледным лицом, обросшим рыжеватой бородкой, с длинными волосами, выбившимися из-под широкополой шляпы, с его слишком поношенным пальто, с этим накинутым на плечи пледом (в официальной печати тогда неодобрительно писали о пледе, заменившем студентам мундир, и требовали ношения учащимися единообразной формы) и зрители и рецензенты тотчас узнали «неимущего студента». Более того, в этом решительном, собранном, сжатом, будто дружина, молодом человеке, готовом мгновенно распрямиться, они тотчас узнали «деятеля крамолы». Что-то нацеленное есть в его острых глазах, прямо и смело встречающих взгляд зрителя, в его руках—одна в кармане, другая под пальто на груди,—во всей внутренней его напряженности, сжатости. Как много высказал его взгляд—и непреклонное желание уберечь свое «я» от деспотического и обывательского посягательства тех, кто не разделяет его целей, и ненависть к обществу, которое он не может и не желает принять, и эту на все готовность: он словно сквозь прищелканный (кто знает, что у него в руках: кисет, помятая тетрадка с конспектом, мелочишка какая-нибудь, вываленный в табак пятак и двугривенный или револьвер, кинжал, самоделька, начиненная динамитом). А позади серая, пропитанная сыростью каменная стена—дома ли, острога ли, проходного ли двора, которым по сигналу тревоги уходят с конспиративной квартиры: выразительный и словно сросшийся с ярошенковскими героями (не просто героями картин, но подлинными героями, написанными Ярошенко) символ самодержавной российской столицы. Молодой человек стоит спиной к стене, назад пути нет, только вперед—ударом, выстрелом, взрывом...

В одной этой фигуре—в ярошенковском «Студенте»—полнее, глубже вы-

казалось время, чем в иных переполненных персонажами полотнах с занимательным сюжетом, так же, как глубоко и полно говорило оно о себе в одной из самых известных картин Ярошенко, «Курсистке»: девушка в темном платье, пледе и круглой «курсистской» шапочке без полей, с книжками под мышкой бодро и радостно шагает по сырой, промозглой петербургской улице.

Знаменательна ярость, с какой в печати набросились на «Курсистку» те самые господа, которые сочиняли решительные, грубые, лживые статьи с требованиями не допускать равноправия женщин, разогнать курсы и классы, покончить с «развратом» женского образования. «Этюд бегущей во все лопатки, под вечер, по улице, отпавшей антипатичной девицы, судя по типу, спешившей на известный промысел...»—вот образец отзыва, автор которого вынужден был, однако, признать огромный успех картины у публики.

Борьба вокруг «Курсистки» была продолжением борьбы вокруг курсисток, продолжением общественной борьбы. Писатель Глеб Успенский заметил, что зрители возле полотна Ярошенко много говорят не о работе художника, а «о современной жизни». «Курсистка»—это борьба передовых русских людей за лучшее общественное устройство, безвозмездные лекции Менделеева, Бородина, Сеченова на женских курсах, это легендарно строгий профессор анатомии Грубер, покоренный любознательностью и трудолюбием юных слушательниц (есть рисунок Ярошенко—«Экзамен курсисток у Грубера»). «Курсистка»—это борьба сотен юных девушек, воспитанием, казалось бы, не подготовленных ни к этой беспощадной борьбе, ни вообще к самостоятельной жизни, со «взглядами общества», предрассудками семейств, с собственным воспитанием и привычками; утверждение себя вопреки административным мерам, сплетням и клевете. «Курсистка»—девушка, бодро шагающая среди каменных стен,—это спор молодого со старым и победа молодого.

«Старый» и «молодой»—в ту пору принятое обозначение: не возраста, а направления взглядов, убеждений, настроения души. Ярошенко безоговорочно держал в споре сторону «молодого». И не в том дело, что в жизни он был постоянно окружен молодежью, и не в том, что на холстах его жила молодежь: главное, что Ярошенко не снисходительно приветствующий молодое «старый», что он сам «молодой». Художник Нестеров писал, вспоминая популярность Ярошенко: «В рассказах о нем было много того, что могло действовать обаятельно на идущего идеалом русского юношу». В этих словах—и «молодость» Ярошенко и заслуженное им право быть идеалом для молодых.

ПОРТРЕТЫ СОСЛОВИЙ

Замыслы Ярошенко по большей части воплощались в одной фигуре, в которой, как говаривал Крамской, есть «начало и конец». В этом Ярошенко близок своему учителю и другу Крамскому. Крамской объяснял, что в отличие от художников, воспроизводящих сцены жизни, он склонен передавать жизненные впечатления с помощью символа, «иероглифа». Расматривая чужие работы, Крамской мысленно сужал число действующих лиц и тем самым возлагал на плечи

каждого из оставшихся предельно большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Про «Приезд гувернантки» Перова он говорил: «Как бы это было хорошо, если бы было только две фигуры: гувернантка и хозяин...» Ему бы, конечно, больше не понадобилось, он, возможно, и одной бы фигурой обошелся: написал гувернантку в дверях купеческого дома—и в ней одной сумел бы высказать «начало и конец», жизнь, судьбу, «драму человеческого сердца».

Ярошенко написал однажды молодую, красивую женщину, беременную—горничную или ту же гувернантку: она стоит на тротуаре у запертых за нею дверей дома, возле ее ног жалкий скарб, наспех собранный,—чемодан, сумка, шляпная коробка, в руках удивительно жалостный зонтик, ненужный, не столько защита от непогоды, сколько предмет бывшего кокетства, за спиной женщины на пороге спит дворник (но можно и без него, он почти не замечается). Картина называется «Выгнали». То был ярошенковский вариант «Гувернантки». Но не приезд, а отъезд.

Критики подчас остерегались именовать однофигурные полотна Ярошенко картинами, подыскивали для них иные определения. Среди них было и такое: «портрет сословия».

Есть такое выражение—«проснуться знаменитым». Можно прожить в искусстве долгую жизнь, знать успех, умереть в почете, но этого сладкого чувства—«проснуться знаменитым»—не испытать. Ярошенко проснулся знаменитым, когда в 1878 году на Шестой передвижной выставке появились первые созданные им «портреты сословий»—картины «Кочегар» и «Заклоченный».

Стасов свидетельствует, что посетители, едва переступив порог, как один человек спешили к озаренному пламенем мастеровому, смотревшему прямо на зрителя и точно выдвинувшему вон из холста свои геркулесовские руки с налитыми жилами. Такого героя искусство не знало прежде. Ярошенко привел в русскую живопись заводского рабочего. В стоящем у огненной печи и будто выкованном из раскаленного металла человеке, со взором внимательным и тревожащим, художник увидел то, что принадлежит истории.

В ту пору много писали о долге перед народом. «Кочегар» будоражил сердца зрителей, открывая перед ними «страшно громадный» труд тех, «чи работают грубые руки», как писал Рабрасов, во имя того, чтобы горстка бездельников могла «предаваться мечтам и страхам».

Близкий друг Ярошенко, писатель Гаршин под впечатлением полотна создал рассказ «Художники». Герой рассказа, художник Рябинин, в котором угадываются черты Ярошенко, тоже пишет заводского рабочего, но не кочегара, а «глухаря»—так называли подсобников, работавших на закладке котлов. «Глухарь» забирается внутрь котла и с помощью подпорки, положенной на грудь, придерживая голову раскаленной закладки, которую снаружи наколачивали пудовым молотом. В котле, гудящем от ударов, рабочий быстро глух (отсюда и «глухарь»), но, как шутило тогдашнее заводское начальство, «это мужику небольшая беда, не в оперу же ему ездить». Гаршинскому герою—художнику нужен «глухарь», который содрогается и корчится под ударами молота, нужен, чтобы навсегда убить спокойствие зрителей, чтобы им стало «за человека страшно». В гаршинском «воспроизведении» ярошенковской картины преобладающее чувство—сострадание и неоплатный долг.

Но ярошенковский «Кочегар» не корчится в темном, гулком котле: озаренный огненным светом, он крепко стоит на земле могучими ногами. Конечно, плечи, придавленные непосильной работой, тяжелые руки, опустившиеся на минуту-другую, в лице, в глазах тревожный вопрос, которого он не умеет высказать, но притом сила огромная. Это не гаршинский «глухарь»—несмотря на способность к труду, требующему нечеловеческой силы, немощный, разбитый, убитый. В ярошенковском «Кочегаре» своя гармония, и его искореженность громадным трудом, которого никто другой выполнить не в силах, не нарушает, даже подчеркивает эту гармонию. Может быть, выпуклая богатырская грудь, красивая линия широких, расправленных плеч только убавили бы ощущение мощи, спрятанной в этом человеке.

Начальник мастерской на патронном заводе, инженер Ярошенко изнутри знал заводскую жизнь, заводских людей, и это знание не позволяло ему ограничиться состраданием. Рабочие не выдерживали изнурительного труда, становились калеками, погибали, но при всем том число рабочих людей росло день ото дня, содружество их крепло, набирало силу. И ни в одном сословии общества не было в то время столько бодрости, энергии, такой веры в будущее, как в сословии русских рабочих. Ярошенко не мог знать, что в те дни, когда трудился над «Кочегаром», один рабочий, арестованный за пропаганду, отвечал на вопросы прокурора, который спросил арестованного, будет ли революция в России. «Я сказал утвердительно, что будет,—переводил беседу рабочий.—Прокурор спросил: когда будет революция? Я сказал, что через пятьдесят лет». И в те же дни над всей Россией прогремели слова и имя другого рабочего-революционера, Петра Алексеева, пророчившего гибель самодержавию. В своей речи на суде Петр Алексеев говорил, что лучшая часть интеллигенции братски протянула руку помощи рабочему народу. Исторически знаменательно, что первый набросок «Кочегара» оказался на том же листе в альбоме Ярошенко, где находился подготовительный рисунок и для картины «Заклоченный».

«Заклоченный» создавался в период крупных судебных процессов над «политическими». Сердца тысяч русских людей были обращены к тюремным замкам и крепостям. В тесной камере, словно вырубленной в толще каменных стен, с узкой зарешеченной щелью окна, с койкой и маленьким столом, на котором ломоть хлеба, кружка и евангелие—пища телесная и духовная, в фигуре глядящего в окно заключенного зрителя, по словам Стасова, увидели «правду и современность», «мир среднего сословия»—демократической интеллигенции.

«Заклоченный» написан почти со спины, его фигура, поза необыкновенно выразительны. Это, несомненно, человек, как тогда выражались, деятельный, но притом умеющий глубоко, сосредоточенно мыслить. Ему знакома работа за столом, над книгой, над рукописью. Сугубая интеллигентская «штатскость», узковатые плечи, слегка сгорбленные, поза спокойная, напряженная, но ему нужды нет, что называется, «держаться»—напрягаться, пружиниться: он убежден, что живет, думает, действует правильно. Его не сломать, не переиначить, он весь такой и всегда такой, целен и естествен: он продолжает жить, как жил, лишь в иных, «заданных» условиях.

Прототипом для «Заключенного» Ярошенко выбрал своего друга — писателя Глеба Успенского. Когда Ярошенко начинал картину, увидела свет статья Глеба Успенского, где был очерчен символ веры настоящего русского интеллигента: «Работать для этого бедного народа, служить ему «и сердцем, и (даже!) мечом», а если нет меча, то «и умом» — вот была нянькина сказка, колыбельная песня всего, что носило в груди не кирпич, а сердце». Глеб Иванович служил народу и сердцем и умом, но был близок и с теми, кто выбрал меч, — с Желябовым, Перовской, Степняком-Кравчинским, Германом Лопатыным. В 1877 году писатель настоял на том, чтобы ему позволили участвовать в организации побега заключенного из Литовского замка. Побег в тот раз не состоялся, попытка устроить его осталась неизвестной жандармам. Не то Глеб Иванович Успенский оказался бы точь-в-точь в таком положении, в каком несколько месяцев спустя был написан Ярошенко.

стных людей». Но «остряк»-критик оказался пронзительнее, чем сам мог предположить. Проницательность в том, что ярошенковские «новые люди» и ярошенковские «известные люди» поставлены рядом, дополняют и продолжают друг друга. В портретах «известных людей» художник, осознанно или нет, почувствовал возможность показать современникам, что идеалы не погибли, живут и воплощены в реальных людях.

Так написана великая актриса Стрелетова. Темный холст — платье, шаль, фон. И из темноты — подчеркнутые холодноватой белизной кружев воротника и манжет скорбное бледное лицо, скорбные бледные руки, «словно скованные золотыми браслетами» (как однажды было счастливо подмечено). Маленькая женщина в черном страдальчески сцепила пальцы тонких рук, на ее худых сутулых плечах словно лежит огромная тяжесть, глаза полны глубокого, мучительного раздумья, но и в них, и в крепко сцепленных руках, и даже в сутулости плеч чувствуются неодолимая стойкость, та духовная сила, которая единственно помогала жить и выжить в глухую пору.

«В ТЕ ГОДЫ ДАЛЬНИЕ, ГЛУХИЕ...»

Стихи Блока про годы дальние, глухие стали формулой восьмидесятых годов. Герцен писал в свое время: «Служить связью, центром целого круга людей — огромное дело, особенно в обществе разобщенном и скованном». Ярошенко в письме спрашивал московских художников: «Собираетесь ли вы и принимаете ли меры к общению между собой?»

Каждую неделю по субботам у Ярошенко встречались художники, писатели, ученые, артисты, были тут также студенты, еще ничем себя не прославившие, и курсистки, опекаемые женой Ярошенко, видной деятельницей женского образования. Перечисляя гостей, можно назвать много известнейших имен, но не именами были привлекаемы ярошенковские «субботы»: они дороги тем, что в глухую пору связывали круг людей, объединенных общностью взглядов и нравственных принципов.

«На этих собраниях не знали, что такое скука, «винт», выпивка — эти неизбежные спутники духовного оскудения общества, — рассказывал Нестеров. — За ужином, помню, бывали великие споры, иногда они затягивались далеко за полночь, и мы расходились обыкновенно поздно, гурьбой, довольные проведенным временем». Появлялись, конечно, и случайные гости, но ядро субботних собраний составляли люди, дорожившие независимостью убеждений, верой в возможность иного «порядка вещей», — в пору духовного оскудения общества для них важно было не утратить круг своих.

Тогда вошло в моду противопоставлять героям «среднего человека», мечтателям — «добросовестных практиков», идеалам — повседневные «малые дела». Забытый ныне писатель, числивший себя передовым, возмущался ярошенковской героиней потому, что она «грозит кулаком тюремному замку»: не бороться надо, а тихо делать «благое дело среди царящего зла».

Ярошенко писал в те годы портреты лучших своих современников: Салтыкова-Щедрина, Менделеева, Успенского, Стрелетовой. Один из критиков издевался над «архитектурно-инженерным» художником Ярошенко: прежде он все «новых людей» изображал — студентов, курсисток, «политических», а теперь взялся за «изве-

«ВСЮДУ ЖИЗНЬ»

Для большинства зрителей Николай Ярошенко — это «Всюду жизнь». Эта картина одна из тех, к которым мы приходим так рано, что и не успеваем заметить, когда вобрали их в себя, мы растем, развиваемся (и не только в своих отношениях к искусству), уже храня в памяти, в душе эту картину, ставшую частицей нашей духовной жизни.

14 марта 1889 года Толстой записал в дневнике: «Пошел к Третьякову. Хорошая картина Ярошенко «Голуби» (так он назвал «Всюду жизнь»). И несколько лет спустя снова заметил уверенно: «По моему мнению, все же лучшей картиной, которую я знаю, остается картина художника Ярошенко «Всюду жизнь» — на арестантскую тему».

За решеткой тюремного вагона Ярошенко собрал людей всех возрастов и сословий: бородастый крестьянин, солдат, рабочий, женщина с ребенком и в глубине вагона, у противоположного окна, спиной к зрителям, — «политический» (художник написал его в позе своего же «Заключенного», задумчиво глядящим в окно, и тем подсказал зрителям, кто это).

Недурт передового русского искусства, толкая картину, возмущался: все там, за решеткой; значит, вся жизнь наша — тюрьма! И снова, опровергая, схватывал суть.

Через два года после появления картины «Всюду жизнь» Чехов совершил свое поразительное путешествие на Сахалин, чтобы с цифрами и фактами в руках доказать жестокость и несправедливость того, что одни люди присвоили себе право распоряжаться свободой и жизнью других людей.

Ярошенко ничем не обмолвился, что люди, пересылаемые в тюремном вагоне, не совершали преступлений, что они в юридическом смысле невиновны; но зритель чувствует невиновность этих людей, если судить их не по законам самодержавной империи, а по законам справедливости и совести, потому что, живя эти прекрасные, добрые люди другой жизнью, они никогда не совершили бы преступления.

Первая страница «Воскресения» — о прекрасном весеннем утре и о Катюше

Масловой, которую этим радостным утром конвоиры ведут в суд, — читается как эпиграф Толстого к картине Ярошенко, как его подпись к ней. Толстой начал работу над романом через год с небольшим после появления ярошенковской картины, но речь, конечно, не о влиянии Ярошенко на Толстого: сопоставление показывает, как воздействовали на творчество писателя и художника явления действительности.

И все же впечатление от картины, по-своему переплавленное, похоже, высказалось (может быть, неосознанно) в первых строках «Воскресения». Вот Катюша Маслова, накинув на голову платок (платок матери — «мадонны», как ее называли, — на ярошенковском холсте был особо замечен зрителями), выходит из острога на свежий весенний воздух: «Проходя мимо мучной лавки, перед которой ходили, перекачиваясь, никем не обижаемые голуби, арестантка чуть не задела ногою одного сизяка; голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки, обдав ее ветром. Арестантка улыбнулась и потом тяжело вздохнула, вспомнив свое положение...»

«ТАКОМУ ЧЕЛОВЕКУ НАДО ОТДАТЬ ДАТЬ»

«У меня на письменном столе лежала открытка с репродукцией картины художника Ярошенко «Всюду жизнь»... — рассказывает М. В. Фофанова, на квартире которой В. И. Ленин нелегально жил последние месяцы перед Октябрем. — Владимир Ильич увидел открытку и говорит:

— Вот замечательный художник!

А кто такой Ярошенко, я по-настоящему не знала. Он мне рассказал его биографию.

— Подумайте, это кадровый военный человек, и представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!

Я вытаскиваю из своего письменного стола еще одну открытку с репродукцией картины Ярошенко «Заключенный». Владимир Ильич говорит:

— Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

В немногих словах Владимира Ильича о Ярошенко обнаруживается его знакомство с биографией и творчеством художника, выступившего в русском искусстве представителем революционно-демократической интеллигенции; эти слова содержат точнейшее определение искусства Ярошенко — «прекрасный психолог действительной жизни», свидетельствуют об эмоциональном восприятии Лениным его картин — «замечательный художник», «чудесные вещи», «прекрасно» (многое из запечатленного Ярошенко в его картинах Владимир Ильич пережил лично — тюремную одиночку, ссылку; юность его прошла среди молодежи восьмидесятых годов, тех студентов, курсисток, которые были героями ярошенковских полотен).

Накануне Октября, разрабатывая тактику восстания, Ленин, как всегда, заглядывал вперед: реально планировал, как будет хозяйствовать победившая Советская власть, определяя место искусства в новой жизни, заботился о том, чтобы народ узнал и полюбил лучших мастеров искусства, среди которых и русский художник Николай Александрович Ярошенко.

Помните незадачливого пионера Сему из стихотворения Барто «Дом переехал»? С ним вышел забавный случай. Вернулся он из Артека, пошел домой, а дома-то и нет... В общем: Дом стоял на этом месте! Он пропал с жильцами вместе».

Самое интересное, что стихи эти не веселая выдумка любимой нами с детства поэтезсы, а случай, как писалось раньше, «действительно имевший место». Более сорока лет назад один из жилых домов «возле Каменного моста, где течет Москва-река», на глазах у изумленных прохожих, покинув обжитой фундамент, переменил свой адрес. Нет, не на другой конец города переехал дом, здесь же, рядышком, метров через пятьдесят остановился.

Нечто подобное случилось совсем недавно и с домом № 18 по улице Горького, тем самым, где до последних дней размещалась редакция газеты «Труд», а

Репортаж об интересном

Валерий ЛОКТЕВ
Фото Сергея ВЕТРОВА

в свое время было знаменитое сытинское издательство... Сто семьдесят лет стоял дом на одном месте, да не устоял.

Олег посмотрел на часы. Привычно отметил время до минуты — 5.18. Небо уже ровно порозовело, и московское утро тихо опускалось на улицы и площади.

— Начинать, начинать, Чекачев, — махнул ему начальник управления. — Проверим. Да и геодезисты спешат «пробу» снять.

Олег подошел к бригадиру монтажников Ивану Мишину, сказал буднично:

— Давай, Ваня, включайте насосную. Позже, часов через пять, будут здесь журналисты, начальство, общественность, будет гром оркестра и первые поздравления, а сейчас, в это по-апрельски еще морозное утро, ребята, одетые совсем не по-праздничному — брезентовые робы, каскетки, сапоги, ржавые от кирпичной пыли, — праздновали свою первую победу. Они видели, как мощные гидродомкраты стосемидесятитонным усилием сдвинули громаду дома. Чуть-чуть, всего на тридцать сантиметров, но это уже было началом.

...Шла обычная работа. Будто на железнодорожной станции, на восьми нитках путей уложены сотни цилиндриче-

ских катков — своеобразные «колеса». На ходовых балках стоит дом, этаким четырехэтажный «вагон» с мансардой, балконами, огромной световой рекламой над крышей. Уже виден старый фундамент, заранее отсеченный от коробки, и четыре домкрата, чьи поршни выдвигаются на метр, продолжают проталкивать здание вперед. Метровыми шагами идет дом к своему новому месту.

— Саня, — кричат водителю автопогрузчика, — давай катки сюда!

— Ширяев, «мальчиков» подставляй... Спокойно, ребята. Все в норме. «Мальчиками» здесь называют метровые отрезки стальных труб, которые наращиваются к упорам домкратов. Без них пришлось бы через каждый метр переставлять сами упоры — огромные стальные листы, глубоко забетонированные в землю.

Комсомольско-молодежная бригада Ивана Мишина работает на площадке с первого подготовительного периода. Ей и поручено организовать переезд дома.

кабинетах сидели и как ни в чем не бывало своими делами занимались.

А. С. Лесневский, один из крупнейших специалистов в Союзе по передвижке зданий и сооружений, инженер почти с пятидесятилетним опытом работы, представил в марте прошлого года оригинальный проект передвижки дома редакции «Труд», который заслонил новый архитектурный ансамбль «Известий». Нельзя сказать, что проект этот все приняли сразу. Некоторые смелые конструкторские решения Лесневского вызвали опасения. Рассуждали просто: здание уникальное, стоит ли рисковать? Но сам Андрей Степанович, твердо веривший в то, что риск, основанный на выверенном инженерном расчете, перестает быть риском, сумел доказать правильность своего проекта.

Сохранить здание, построенное в начале прошлого столетия, реконструированное в начале столетия нынешнего, было делом непростым. Многие несущие

редакционная жизнь. Стрекотали пишущие машинки, авторы приносили рукописи, макетировался очередной номер газеты, а в кабинете главного редактора сотрудники собирались на обычную планерку.

В общем, дом, который уже через пару недель должен был отправиться в путь, жил своей обыденной жизнью.

Пожалуй, еще Гомер в «Илиаде» описал способ, каким можно передвинуть крупное сооружение, не разбирая его, — знаменитый Троянский конь попал в крепость при помощи катков и веревок. Много с тех пор воды утекло. Но и в северных русских селах издавна дома при нужде «на катышках катили», да и в Москве в конце прошлого века дом, что по Каланчевской улице стоял, профессор МИИТа Федорович предложил тем же, в сущности, способом передвинуть. Но, понятное дело, двигали его не гидродомкраты, а могучие гнилые битюги с сокольнического извоза. Толстые пеньковые, вдвое перекру-

американскими строителями, а главное, им можно было передвигать гигантские сооружения весом до 23 тысяч тонн (в США «осиливали» только чуть больше десяти тысяч).

Второе рождение улицы Горького было бы немисливо без передвижки многих зданий. На расстояние от 10 до 100 метров были передвинуты памятник архитектуры XVIII века, детище знаменитого русского архитектора М. Ф. Казакова — здание Моссовета, архитектурный памятник — глазная больница (во время ее «путешествия» продолжали оперировать больных), еще одно сооружение, представляющее несомненную архитектурную ценность, — дом № 24, несколько жилых домов. На это ушло два года. И улица Горького расширилась на двадцать четыре метра, став одной из самых красивых улиц столицы.

Теперь вот бывший сытинский дом за 28 часов передвинули на новое место, где он станет частью комплекса «Известий».

«ТИХО ЕДУТ СТЕНЫ ЭТИ...»

Сергей Амелин, комсорг бригады, крепит с наружной стороны забора («Пусть Москва знает!») «Молнию»: «Есть 9,5 метра! Идем с опережением графика!»

— Андрей Степанович, — обращается он к сухощавому, держащемуся подчеркнуто прямо мужчине, — идите домой. Не волнуйтесь, все будет в порядке, по минуткам, как у вас расписано. — И уже тише спрашивает: — Это какой по счету ваш дом?

— На второй десяток, Сережа, давно перевалило.

Автор проекта Лесневский поправляет очки в роговой оправе, смотрит, как движется дом — сантиметр за сантиметром, — и чувствует себя снова юным, полным сил инженером, который пришел на свой первый объект прямо со студенческой скамьи МАДИ.

— Тогда, в тридцать шестом, мы в Москве только первые пробы делали. Помню, три казармы передвинули на 150 метров. Освобождали в Серебряном бору трассу для канала Москва — Волга. Считайте, что вручную тянули — системой блоков, лебедок... Ну, а позже, когда улицу Горького перестраивали, там появились электродомкраты, крепежный стальной материал для зданий... Моссовет в сентябре 1939-го на тринадцать с половиной метров вглубь задвигали. Так там в это время все в

конструкции одряхлели от времени, а разность строительных стилей, перемешанных в здании, создавала особые трудности. Но дом Сытина, где в 20-е годы помещалась «Правда» и работала М. И. Ульянова, давно уже стал для москвичей дорогой сердцу реликвией.

Было решено передвинуть здание в сторону Садового кольца, на угол Настасьинского переулка. Дом должен был переехать на 33 метра 77 сантиметров выше по улице Горького.

Прежде всего необходимо было «связать» здание — прошить его стальными ранд-балками и поперечными балками, которые-то и распределяют равномерно вес дома на ходовые балки и катки. И только тогда, одетый в металлический корсет, он мог безопасно совершить свое тридцатиметровое путешествие, чтобы каменная штора перед окнами «Известий» отодвинулась в сторону.

Подготовительный период начался в июне 1978 года. Работы были поручены Московскому проектно-строительному управлению по передвижке зданий и сооружений, пока что единственному в стране. Более полугода, пока шли приготовления к новоселью здания — укрепление конструкции, отсечка несущих стен и столбов, подведение под фундамент ходовой части, отсечка напередвигаемой части, — в самом доме кипела

ценные смоляные канаты, десятка два лошадиных сил да «катышки-колеса» — вот и вся премудрость. И купеческий двухэтажный каменный дом на удивление всей Москве совершил стометровую поездку через овраг.

— Это было еще в 1898 году, — рассказывает старший научный сотрудник Музея истории и реконструкции Москвы Инна Владимировна Чалюкова. — Но вплоть до 1935 года все остальные московские здания вели себя вполне благопристойно, — улыбается она. — Не покидали своих мест, не путешествовали. Лишь в тридцать пятом, когда строилась станция метро «Маяковская», один трехэтажный дом был передвинут во двор того здания, где долгое время был расположен театр «Современник».

Мы проходим вдоль экспозиции, рассказывающей о генеральном плане развития нашей столицы. Какими станут завтра ее улицы и площади, ее скверы и парки? Нынешним ребятам и неведомек, как выглядели эти места сорок лет назад, в ту пору, когда началась огромная перестройка улицы Горького, бывшей Тверской.

Именно тогда, в 1937 году, и нашел самое широкое применение способ передвижки домов, предложенный советскими учеными, который был в десятки раз дешевле используемого в то время

Когда этот номер журнала попадет к читателю, завершится последний и, пожалуй, один из самых ответственных этапов передвижки дома № 18 — он прочно встанет на новый фундамент, который был подготовлен строителями еще в марте.

Дом отпразднует новоселье. А специалисты проектно-строительного управления будут готовиться к очередной работе, потому что сама идея передвижки домов при реконструкции города обретает сегодня как бы второе дыхание. Поставить на новые фундаменты намечено уже более сорока объектов. И первые наметки — музей Щусева, ресторан «Прага»...

— Но это еще не все, — говорит Андрей Степанович Лесневский. — мы можем планировать сегодня и организовывать массовые новоселья не только архитектурных памятников, но и обычных жилых домов, которые по той или иной причине мешают перепланировке города. Правда, для этого необходимо создать крепкую индустриально-исследовательскую базу.

Сейчас вполне реально любой дом вместе с жильцами и даже с кипящим на столе самоваром передвинуть на расстояние в 50—100 метров, при этом, уверяю вас, чаепитие не нарушится.

ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Горяиновой Ольги, 21 года, студентки Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова...

С катания мы вернулись минут за сорок до отправления поезда. Проводница открыла вагон, и мы вошли в купе, где оставались наши вещи. Уточняю: вместе со мной вернулись Момот Слава, Володя Верховский, Лева Розин, Виктор, фамилию его не знаю, и Плиний. Фамилию и имя также не знаю, возможно, это кличка. Мой брат Горяинов Дима и его девушка Анкудинова Роза с нами не ездили, сначала катались на санках, а потом смотрели, как играют в зимний футбол. Дима был чем-то расстроен, все это заметили, решили, что они с Розой «выясняли отношения»...

Анкудинову Розу я знаю как соседку, проживающую на Профсоюзной улице. Она моложе нас. Примерно год назад мой брат и его друзья — Слава Момот и Бабичев Евгений — пригласили ее в нашу компанию...

На Розу в поезде обратили внимание два парня, которые ехали в нашем вагоне, — Алик и Игорь. Ребята эти были старше моего брата, по существу, уже взрослые, и своим видом и одеждой выделялись среди туристов. Эти ребята играли в зимний футбол около поезда, играли хорошо, и многие, в том числе Роза, куда не пошла, предпочитая смотреть игру...

В вагоне до отправления поезда мы поели, потом стали петь песни, играть на гитаре. Кто из ребят пил вино, я не знаю. Я и Роза пили только напиток «Байкал». На обратном пути я в поезде не видела, где ехали мой брат с Розой. Считала, что они курят в тамбуре. На половине пути в наше купе приходил Алик, чтобы взять свою гитару. Мы обратили внимание, что красный свитер, который был на нем, разорван на плече по шву...

Перед Москвой кто-то из наших ребят спросил: «Где Димка?» Мы стали искать, в это время поезд уже прибывал на станцию. Зная обидчивость брата, я решила, что Дима ушел в другой вагон...

Брата отличает характер резкий, поступки иногда удивляют неожиданностью. Он порывист, горяч. Обидевшись, мог уйти в чем был, оставив пальто, вещи...

Прогон и общежитие рабочих кирпичного завода, о которых пожилая женщина сообщила Денисову, оказались совсем рядом. В общежитии царил неразбериха, обычная, когда больше десятка мужчин в одной избе в один и тот же час готовятся на работу, ложатся спать, обедают и собираются в клуб.

На Денисова в его куртке «болоныя» не обратили внимания. Он подсел к единственному никуда не торопившемуся пареньку — нешумному, с усиками, поглядывавшему вокруг иронически.

Люди, которым удавалось сохранить спокойствие в общей неразберихе, привлекали Денисова, и самому ему порой удавалось быть таким.

— Дела-а, — кивнул Денисов.

— Ну!.. — подхватил философ.

Денисов тонко повел партию: ему следовало бояться мудреного словца. Только обыденное, не задерживающее внимания, ненастораживающее. Во всяком случае, на первых порах.

— Спят по-черному...

— «Семейный портрет в интерьере», — засмеялся усатый.

— Что ж, помирать — все равно день терять...

Парень посмотрел, видимо, остался доволен. Они еще перебросились словечками из популярного набора.

— Уж больно спешат на работу! Будто с собаками кто гонится...

— «Воспоминания о будущем». — Философ специализировался на названиях популярных фильмов, получалось смешно.

Наконец Денисов понял: «Пора! Иначе можно переборщить!..»

— Друга здесь ишу, — сказал он. — Пропал...

— Давно?

— С воскресенья!

— Давно. — Парень пригладил усика. — А из себя какой?

Денисову достало ума не выказать нетерпения, он еще вздохнул, провел руками по коленям, покачал головой.

— Как столбы телеграфные, гудят! Целый день хожу — все без проку... Росту он с меня, метр семьдесят восемь, в лыжном костюме. Шапка голубая с красным...

— С красным?! — переспросил парень.

На этот раз Денисов не спешил сразу поверить.

— Ну!

— Костюм темно-синий!.. Волосы светлые...

— Светло-русые. И веснушки вроде припоминаю...

Большую часть пути Денисов пробежал быстрой трусцой, почти на одном дыхании. Он не вернулся в Михнево, предпочтя двигаться навстречу электричке.

Было уже совсем темно. Ни один поезд не попался ему навстречу, не перегнал. Это тоже заставляло шевелиться: интервал между поездами на этом участке мог оказаться слишком большим.

«Второго поезда придется ждать больше часа, — подумал он. — Надо быстрее передать Бахметьеву разговор с посадскими... Это меняет все представление о происшедшем!»

Скрипел снег, морозное марево отходило назад, к Москве, оставляя Каширскую сторону черной, и, когда в темноте показались первые дома и станция в Шугарове, они были уже по-ночному плоские, как декорации.

Метров за двести Денисов увидел далеко светящуюся точку, ускорил бег. Поезд приближался. Чувствуя, что не успевает, Денисов не побежал к переходному мосту — с торца оперся руками на платформу, забросил вверх ноги.

— Зеленый по главному пути. — Помощник машиниста секунду помедлил.

Денисов вскопчил в первые двери, они, по-гусиному шипя, сошлись за его спиной.

«Надо выйти из поезда и позвонить в отдел, — теперь можно было перевести дух. — Но после того, как буду ближе к Москве. Там чаще электрички...»

В тамбуре было темно, несколько пассажиров курили по углам. Денисов не спешил в вагон, через незамерзшее окошко в стекле посмотрел в ночь. Место происшествия миновало почти мгновенно, со скоростью не менее шестидесяти километров.

«Примерно шестнадцать метров в секунду», — подсчитал он.

Черной тенью скользнул по замерзшему стеклу бетонный скелет путепровода, грохотнул железный мосток. Рядом, справа, осталась деревенька, временное общежитие кирпичного завода, паренек с усиками, видевший Горяинова. Промелькнуло место, где был обнаружен труп. И электричка уже выбралась из ложбины.

«— Михнево, следующая станция Шугарово».

Посадка в Михневе оказалась неожиданно большой. Денисов смотрел, как из второго тамбура сваливаются в салон пассажиры, занимают свободные диваны...

Последние пассажиры вошли в салон, когда поезд уже двигался. Денисов узнал их сразу: «Бабичев, Момот, Верховский и Ольга Горяинова...»

На Верховском была та же вышедшая из моды шляпа, как у героев Брет Гарта, — с закрученными полями с боков, сзади и впереди одинаково опущенная.

«Зачем они приехали? Может, тоже ходили по перегону?! Искали?..»

Что-то подсказало Денисову, что вожак компании выйдут раньше — не доезжая до Москвы: наверно, то, как они внимательно слушали объявления проводницы, а Горяинова пыталась рассмотреть что-то в замерзшем стекле.

В Барыбине компания действительно вышла.

Из Домодедова, от дежурного по станции Денисов набрал номер.

— Слушаю, Бахметьев...

Голос Бахметьева едва прорывался сквозь монотонное чавканье обитавшего в телефонных кабелях в последние дни существа.

— Денисов... — Он вдруг вспомнил, что весь день не давал о себе знать и даже предупредил дежурного, что скоро будет.

— Ты где? — недовольно спросил Бахметьев.

— В Домодедове... Дима Горяинов нашелся!

— Горяинов?!

— Его подобрали там же, на полотне... Так слышно? — Однообразное глухое чавканье не прерывалось ни на минуту. — По ходу поезда он лежал первым. Помните — вмятина рядом с мачтой?..

— Труп?!

— В бессознательном состоянии... Его нашли рабочие посадского кирпичного завода...

— Интереснейшие сведения... — сказал кому-то Бахметьев. — Горяинов тоже был на путях. — Когда он говорил не в трубку, его было хорошо слышно.

— Рабочие ехали на машине, — Денисов отвел трубку в сторону, — местных условий не знают. Увели к себе в Посад.

— В такую даль?! — вырвалось у Бахметьева.

— В больницу.

— Сейчас выезжаем туда. — Бахметьев крикнул кому-то: — Вечернюю планерку отложить! До нашего возвращения никому не расходиться!

ОКОНЧАНИЕ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Гераскиной Елены, установочные данные в деле имеются...

— При каких обстоятельствах вы в поезде в последний раз видели Розу Анкудинову?

— Розу в последний раз я видела в тамбуре. С ней стоял Алик, который давал нам гитару. Он о чем-то разговаривал с Розой. В это время рядом со мной сидел и тоже видел ее с Аликом Дима Горяинов. Он попросил меня позвать Розу в вагон. Я крикнула Розе: «Иди сюда!» Но она махнула рукой. После этого Горяинов тоже ушел в тамбур.

— Как вы объяснили себе реакцию Горяинова?

— Диме не нравилось, как Роза себя вела. Он видел, что она «строила глазки» парням из последнего купе, в особенности Алику. Дима даже сказал, что «смажет этому парню по физиономии».

— Видели ли вы Алика, когда он возвращался из тамбура после того, как туда прошел Горяинов?

— Не видела, так как я в это время спала. Алика я увидела уже перед Москвой, когда он пришел к нам в купе, чтобы взять гитару. Розы и Димы в это время в купе не было.

— Не заметили ли вы на лице Алика или на одежде каких-нибудь поврежденных?

— У Алика был порван свитер по шву на рукаве...

— Товарищ Бахметьев и следователь остались в больнице у Горяинова. — Колыхалова подошла к столу, положила на него довольно объемистую папку. — Само собою: ориентировка о розыске Горяинова отменяется...

Инспектора, собравшиеся на вечернюю планерку, молчали.

— Установлено, что он лежал ближе к дороге таким образом, что его заметили проезжавшие в автобусе рабочие кирпичного завода. Они занесли его в машину и увезли с собой в Посад.

— А как же Анкудинова? — спросил кто-то.

— Ее не было видно с дороги...
 — Это действительно Горяинов?
 — С нами ездили его родители, сейчас они тоже там... Это он. Состояние его критическое, в сознание все еще не приходил.
 — Что же посадская милиция?! Почему не сообщили? — спросил Сабодаш.
 — Такая деталь, товарищи... — Кольхалова подняла руку.
 Было слышно, как вагон за вагоном катят за окном по восьмому пути.
 — У Горяинова на руке оказался браслет с фамилией Солдатенкова — парнишки из Крестов. Чуть не произошло беды! На браслете стояла группа крови Солдатенкова. Представляете, что могло произойти при переливании!
 — Значит, вместо Горяиновых сообщили Солдатенковым?
 — Солдатенковых нет, они уехали еще в субботу. Со дня на день должны вернуться...
 Денисов поднял руку:
 — Что обнаружено в одежде Горяинова?
 Кольхалова раскрыла лежавшую на столе папку:
 — Конспект по экономике производства... Ничего существенного. — Она раскрыла наугад. — «Япония — 4, Франция — 9,5, Австралия — 7,5... в пересчете на годовой рост розничных цен...» — ККК перелистнула страницу. — «По свидетельству журнала английских деловых кругов... Италия — 12, Нидерланды — 4,5...» — Она отложила конспект. — Проездной билет, ключ.
 — От дома?
 — Родители ключ не опознали.
 — А насчет браслета с группой крови Солдатенкова?
 — Родители его тоже видели впервые.

— Игорь, подожди меня, если не очень спешишь, — попросила Кольхалова после планерки.

— Какая-нибудь новая версия, капитан? — Честно говоря, Денисову не очень-то хотелось опять толковать о деле.

— Вовсе нет, думаю предложить тебе сотню-другую метров пешочком. Как?
 — Идет.

На вокзал прибыли сразу несколько электричек, и людские потоки-речушки от каждой сливались в озеро-толпу, которая затем снова рождала отдельные потоки: к стоянке такси, к метро, к трамвайной остановке.

— Люблю наблюдать, как прибывают поезда, не электрички — это мелкота, а дальние... Мне даже кажется, что каждый поезд исхитряется сохранить аромат тех мест, откуда прибыл: повстречаешь один — и будто бы у моря постоила, а другой — так прямо-таки степным зноем опалит...

— Тебе, Кира, в более творческую атмосферу бы, в преподаватели, например...
 — А у нас, милый мой, она самая творческая... Кстати, ты каждого из наших нынешних подопечных понимаешь, а?

— А ты?
 Они шли тихим малоосвещенным переулком. Это был их излюбленный маршрут, когда ККК предлагала «сотню-другую метров пешочком». — не идти шумным проспектом, а петлять переулочками параллельно ему. Навстречу попадались парни, явно уже вкусившие «змия».

— Вполне подходящие кандидаты в подопечные, — сказала Кольхалова. — Завтра они что-нибудь выкинут — и к ним ключик подыскивать, мучиться...

— Конечно.
 — А ключик трудно искать... Но без него невеста что можно натворить. Не ключик — значит, лом, так, Игорь?!

— Лучше ответу на твой вопрос о бабичевской компании — может, найдутся сравнимые величины. Ты, Кира, о понимании говоришь — правильно, я знаю, вижу: Бабичев ранимый, хотя и тянется к суперменству: Плиний — эрудит, мыслитель, верный кандидат или доктор в будущем; Верховский — натура тонкая, грязь ему несвойственна... Ну, и так далее. Только не пойму, почему же они затушевывают свое положительное, когда оказываются вместе?

— Затушевывают ли?! Сдается мне, что у нас закладывает уши от поп- или рок-музыки, рябит в глазах от крикливых одежд и застежек — и мы уже ничего не хотим видеть и слышать за всем этим. Сам знаешь, еще годик-два — и возле моего Мишки тоже, возможно, окажутся бабичевы, момоты и плиннии. Он сейчас прическу растит «балдежную» и джинсы выпрашивает.

— Купишь?
 — Куплю, Денисов. Я понимаю твой вопрос. Думаешь: потакай, мол, мать, — сын на твоей шее подольше и посидит. Только ведь, Игорь, он мне свои дневники показывает — самое сокровенное, понимаешь? Он нежный, у него такие прекрасные мечты... Да что там, пусть и патлатый, и в майках разных, и рок — все равно я знаю, какая у Мишки душа.

— А окружающие?
 — И они поймут, если будут стремиться к контактам, а не бить всякий раз дубинкой по голове: и музыка не та, и прически вызывающие, и походки вихляющие... Вспомни: каждый, кого мы спрашивали о бабичевской компании, выкладывал нам этот набор недовольств. И никто не сказал ничего вразумительного о личностях этих ребят. Никто... Неужели и Мишку моего будут оценивать по такой шкале?

— Брось, Кира, сама же понимаешь — дело в том, что в этой милой компании погиб человек. И вряд ли в результате несчастного случая.

— Это еще доказать нужно... И что мы все о них, Игорь? Ведь я о Мишке с тобой хотела поговорить, посоветоваться, а они — ну, пример только.

— Видно, не получится у нас другого разговора, пока не подберем к этому, как ты выразилась, примеру ключик — опять-таки твоё любимое слово.

— Вот, Денисов, как опасно общаться с товарищами по работе — никакого удовольствия от этого общения, как будто и не уходили со службы, — грустно сказала Кольхалова.

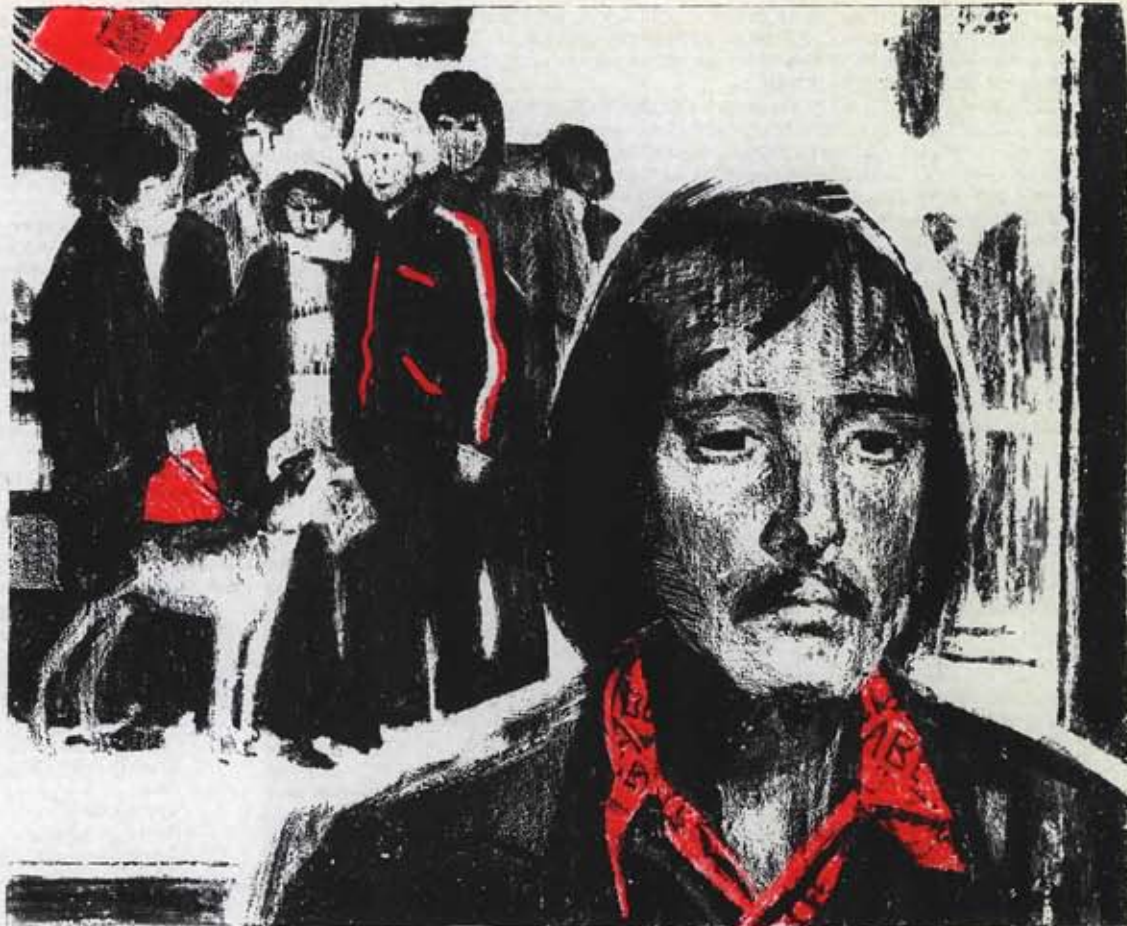

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Они свернули в переулочек, ведущий к проспекту. Маршрут заканчивался — здесь Кольхалова обычно садилась на троллейбус.
 — Ну, Игорек, по домам...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Шемета Валентина Андреевича, 72 лет, персонального пенсионера...

— Является ли Турандин уроженцем Инты?
 — В Инте Алик поселился недавно, после освобождения из мест заключения, примерно год назад. Родственники его проживали где-то в Москве, но потом выехали.
 — Известен ли вам состав преступления, совершенный Турандиным?
 — Точно не знаю. Но думаю, что он с кем-то подрался пьяня, сломал челюсть...
 — При каких обстоятельствах вы простились с Турандиным и Игорем?
 — Они уехали совершенно неожиданно для меня, в воскресенье вечером, в мое отсутствие.
 — А ключи?
 — Алик оставил их в почтовом ящике.
 — Что вы можете сказать о дальнейшем маршруте Турандина и его товарища?
 — Об этом мне неизвестно.
 — Ремонтировал ли Турандин, вернувшись с лыжной прогулки, свою одежду?
 — Да, после поездки он зашивал свитер, для чего просил у меня иголку и нитку красного цвета.
 — Где были Турандин и Игорь в субботу 7 февраля?
 — В этот день они ходили по магазинам, в том числе по комиссионным.
 — Что их интересовало?
 — В основном вещи, книги. Кроме того, струны для гитары, диски модных ансамблей. Джинсы, иконы...
 — Иконы... У Турандина и его товарищей не было с собой икон?
 — Одна, небольшого размера. Алик показал мне ее в субботу. По-моему, «Утоли мои печали...».

СПРАВКА

информационного центра МВД СССР

Турандин Александр Васильевич, 28 лет, уроженец г. Электросталь, Московской области. Осужден за нанесение тяжкого телесного повреждения сроком на 4 года, освобожден по отбытии срока наказания.

Справку наводил:

(подпись)

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА МИЛИЦИИ НА СТАНЦИИ МОСКВА-АСТРАХАНСКАЯ — ТУРАНДИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ («АЛИК») РАБОТАЕТ ТРЕНЕРОМ ПО БОКСУ ДСО «ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ» С ЯНВАРЯ ПРОШЛОГО ГОДА. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НАХОДИТСЯ В ОЧЕРЕДНОМ ОТПУСКЕ В ГОРОДЕ МОСКВЕ. ВМЕСТЕ С ТУРАНДИНЫМ МОЖЕТ НАХОДИТСЯ ТРЕНЕР ДСО ПО ЗИМНИМ ВИДАМ СПОРТА САВИНОВСКИЙ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ. ТУРАНДИН СРОК НАКАЗАНИЯ ОТБЫЛ ПОЛНОСТЬЮ. ФОТОГРАФИИ ВЫСЫЛАЮ С БРИГАДИРОМ ПОЕЗДА — НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ИНТЫ.

НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЯ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛОВ ГУВД, РУВД, УВД, ГОРОДСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ, КОМАНДИРАМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.
 НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ.

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ МОСКОВСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА И ЛИНЕЙНЫХ ОТДЕЛОВ НА МОСКОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ ТРАНСПОРТНОЙ МИЛИЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ, ОКТЯБРЬСКОЙ, СЕВЕРНОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ДОРОГ.

8 ФЕВРАЛЯ С. Г. В 13 ЧАСОВ 55 МИНУТ ПОСЛЕ ПРОСЛЕДОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОЕЗДА «ЗДОРОВЬЕ» НА ПЕРЕГОНЕ ЖИЛЕВО—МИХНЕВО МОСКОВСКОЙ Ж. Д. БЫЛ ОБНАРУЖЕН ТРУП АНКУДИНОВОЙ РОЗЫ СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ, СЛЕДОВАВШЕЙ С ПОЕЗДОМ. В ОДНОМ ВАГОНЕ С ПОТЕРПЕВШЕЙ ЕХАЛИ ТАКЖЕ НАХОДИВШИЕСЯ В Г. МОСКВЕ ПРОЕЗДОМ ТРЕНЕРЫ ДСО «ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ»—ТУРАНДИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ И САВИНОВСКИЙ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ...

ПРОВЕРЬТЕ, НЕ НАХОДЯТСЯ ЛИ НА ОБСЛУЖИВАЕМОМ ВАМИ УЧАСТКЕ...

ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ НИКАКИХ МЕР НЕ ПРИНИМАЙТЕ. СРОЧНО СООБЩИТЕ ИНИЦИАТОРУ РОЗЫСКА...

4. Среда, 11 февраля

Денисов приехал рано. Из всех открытых форточек в дежурке клубами валил морозный воздух. В кресле у коммутатора оперативной связи сидел помощник, дежурного не было.

— Умывается...—уволит он немой вопрос Денисова.

— Новости есть?

— Звонили.—Помощник полез в черновую книгу.—Шемет...

— Валентин Андреевич?

Помощник снова сверился с записями.

— Да... Ему, в свою очередь, звонил...—Он уже не мог не проверить себя ежесекундно.—работа в дежурной части обязывала к абсолютной точности.—Турандин Александр Васильевич...

— Так...

— Из Кишинева, гостиница «Молдова»... Турандин извинился, что уехал, не поблагодарив. Опаздывали якобы на самолет... Подозрительно осведомился у Шемета, все ли в порядке.

— Это же очень важно!—Денисов сразу вспотел.— А вы?!

— Приняли меры...—Помощник не позволил себе ответить по памяти, снова заглянул в записи.—Доложили руководству, передали телефонограмму в управление уголовного розыска Молдавии. Об установлении и допросе Турандина...

— Прекрасно!

Не ожидая дежурного, Денисов поднялся к себе. Повсюду горел свет. В кабинете возилась уборщица со щеткой.

У дверей Денисов увидел Горяинова-старшего, он держал в руке незажженную сигарету.

— Ко мне?—спросил Денисов.

— И сам не знаю... Сказали, в одиннадцатый кабинет.

Уборщица вскоре ушла, Горяинов показал на сигарету.

— С таким трудом бросал курить! Не поверите. Казалось: чуть что—сразу закурю, не выдержу... А сейчас сын на грани жизни и смерти, а я не могу в рот взять. Не до баловства! Понимаете?

— Кажется, понимаю.

Денисов снял пальто, подошел к столу. На видном месте лежал вчерашний «ПЛАН-ЗАДАНИЕ», который он не выполнил, встретив на Профсоюзной Бабичева с собакой.

Задание называлось: «ВОЛОДЯ ВЕРХОВСКИЙ».

—...А тут еще милиция в Крестах.—Горяинов вздохнул.—Вежлива, ненастойчива!

— В чем там дело?—спросил Денисов.

— Просят раскрыть им кражу икон с дачи.

Денисова заинтересовало:

— Вы в состоянии?!

— Я же там всех до одного знаю!—Он сломал сигарету, бросил в урну.—Как будто курение может вернуть сына?! Чуть!—Горяинов прошел по кабинету—приземистый, с землистого цвета лицом.—Разве у меня иконы в голове?! Или мои деревенские соседи?! Я спрашиваю себя: до чего нужно дойти, чтобы скинуть человека с поезда?! И кто это делает? Друзья!

Денисов понял: полковник Горяинов не слышал про Турандина.

— Друзья?!

— Или же не без их участия! Бабичев Женька, Момот... Они ведь избили его однажды. Так отделади... Не знали?

В дверях показалась Кольхалова.

— Доброе утро... Кто избил?

— Бабичев и Момот... И в этот раз, в поезде!..

Кольхалова знала об этом, все же спросила:

— От кого эти сведения?

— Ольга!

— Нам она не сказала.

— Под большим секретом. Славка ударил, наш ответил. Видели у Момота наклейку на брови?! Я еще в первый раз заметил...

— Из-за чего?!

— Разве скажут?!—Он остановился у колонки, поддерживавшей арочный свод. Кабинет был особенный—в стиле старой, не подвергшейся реконструкции части вокзала.

— Вы были у него ночью?—спросила Кольхалова.

— Я, и жена, и следователь. Он, наверное, и сейчас там. Этой ночью жена опять поедет или Ольга, если допустят... Что-то произошло, я чувствую... Где, например, Димка был в пятницу? Вернулся в час ночи. Момот дважды звонил, Плиний! Чтобы Димка не сказал ребятам, куда поехал?! Куда уходит?! Чудеса...—Он вздохнул.—В голове полная неразбериха. Димка, вы... Милиция в Крестах, иконы...

— Вы никогда не говорили с сыном об иконах, которые на даче?—спросил Денисов.—Насколько они ценны...

— Такой разговор был.—Горяинов увидел на столе перед ККК пачку сигарет, машинально потянулся. Кольхалова подвинула ему зажигалку.—Но смехом: продать, мол, свою часть икон... Ольге в приданое.

— Предполагаются семейные торжества?—спросил Денисов.

— Нет, но девчонка, как раньше говорили, на выданье. С частым гребнем тоже не отдашь...

— Дима был против продажи?

— Он считал, что иконы нельзя продавать ни в коем случае.—Горяинов подумал.—Он часто о них разговаривал, кстати. Каждый раз по приезду на дачу ходил к Николаю, смотрел. Я понимаю, отчасти это влияние юриста, Верховско...

— Тот тоже интересовался?

— В открытую: «Если будете продавать, только нам. Компанией сложимся...»

— Никто из приятелей Димы не просил ключ от дачи?

— Меня уже спрашивал следователь...—Горяинов покачал головой.—Замок у нас немецкий, привез из Ройлау. Ключ подобрать трудно... Может быть, у Николая все же пропал? У племянника? Может, в магазине «Мясо» у него кто-нибудь...

Допрос Бабичева был также записан на видеомагнитофон... Эксперт включил запись, сам сел за портативную пишущую машинку в углу—он печатал заключение.

— Только уважая тебя, Денисов...—Эксперт рывком передвинул закладку.—Ну, я отключаюсь. Погнал...

На экране видеомагнитофона Бабичев, как и в жизни, был спокоен и холоден, через плечо следователя посматривал на перрон. Там шла посадка.

Следователю перрон не был виден, он сидел спиной к окну, хмурый, сосредоточенный. Запись была сделана накануне, до того, как Денисов установил место нахождения Горяинова.

— В каких отношениях вы находились с Горяиновым?—спросил следователь.

— В приятельских.

— Бывали у вас и ссоры?

— Было всякое,—сказал Бабичев.

— Иногда заканчивались дракой?

Бабичев посмотрел в окно.

Оператор, он же эксперт, лихо отстукивавший в эту минуту на машинке, отступал от строгих правил ведения процессуальной съемки, оживлял кадр. Фоном для слишком прямолинейного допроса Бабичева служил перрон, толчея у последних вагонов электричек. Денисов подумал, что эксперт—человек с весьма острым чувством обстановки—намеренно снимал все, что видел Бабичев, обдумывая ответ следователю.

— Помните случай,—спросил следователь,—к вам в дом пришли подростки, вы их сразу не впустили, а когда открыли, то из квартиры выбежал Горяинов. Рубашка у него была в крови...

Бабичев кивнул.

— Слава Момот показывал ему приемы каратэ...

— А в поезде «Здоровье»?

— Нет.

— Что нет?!

— Не показывал.

— Будьте точны. Ваши показания записываются на видеомагнитофон, будут приобщены к делу в качестве вещественного доказательства...—предупредил следователь.

— Знаю.—Бабичев сидел в своей холодной куртке, в которой за час до этого Денисов видел его во дворе гуляющим с эрделем.—В поезде была символическая пощечина, но Горяинов обиделся, ударил чем-то. Повредил Славке бровь... Потом они помирились.

— Это произошло на обратном пути—из Жилева в Москву?

— Когда ехали из Москвы...

Теперь на экране снова была платформа, группа подростков стояла у последнего вагона электрички.

—...Момот сказал: «Ты ведешь себя, как последний дурак!»

— Что он имел в виду?

— Портит настроение компании.

— Точнее.

— Вам же известно! Роза, видимо, сказала...

«Они еще ничего не знают!...»—подумал Денисов. Ловушка, устроенная ККК, продолжала действовать.

—...Димка обиделся. Всем это бросалось в глаза, настроение было испорчено. Вы же знаете!

Следователь на экране только повел бровью. Вопрос, который он задал, не имел отношения к делу.

— Горяинов и Анкудинова... Им, наверное, было трудно на людях?

Денисов и сам не совсем его понял, но именно на этот вопрос Бабичев неожиданно ответил охотно и очень искренно:

— Люди, знаете, делаются на тех, кто в компании пляшет, и на тех, кто читает стихи. И вот те, кто пляшет и кто читает стихи, любят, но стесняются друг друга...

— Кто же в данном случае плясал?

— Анкудинова!

— Вы невысокого мнения о ней...

— Напротив! Однажды при мне она смотрела с Автозаводского моста: шел пароходик. И показала: «Там пристань!» И точно. Понимаете? Догадалась по следу на воде.—Бабичев поправил куртку.—Главное—природный ум. То есть ум минус эрудиция. Согласны?

Следователь уклонился от ответа.

— В какой момент вы в последний раз видели в поезде Горяинова и Анкудинову?

— Это было недалеко от Жилева. Верховский Володя вышел в тамбур, дверь была открыта. В тамбуре стояли Дима и Роза.

— Потом?

— Володя вернулся за магнитофоном.

— Он вез магнитофон?

— Да.

— И что? Когда он открыл дверь? Анкудиновой и Горяинова уже не было?

— Не помню.

Бабичев замолчал, следователю так и не удалось вызвать его на откровенность.

— Как, по-вашему, Роза знала о краже икон на даче Горяиновых?—неожиданно спросил он.

— При чем здесь иконы?—Бабичев внимательно посмотрел на него.

— Знала или не знала?

— Не имею понятия.

— А вы?

— Об иконах мне стало известно значительно позже.

Оператор снова показал перрон, группу подростков, вокзальную суету—все, что видел в тот момент Бабичев из-за плеча следователя. Сбоку, рядом с подростками, Денисов заметил собаку. Картинка промелькнула в одну секунду.

— Кто вам сказал о краже?—спросил следователь.

— Горяинов Николай.

— Он звонил?

— Звонил я, искал Диму.

— Когда?

— В понедельник вечером.

Дальнейшее не вызвало интереса, кроме того, Денисову предстояло еще немало дел — магазин «Мясо», поездка к Верховскому...

Оглянувшись, Денисов заметил, что эксперт закончил печатать заключение, сложил бумаги, тоже собрался уходить.

— Как? — спросил эксперт. — Впечатляет?

— И сильно. — Денисов показал на клавиши. — Обратная перемотка здесь?

— Здесь. Что тебя интересует?

— Вид из следственного кабинета на перрон. Сейчас промелькнул.

— Нажимай.

На экране возникла знакомая обстановка отправления пригородных поездов. Был вторник, и у торца платформы уже выстраивались контролеры-ревизоры и их добровольные помощники для отлова потенциальных безбилетников. При желании Денисов мог бы воспроизвести все, что кричал в мегафон полный, в нахлобученной на самые уши папахе ревизор:

— «Граждане пассажиры! Предъявляйте билеты общественному контролю.

Повторяю...»

«Почему общественному? — подумал Денисов. — Как известно, все они на зарплате и на проценте...»

Но сейчас его интересовали стоящие на платформе подростки с эрдельтерьером Бабичева.

«Они ждали... — понял Денисов. — И после допроса старшие уехали в Михнево, где я их встретил. А младшие еще куда-то или вернулись домой...»

— Ты, наверное, вспомнил о собаке на месте кражи в Крестах? — Эксперт подошел, встал за стулом позади Денисова. — Я уже думал об этом.

Магазин «Мясо» Денисов увидел сразу, неподалеку от метро. Шофер въехал на стоянку «Для служебных машин», остановился под самыми окнами, рядом с узким тротуарчиком.

Отяжелев от езды, Денисов и Сабодаш прошли в магазин, где несколько покупателей терпеливо пережидали друг друга, чтобы остаться с продавщицей наедине.

За скучной витриной не было ничего соблазнительного.

— На первое, на второе, мужчины?! — Продавщица мгновенно распознала в Денисове и Антоне нестандартных покупателей. При них не было даже портфелей. — Хорошего, правда, пока ничего нет...

— Обидно, — сказал Антон.

— Может, подвезут... Заходите!

Денисов подошел к внутреннему коридору: слева был кабинет директора, справа — лестница в подвал.

— Сам-то где? — Денисов кивнул на дверь.

Продавщица вышла из-за прилавка. Через наружную витрину ей была хорошо видна ставшая у тротуара машина с антенной на крыше.

— Николай Борисович? Разве не там?! — Дверь заперта.

— Может, в подвале?! Николай Борисович! — крикнула продавщица.

На лестнице неожиданно появился мальчик лет восьми в джинсах «Ли купер», цветных подтяжках, с нотной папкой.

— Уехал папа, — сказал он.

— Куда? Не сказал? — спросила продавщица.

— Позвонили. — Мальчик смешно показал ручкой: «Если ты так настаиваешь, Володя! Хотя это смешно...»

— Может, в торг вызвали?! — Продавщица сразу посерьезнела.

ПРОТОКОЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА

Горяиновой Ольги...

Установочные данные в деле имеются.

— Когда вы в последний раз были на даче в Крестах?

— Неделю назад.

— Там было все в порядке?

— Да.

— У кого из членов вашей семьи имеется ключ от дачи?

— У нас один ключ. Им распоряжаются родители. Припоминаю, что брат как-то разговаривал со своими друзьями из компании о том, что ему нужен ключ. Какой — он не сказал, и больше при мне об этом разговора не было.

— Кто из компании мог слышать разговор о ключе?

— Не знаю. По-моему, Володя Верховский.

— Как давно Верховский появился в компании?

— Примерно год назад, в одно время с Анкудиновой. Анкудинова и Верховский живут в одном доме и подъезде, на одной лестничной клетке.

— Кого из ребят, участвовавших в воскресной поездке, вы видели накануне, в субботу, а также в пятницу?

— Никого, в эти дни мы не встречались. Мой брат также отсутствовал.

— Вам предъявляется ключ, обнаруженный в одежде вашего брата Горяинова Дмитрия в больнице. Видели ли вы этот ключ раньше?

— Этот ключ я прежде никогда не видела. По взаиморасположению бороздок, их длине и ширине он не похож на ключи, которыми пользуется наша семья.

С моих слов записано верно и мною лично прочитано.

Горяинова.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Горяинова Николая Борисовича, 29 лет, директора магазина «Мясо» № 83 райпищеторга...

О краже я узнал со слов жены, приехавшей в воскресенье 8 февраля на дачу за продуктами. Жена обратила внимание на то, что дверь в дом со стороны крытого двора отжата, имеется доступ в помещение. Видя это, супруга попросила соседей забить дверь, а сама заехала в районное отделение милиции и заявила о краже. На следующий день утром я приехал на дачу и принял участие в осмотре, который произвели работники милиции. Они сказали, что в дачу попали с двух сторон и, кроме того, один из взломщиков с собакой стоял около забора.

— Кого вы подозреваете в совершении кражи?

— Никого.

— Вел ли до этого с вами кто-либо разговор об иконах? Делались ли попытки купить иконы или обменять их?

— Об иконах со мною разговаривало несколько человек из числа друзей моего двоюродного брата — Горяинова Дмитрия.

— Кто именно?

— Верховский Владимир и Бабичев Евгений. Оба собирались ехать на Север,

чтобы заняться поиском икон в брошенных деревнях. Верховский старше моего двоюродного брата и имеет на него большое и не всегда положительное влияние, как и Бабичев. У обоих часто не бывает денег, Дмитрий водит их в кафе, в пивной бар. За них расплачивается.

— Откуда Горяинов брал деньги на это?

— По моим сведениям, деньги дает ему мать, чтобы муж не знал.

— Что именно говорили вам об иконах Верховский и Бабичев?

— Верховский настойчиво интересовался, не собираюсь ли я продать иконы.

— Он советовал продать?

— Наоборот, оставить пока все, как есть. И не увозить их из Крестов.

— Кто еще присутствовал при этом разговоре?

— Не знаю. Разговор состоялся на даче в Крестах. При разговоре могли присутствовать другие друзья Дмитрия, в том числе Анкудинова Роза и сосед по даче Солдатенков...

— Опять на Профсоюзную? — спросил с заднего сиденья Антон.

— Опять.

Лавина машин катила сзади, с площади Гагарина, словно увлекая за собой весь столичный транспорт.

Денисов достал блокнот. «Неужели я ничего и не записал о Верховском?!» На Профсоюзной поток машин резко ослабел, а скорость их, наоборот, возросла. Мелькнул небольшой овраг на правой стороне, «Березка».

— Позвони, когда будешь выезжать, — сказал Антон. — Может, встретим.

— Обязательно.

Наконец, он нашел:

«Верховский Володя, юристконсульт. Шляпа, как у героев Брет Гарта. Живет с бабушкой».

«Негусто», — подумал он.

На развороте с другой стороны листа шли записи, сделанные в Крестах. Денисов лишь мельком пробежал их глазами:

«...Какие только мысли не лезли в голову за эти десять минут, пока она не появилась...» «Мы еще будем здесь не один световой год, — надпись на ватмане, — спасибо...»

— Счастливо, — сказал Антон. Машина затормозила рядом с подземным переходом. — Погнали...

На этот раз Денисов вошел во двор осторожно, убедившись, что не наткнется неожиданно ни на Бабичева, ни на другого члена компании.

Во дворе было тихо, степенно прогуливались женщины с колясками. Денисов нашел нужный подъезд, поднялся на этаж.

«Здесь...»

Дверь открыла седая старушка, круглая, похожая на грибок. Она трясла головой.

— Проходите. — Голос тоже еле заметно вибрировал. — Здравствуйте... — Она закрыла за ним дверь. — Только, знаете, Володи нет.

— На работе? — спросил Денисов.

— Он был дома, еще немного, и вы бы его застали!..

— Он не сказал, куда идет?

— К другу... А к кому, не сказал!

— Я, собственно, по поводу книг. Из библиотеки. — Предлог был найден еще накануне. Денисов не о чем было беспокоиться. — «Загадка медного свитка» и «Двенадцать цезарей» Гая Светония Транквила.

Старуха энергично затрясла головой.

— Сколько я напоминала. Все: «Завтра, бабушка, завтра!..»

Денисов огляделся: две изолированные комнаты, шкаф с одеждой, тумбочка. Справа кухня. На стене увеличенная фотография самого Верховского в шляпе.

— Это Володя?

— Да... — Она посмотрела на Денисова. — Может, чайку? Мы с Муркой как раз заварили...

Денисов увидел под стулом в кухне ангорскую кошку — злой, красноватый глаз.

— Раздевайтесь! — Она хлопотала на кухне. — С вишневым или абрикосовым? Малиновое не предлагаю, потому что вам на улицу!

— Какая у него странная шляпа, — сказал Денисов.

— Вы тоже заметили? Это потому, что у него затянувшееся детство!.. Наша соседка тоже так считает...

— Анкудинова?

— Вы знаете Розу?!

— Тоже наша читательница!

— А Володя говорит: «Нет, шляпа способствует моей индивидуальности!..» Между нами говоря, Роза нравится ему... — О гибели Анкудиновой она явно не знала. — Я бы сказала, что он любит ее. Только!.. — Она посмотрела на Денисова.

— Ни слова!..

— Стоит намекнуть, сразу шум, крик! «Я на десять лет старше!» — Старушка застыла с чайником. — Разве это много?! Он говорит: «У нее всегда горячие руки...» Как будто я не понимаю?!

— А как Анкудинова?

Все это было внове, Денисов не успевал анализировать.

— Девушки все чувствуют... Может, принести сливу? — спросила она. — В черной комнате еще есть две банки...

— Ради бога! Спасибо.

— Володя сильно переменился, я не видела его таким... Сейчас совсем дома не бывает! — Она вздохнула. — Один Володя ваш должник?

— Горяиновы...

— Если бы вы зашли вчера, застали бы Ольгу...

— У меня значится Дмитрий Горяинов.

— Это ее брат.

— Он тоже бывает?

— Дня три его не видела. — Ей не рассказали и о Горяинове. — Только Ольга.

— Они дружат?

— Ольга приходит сюда... Вы не знаете, как ей тяжело дома!

— Что-нибудь в семье?

— Отец... Большой деспот. — Она отставила блюдце. — Мы думаем, что стараемся для семьи: машина, дача, сберкнижка... На самом деле для себя.

— Вы разрешите позвонить от вас? — спросил Денисов.

— Пожалуйста... Телефон у Володи, в соседней комнате.

Денисов открыл соседнюю дверь. Напротив, у окна, стоял письменный стол, над книжными полками висело несколько икон, ниже, на журнальном столике, рядом с открытым блокнотом для записей, стоял телефон.

— Нашли? — крикнула старушка.

— Спасибо.

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

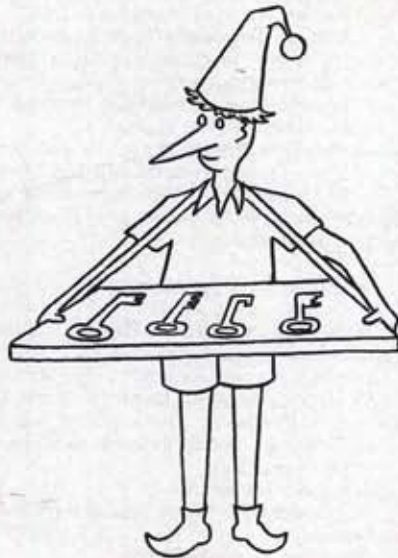
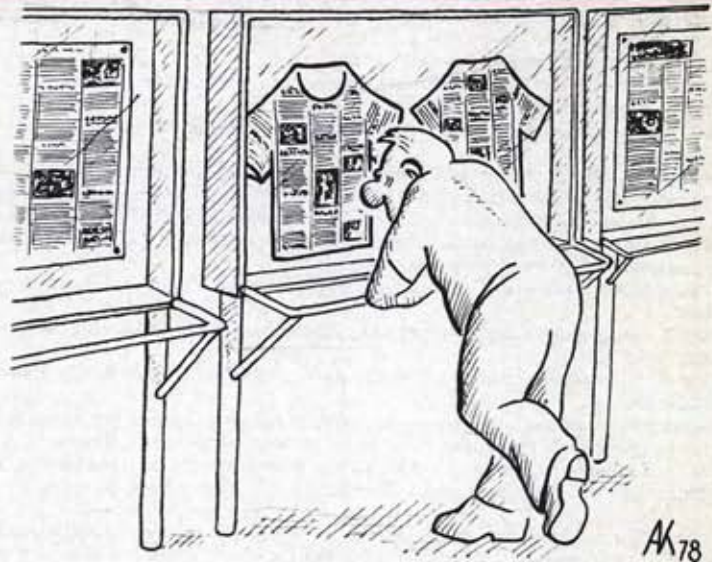

Рисунок Александра КОНОВАЛЕНКО

АК78

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

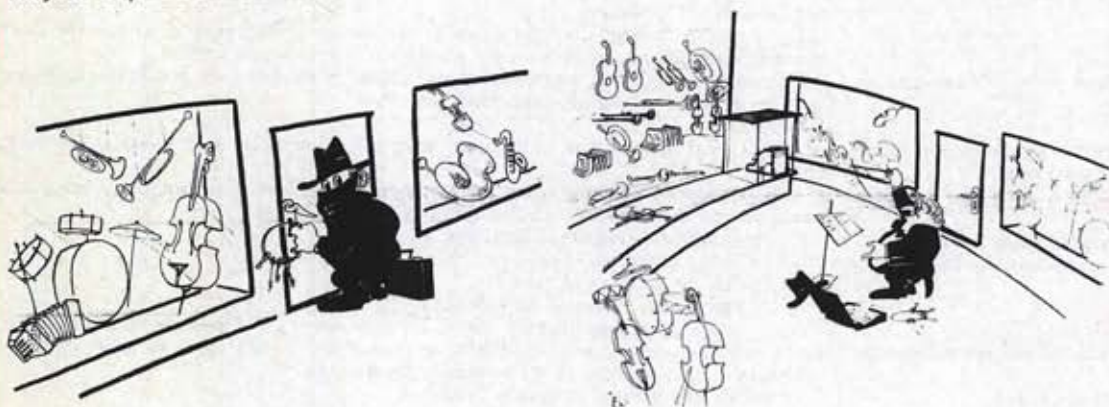

Рисунок Павла ПУТНИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Продолжение. Начало см. в № 11 журнала).

ВТОРОЙ ТУР

Мат в два хода (1 очко).

Белые выигрывают (3 очка).
 Ответы на задания этого тура нужно посылать в адрес редакции не позднее 31 августа 1979 года (по почтовому штемпелю отправления). Решение каждой конкурсной позиции указывается на отдельной открытке со всеми необходимыми вариантами в сокращенной шахматной нотации без каких-либо комментариев. На лицевой стороне открыток просим разборчиво писать адреса редакции и обратный, фамилию и инициалы участника, а также четко ставить пометку «Шахматный конкурс «Смена»-79, тур второй».

ПОБЕДНЫЙ ДУЭТ МОНРЕАЛЯ

К числу самых значительных событий шахматной жизни относится недавний матч-турнир десяти

крупнейших гроссмейстеров в канадском городе Монреале. Упорная многодневная борьба привела к победе чемпиона мира Анатолия Карпова и экс-чемпиона мира Михаила Таля. Оба советских шахматиста не только оказались выше своих соперников в спортивном плане, но и порадовали новыми творческими достижениями.

Предлагаем вниманию читателей «Смены» яркие, надолго запоминающиеся фрагменты поединков, которые успешно провели на монреальском турнире его главные лауреаты.

Перед вами острый миттельшпиль из партии Карпова (у него были черные фигуры) против голландца Яна Тиммана. На очереди 15-й ход черных, которыми чемпион мира жертвует коня и начинает красивую комбинационную атаку.
 15. ... Kg4:h2! 16. c4—c5.

Взятие белыми коня повело бы к их форсированному поражению после жертвы черного слона—16. Кр:h2 Фh+ 17. Kpg2 Фh3+ 18. Kpg1 C:g3! 19. fg Ф:g3+ 20. Kph1 Ле4 и т. д.

16. ... Kh2:f1 17. c5:d6 Kf1:g3!
 На этот скрытый тактический удар издалека голландец, по-видимому, не обратил должного внимания.

18. f2:g3 Fe7:d6 19. Kpg1—f2.
 В поисках спасения белые перебазировали своего короля на ферзевый фланг, однако путешествие это оказывается для него губительным. Стоило попытаться наладить оборону ходом 19. Kpg2.

19. ... Фd6—h6! 20. Cb2—d4 Фh6—h2+ 21. Kpf2—e1 Фf2:g3: 22. Kpe1—d2 Фg3—g2! 23. Kd1—b2 Cc8—a6 24. Kb2—d3 Ca6:d3 25. Kpd2:d3 Лb8—d8! 26. Ce2—f1 Фg2—e4+ 27. Kpd3—c3 c6—c5!

В заключение жертвует пешка, и тяжелые фигуры черных пленяют короля партнера.
 28. Cd4:c5 Fe4—c6 29. Krc3—b3 Лd8—b8+ 30. Kpb3—a3 Ле8—e5 31. Cc5—b4 Фc6—b6!, и белые сдались.

На этой диаграмме отображена ситуация, возникшая после 32-го хода черных в партии Таля с чемпионом США Любомиром Кавалекком. Ранее в целях захвата инициативы советский шахматист, игравший белыми, отдал пешку.

Сейчас он, используя наличие пары добротных слонов, старается создать угрозы черному королю, лишённому достаточного пешечного прикрытия.

33. Ca3—d6! Ла8—a4 34. Ле2—b2 Фd8—a8 35. Cg2—f1 Ла4—a2 36. Лb2:a2 Фа8:a2 37. Фd3—c3 f4:g3 38. h2:g3 Фа2—a7 39. Cf1—d3 Kg7—e6?

Защититься черным нелегко, но еще можно было поставить перед наступающим соперником кое-какие задачи. Неудачный маневр коня позволяет белым ворваться в неприятельский лагерь, и в итоге марш их проходной пешки на центральной вертикали оказывается решающим.

40. Cd3—g6! Ле8—a8 41. Фc3—f3! Cd7—e8 42. Фf3—f6 Ce8:g6 43. Фf6:g6+ Ке6—g7 44. e5—e6! Фа7—d4 45. Фg6—f7+ Kpg8—h7 46. Cd6—f8, и черные сложили «оружие».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.05.79. Подписано к печати 16.05.79. А 01055. Формат 70x108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1284. Заказ № 621. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПИСЬМО ОТЦА

УМЕРЕННО.

Музыкальная партитура для первого раздела песни. Включает вокальную линию и фортепиано-сопровождение. Темп обозначен как 'УМЕРЕННО'.

Музыкальная партитура для второго раздела песни. Продолжает вокальную линию и фортепиано-сопровождение.

Музыкальная партитура для третьего раздела песни. Заканчивает вокальную линию и фортепиано-сопровождение.

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА
и Давида УСМАНОВА
Музыка Евгения МАРТЫНОВА

Я читаю письмо,
что уже пожелтело с годами.
На конверте в углу
номер почты стоит полевой.
Это в сорок втором
мой отец написал моей маме
перед тем, как идти
в свой последний решительный бой.

Припев:

Дорогая моя,
на переднем у нас передышка.
Спят в окопах друзья.
Тишина на крутом берегу.
Дорогая моя,
поцелуй ты крепче сынишку.
Знай, что вас от беды
я всегда берегу.

Я читаю письмо.
И как будто все ближе и ближе
тот тревожный рассвет
и биенье солдатских сердец.
Я читаю письмо.
И сквозь годы отчетливо слышу
я сейчас те слова,
что сказал перед боем отец.

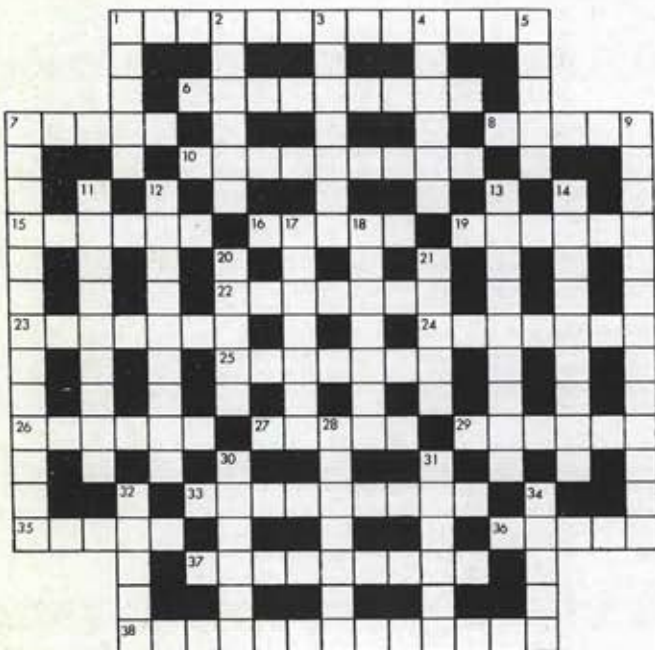
Припев.

Я читаю письмо.
А за окнами солнце смеется.
Начинается день,
и сердца продолжают любить.
Я читаю письмо.
И уверен, что, если придется,
все, что сделал отец,
я сумею всегда повторить.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Л. ЕГОРЬЧЕВ,
г. Горький

По горизонтали:

1. Раздел языкознания, занимающийся составлением словарей.
6. Деталь стрелочного измерительного прибора.
7. Фигура высшего пилотажа.
8. Пьеса А. Н. Островского.
10. Русский архитектор XVIII—XIX веков.
15. Город в Ярославской области.
16. Порт на острове Хонсю в Японии.
19. Стилистическое направление в европейском искусстве в XVIII веке.
22. Драгоценный камень зеленого цвета.
23. Роман Б. Горбатова.
24. Высота боковой грани в правильной пирамиде.
25. Химический элемент, газ.
26. Отрезок прямой определенной длины и направления.
27. Одна из четырех стран света.
29. Разреженное состояние газа в сосуде.
33. Незаконченный роман А. С. Пушкина.
35. Один из Ионических островов.
36. Начальный момент спортивного состязания.
37. Последователь учения об эволюции живой природы.
38. Вещество, промежуточное между изоляторами и металлами в способности пропускать электричество.

По вертикали:

1. Отверстие в металлургической печи.
2. Затвердевший сплав.
3. Процесс шлифовки драгоценных камней.
4. Метод научного исследования.
5. Подвижная часть электрической машины.
7. Шахматистка, экс-чемпионка мира.
9. Музыкальное сопровождение.
11. Курорт в Ставропольском крае.
12. Магнитный пускатель.
13. Пушной зверек.
14. Советский драматург, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
17. Центральная часть колеса.
18. Деталь пишущей машинки.
20. Слесарное приспособление.
21. Город на юге Турции.
28. Разновидность фортепиано.
30. Популярная советская певица, лауреат международных конкурсов эстрадной и народной песни.
31. Электронная лампа.
32. Огородное растение семейства зонтичных.
34. Горизонтальная горная выработка.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

6. Экранизация.
9. Экспериментатор.
16. Владивосток.
17. Кибернетика.
19. Россиль.
20. Гротеск.
21. Форпост.
22. Астахов.
25. Постановщик.
26. Минералогия.
28. Струнодержатель.
31. «Мирандолина».

По вертикали:

1. Триммер.
2. Экспресс.
3. Шадр.
4. Баян.
5. Дизайнер.
7. Эквивалентность.
8. Водонагреватель.
10. Садоводство.
11. «Метаморфозы».
12. Славгород.
13. «Воровский».
14. Диспрозий.
15. Аквагория.
18. Устав.
23. Цветухин.
24. Десятинка.
27. Грейдер.
29. Овал.
30. Желе.

САМОРОДОК ИЗ АЛМАЗНОГО КРАЯ

ГОРОД МИРНЫЙ.

ДОРОГА НА ВИЛЮЙСКУЮ ГЭС.

ЛЕСНАЯ ФАНТАЗИЯ.

С мольбертом или альбомом в руках рабочий Алексей Герасимов часто появляется в самых «горячих» точках Якутии, этого уникального места на земле, где, кажется, сама природа собрала «самое-самое»: арктический холод и тропическую жару, вечную мерзлоту и теплые минеральные источники, а в щедрости на подземные клады—от алмазов до коксующегося угля—ему вообще нет равных.

В работах Герасимова ощущается стремление связать настоящее и прошлое этого своеобразного края и по-своему увидеть его будущее. Художник создает несколько серий картин, посвященных Якутии: «Утро алмазного края», «Таяжные тропы», «Мой город Мирный», «Дороже алмазов»...

Техника исполнения этих серий самая разнообразная—от нежной акварели до строгой графики; но им присуще одно—бережное отношение автора к изображаемому, строгая продуманность композиции и тщательность исполнения.

Рисовать Герасимов никто не учил. Все благоприобретенное. Начал с копирования понравившихся рисунков, а потом стал «выдумывать» свои. В основном на извечную тему: «Природа и Человек». Во время службы в армии Алексей создает скульптурные композиции из жизни животных. Это увлечение не прошло и до сих пор, в его квартире все стены разрисованы юмористическими сценами неожиданных встреч с животными.

Герасимов, отработав напряженный день, рисует ночами. И эта страсть к рисованию растет у него с каждым годом. Уже создано около двух тысяч работ. И многие из них поражают оригинальностью видения

окружающего мира. Это неоднократно отмечали преподаватели заочного университета культуры, который Алексей Герасимов недавно закончил.

Дел у Герасимова много: он постоянно оформляет газету «Мирненский рабочий», иллюстрирует книги местных писателей и журналистов, но прежде всего работа в студии рисования во Дворце культуры объединения «Якуталмаз». Очень уж ему хочется и других приобщить к самостоятельному творчеству.

Николай ХЛЕБОДАРОВ

АЛМАЗНАЯ ТРУБКА «МИР»

ТАЕЖНОЕ БЕЗМОЛВИЕ.

Цена номера 25 коп.
Индекс 70820